

Дарья Матвеева
Съединение

16+

Дарья Чапыгина
Объединение (часть 1)

«Автор»

2013

Чапыгина Д.

Объединение (часть 1) / Д. Чапыгина — «Автор», 2013

Заскучавшая богиня решает развлечься и насылает на простого юношу божественную энергию. Отныне на Эвионе концентрируются приключения, большинство из которых грозят ему смертью: он находит браслет, который нельзя снять без невыносимой боли, за ним открывает охоту жестокий граф, сгубивший не один город... Среди череды бед Эви понимает, что граф оказывается не злодеем, а страдальцем, желающим восстановить честь семьи. Но можно ли верить чему-то в этом мире, если даже боги смотрят на людей, как на марионеток?..

© Чапыгина Д., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Группа автора ВКонтакте:	5
Предисловие	6
Глава первая	7
Глава вторая	12
Глава третья	17
Глава четвёртая	23
Глава пятая	34
Глава шестая	39
Глава седьмая	43
Глава восьмая	47
Глава девятая	50
Глава десятая	54
Глава одиннадцатая	56
Глава двенадцатая	59
Глава тринадцатая	62
Глава четырнадцатая	66
Глава пятнадцатая	74
Глава шестнадцатая	84
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Дарья Чапыгина Объединение (часть 1)

Группа автора ВКонтакте:

<https://vk.com/anviria>

Предисловие

Жизнь, как река, то бежит, подгоняемая течением, то петляет ручьём меж холмов и деревьев, то летит вниз водопадом, не задумываясь о своих брызгах – последствиях беспечности. Она движется вперёд, ломая преграды, стачивая скалы, несмотря на высушивающие невзгоды, острые камни повседневности и льдины одиночества. Надо только дать жизни волю, поднять тяжёлую дамбу сомнений и выпустить её. Тогда жизнь, не взирая ни на что, летит, окрылённая свободой, находит соседнее русло и плывёт с ним рядом, чтобы в конечном итоге слиться воедино и образовать новую, сильную реку.

Глава первая

Божественная ссора

Последние отблески солнца ласкали мраморную площадь перед белоснежным дворцом Бога Света. Цветы, росшие у его подножия, уже закрылись, предчувствуя ночь. Дворец, воздвигнутый на облаках, летел по небу, скрывшись воздушной белизной от жителей планеты, простиравшейся под ним. Внизу была Анвирия – одна из нескольких населённых планет Двусолнечной Системы, само название которой говорит о наличии в ней двух небесных светил. Причудливой восьмёркой были изогнуты орбиты планет между двумя солнцами, вечно спорившими друг с другом за первенство и радостные улыбки на лицах людей.

Тихо скользил по мрамору ветер, копируя медленные движения богов, танцевавших здесь когда-то. Но боги покинули небеса над Анвирией много лет назад: люди приручили драконов и стали свободно бороздить небеса, хотя раньше это было дозволено лишь ангелам. Люди разыскивали богов, беседовали с ними, советовались. Те помогали смертным, выполняли их просьбы, ведь когда тебя просит кто-то, кто рядом, тебе исполнить это легче, чем когда ты вслушиваешься в хор голосов в храме.

Но однажды боги заметили, что люди начинают жить, словно бессмертные. Небожителям стало сложно справляться со своими обязанностями и они запретили людям посещать их небесные жилища.

Оскорблённые жители Анвирии взбунтовались и стали уличать богов в малейшей провинности. Будь то пожар или наводнение – люди тут же взмывали в воздух, и на божьи крепости совершались налёты. Различия между богом и смертным исчезли, люди перестали бояться гнева владык и более не вымаливали помощи, а откровенно требовали.

Боги не могли уничтожить своих подопечных. Ведь даже Бог Смерти, невзирая на оскорблённые чувства, должен исправно выполнять свою работу, не основываясь на личной обиде. Поэтому, во избежание войны между людьми и богами, исход которой был предreshён, небожители решили переселиться на далёкую мёртвую планету Эритею.

Кленея, Богиня Земли, наполнила сухую почву планеты плодородием, и вскоре в небо устремились деревья и сочная, зелёная трава. Бог-Скульптор Мерион воздвиг своим друзьям новые дома, украсил планету статуями и памятниками, фонтанами и храмами. С далёкой Эритеи управлять всей Двусолнечной Системой было куда проще.

Не все боги смирились с расставанием с подопечными. Многие возвращались на Анвирию, но встречали лишь гнев и обиду за то, что покинули небеса. Пока одни боги в ужасе бегали от злобных смертных, другие мотали себе на ус, и мало кто теперь спускается к людям. Изредка прилетала Богиня Любви Афенилла, чтобы поздравить влюблённых, но более никого не видели люди, если только на фресках в храмах.

Пустовавший доселе дворец Бога Света, с которым уже попрощалось солнце, сегодня принимал гостей. Внутри дворца громко играла музыка, феерия цветных одежд гостей-богов отражалась в длинных окнах. Тсэй, Бог Света, решил устроить наполненный воспоминаниями праздник для недавно вернувшейся из долгих странствий подруги.

Бог Света выскользнул на мраморную площадь, надеясь насладиться видами пролетающей внизу планеты. Его лик освещал всё вокруг словно маленькое солнце. Бог облокотился на заграждение у обрыва и ласково посмотрел на Анвирию. Ветер, слегка коснувшись длинных волос его, слетел вниз, к лесу, и зашуршал там зелёной листвой, сигналивая, что до земли он достал. Там же ветер, разгоняясь в вечном соревновании самого с собой, напугал зайца, пошумев кустами, и пустился по течению ручья между камней.

С праздника сбежал ещё один бог, точнее – Богиня Приключений. Тихо приоткрыв дверь, она очутилась на прохладной площади и без труда различила среди скульптур светящуюся золотом фигуру Тсэя, похожую на создание из мрамора.

Узура-Каири, как прозвали богиню в народе, и была той самой виновницей празднества. Девушка, делая вид, что утомилась в обществе богов, неспешно направилась к юноше, шурша салатовым платьем.

Тсэй повернулся к ней.

– Там так душно... – ответила на его удивлённый взгляд цвета утренней зари девушка. Глаза Бога Света завораживали Богиню Приключений вот уже тысячи лет. Очи его были удивительны: золотые зрачки, по два в каждом глазу, олицетворяли два солнца Двусолнечной Системы. Они могли согреть, ослепить и даже испепелить, но сейчас это были просто глаза доброго друга.

Узура улыбнулась и засветилась рыжим светом. Тсэй тотчас же вспомнил, как они когда-то гуляли вдоль реки на Эритее и он сравнивал яркое свечение богини с сиянием солнц.

– Принести тебе что-нибудь попить? Или хочешь амброзии? – учтиво поинтересовался Тсэй.

Узура отрицательно покачала головой и откинула назад рыжие волосы, собранные в два аккуратных хвостика.

– Как давно мы не виделись. Будто бы вечность. – она подошла к нему и тоже облокотилась на заграждение. – Не узнаю эти места... Многое изменилось за время моего отсутствия?

– Не так, чтобы совсем измениться. Но на востоке Анвирии участились пожары. Торф горел каждый час, пришлось тушить.

– Ты тушил пожары? – недоверчиво и с безразличностью посмотрела на собеседника богиня. – Люди что, сами не могли?

– С такими бы не справились. – покачал головой Тсэй. – Даже я с трудом его унял, умудрился и обжечься. – он посмотрел на свою ладонь. – А, ожог уже зажил...

Глаза Узуры-Каири расширились от ужаса, стоило ей только представить, как Тсэй страдает. Рыжий свет вокруг неё наполнился красноватым оттенком, угрожающе отразившемся в её глазах.

– Почему... Почему ты вечно лезешь в огонь? Постоянно спасаешь этих жалких людшек...

– Узура, что с тобой? – Тсэй осторожно взял её за руку, надеясь хоть немного образумить девушку.

– ...будто бы они сами не в состоянии. Скулят, мечутся в поисках вечной жизни, быстрой смерти! Помнишь, как они умоляли тебя избавить город от анагонгии, и ты сразился с ней, а потом смертные доказывали, что и сами справились бы с чудовищем! И про твой подвиг забыли! Они горазды только требовать и обвинять! Тсэй, почему они тебе так дороги?!

– Это мой долг. – спокойный тон Бога Света немного умирил пыл Узуры и больно уколол её самолюбие. – Долг как бога. Ты тоже богиня и не имеешь права без вины осуждать людей в никчёмности. – его лицо, не то осуждающее, не то суровое, расплылось в её глазах, наполнившись слезами. – Неужели тебе их не жалко? Что они могут без богов? Они молятся нам, они верят в нас, хотя сами не уступают нам по силе, просто пока не поняли этого. И для нас же лучше оставить их в неведении. – его голос снова стал мягким, успокаивающим, и слёзы исчезли с её лица, так и не покатавшись с румяных щёчек. Узура встретилась взглядом с Тсэем. Его глаза цвета заходящего солнца сожгли в ней мимолётную ненависть, наполняя колющим, будто слабые разряды тока, теплом. В эти божественные глаза она готова была смотреть вечно.

– Ты прав. – ответила Узура, когда бог отвёл взгляд. – До того, как мы с тобой стали близки, я считала их игрушками, не более. Но благодаря тебе люди стали частью меня. Я путе-

шествовала по храмам, воздвигнутым в мою честь, и везде встречала восторженные, благодарные взгляды. Как смотрит ребёнок на свою маму – так смотрит человек на своего бога... – она робко улыбнулась, но уголки её пухлых губ тут же поползли вниз, не повинаясь ей. Глаза снова заблестели. – Но они отняли тебя у меня, Тсэй. Этого я им простить не могу. До сих пор тебе не безразличны их судьбы! Ты как и раньше жизнь за них отдать готов! Но ты не должен думать только о них, мне ли тебе об этом говорить? – она сжала его руку, не желая отпускать. – Мы – боги, эталон смертных. Но мы так же как и они радуемся, грустим, веселимся и, хоть явно не выказываем чувств, нам тоже бывает больно. Божественный долг не должен вытеснять счастье жизни. А счастье заключается в нас самих. – она глубоко вдохнула, подготавливаясь к тому, от чего бежала многие годы. Теперь Узура решила спросить его напрямую, ведь он – её возлюбленный и не сделает ей больно. – Тсэй, меня преследует один и тот же вопрос вот уже несколько лет. Прошу, утоли мой интерес! Мы были так близки когда-то, но старые чувства сменились новыми увлечениями, мы потерялись в мирах жизни. Каждый день, отведённый мне мною же, я спрашивала себя, зачем я ушла отсюда скитаться по мирам... Но больше мне некуда бежать. От себя не убежишь. Просто ответь. Ты меня любишь?

Тсэй знал, что рано или поздно она спросит, и успел подготовиться. Хотя разбивать сердце кому-то в мыслях легче, чем с глазу на глаз, но он должен был положить конец их отношениям сегодня же. К сожалению бога, сейчас это казалось невозможным, он не мог оттолкнуть её словами. Как друг Богиня Приключений была ему слишком дорога, но как любимая – нежеланна.

Осторожно высвободив руку из её дрожащих ладоней, он оголил от лёгкой туники шею, предоставив богине белое ожерелье – символ божественной помолвки. Девушка в ужасе отшатнулась.

– Ты... – ей не хватало воздуха. – Так ты нашёл другую? – она как-то криво улыбнулась. – И кто же она?

– Рамба, новая Богиня Охоты. – нехотя ответил Тсэй. Он прекрасно осознавал, что такой враг, как Узура, его возлюбленной не нужен, а если Богиню Приключений не успокоить, то она пустит страшные слухи о Рамбе, и новенькая богиня ещё лет сто будет исправлять ложные показания сплетницы Узуры.

– Она сейчас здесь? – краснея от злости, со слезами на глазах Узура кивнула в сторону дворца, из дверей которого лилась тихая, прощальная музыка. Гости расходились, яркими вспышками уносясь в ночное небо на Эритею.

– Нет...

– Я найду её. Найду и убью! – Узура, шурша роскошным платьем, побежала во дворец. Она уже представляла, как расцарапает новоиспечённой богиньке лицо, порвёт одежду...

Войдя во дворец, богиня снова стала весёлой и любезной. На лице не отразилось ни капли боли, бушевавшей внутри несчастной девушки. Улыбаясь знакомым, Узура-Каири молча поднялась по лестнице на второй этаж и скрылась за тёмным поворотом. В полуночной тьме её искажённого страданиями лица видно не было, и она, еле поблёскивая рыжим светом, дала волю чувствам.

Чуть не слетев с петель, дверь в библиотеку врезалась в стену. На пол белым порошком посыпалась штукатурка. В дверях стояла Узура, плечи её дёргались от судорожных рыданий. Она вплыла в освещённую свечами комнату и расплакалась.

В ответ на бесцеремонное вторжение с дивана послышалось угрожающее рычание Сев – Богини Справедливости, уединившейся здесь для ознакомления с новыми фолиантами Тсэя.

Богиня Справедливости имела собачью голову и женское тело, но разглядев, в каком состоянии подруга, Сев сменила звериную морду на слегка вытянутое загорелое лицо с опаловыми глазами и обняла без сил осевшую на диван Узуру.

– Он помолвлен... Почему мне никто не сообщил? – в слезах проговорила девушка, зарываясь в огненные волосы подруги. Сердце Узуры не рвалось из груди, наоборот, смиренно выносило ковыряющий его нож, не сопротивляясь, просто ожидая нового удара.

– Успокойся. – прижала к себе тихо замершую Узуру Сев. – Тебя не было 463 года, он не монах, ждать не будет.

– Но... я любила его! – отцепилась от «справедливости» Узура, глядя обезумевшим взглядом в глаза подруги.

– Не ты ли его отвергла, когда он жил лишь одной тобой? Ты первая разбила ему сердце, а теперь смеешь в чём-то упрекать? – замечание было уместно, но не успокоило девушку.

– Это было столько лет назад! – выкрикнула Узура и тут же добавила с некоторой досадой:

– Мог бы и простить.

– Это чувства ваши были много лет назад. – Сев окончательно отложила фолиант. – Признаться, ты сама сколько раз во время скитаний влюблялась? Зная тебя, могу смело клясться, что фаворитов у тебя было не мало.

И хотя Узура сильно углубилась в свои переживания, её переменчивое настроение всё же одержало верх. Меньше всего в этот день богине хотелось грустить, а потому она уцепилась за спасительную соломинку, подкинутую Сев. Рыжий свет ярче осветил библиотеку, Узура-Каири мечтательно улыбнулась и пропела:

– Ну был симпатичный жрец в одном из моих храмов...

– Никогда не поверю, что был только он один! – скептически смотрела на неё Сев, жеманно улыбаясь.

– Остальные на его фоне меркнут! – отмахнулась Узура и пустилась в рассказы о своих любовных похождениях. Сев зачастую избегала таких подробностей божьей жизни, но сейчас считала своим долгом выслушать подругу и покорно дослушала романтический пересказ до конца.

Завершив повествование, Узура напрочь избавилась от обиды на Тсэя. Теперь она чувствовала в большей степени облегчение, нежели напряжение, но, отделавшись от угнетающих мыслей, ощущала грусть, срочно требующую утolenия.

Гнетущую тишину разбавляли мерные лёгкие хлопки ладонью по подушке, которую Узура намеревалась взбить для удобства, но Сев не так поняла помыслы подруги:

– Дорогая, лучше положи это, а то будет, как тогда с вазой. – она напомнила девушке про случай, когда Узура, рассердившись, случайно наполнила сосуд своей божественной силой и кинула в проходившего мимо Бога Достатка. После этого он не мог ступить и шагу: сила богини, перешедшая из вазы на него, ежеминутно притягивала приключения и выветрилась из пострадавшего бога лишь спустя месяц.

Глаза Узуры загорелись, она вскочила, не выпуская подушки:

– А ведь это мысль! Развлечёмся? – подняв свободной рукой полы платья, богиня выбежала из библиотеки.

Зал опустел, один только Тсэй рассеяно метался по нему, выискивая Узуру.

– Тсэй! Хочешь зрелища? – крикнула ему Узура, сбегая вниз по лестнице. – Вперёд! На балкон!

Пять лун встали в ряд, освещая мраморную площадь, на краю которой в ожидании стояли три божества. Одна из них крепко сжала сиреневую, расшитую бисером подушку, и та засветилась рыжим светом, наполняясь божественной силой. Узура замахнулась и кинула надутую светящуюся подушку с балкона площади на засыпающую Анвирию.

Словно комета, подушка полетела с небосклона и рыжим хвостом рассекла ночной простор на две половины.

Эвион Пелуа, симпатичный юноша 17-ти лет, шёл по широкой оживлённой улице, освещённой фонарями и витринами. Его средней длины русые волосы были собраны сзади в хвост, но некоторые пряди всё равно выбились и разметались по плечам. Приветливое лицо Эвиона излучало счастье, в глазах юноши пылали маленькие огоньки – сегодня у него весьма удачный день: Эвион устроился курьером на лето в небольшую фирму и теперь ему не придётся думать, на что он и его мама будут жить завтра. Раньше у юноши не возникало этой проблемы, но с момента расставания матери с её очередным «единственным» денег на еду и дом стало крайне не хватать, а так как на «заработки» матери рассчитывать пока не приходилось, Эви облазил все офисы, но работу нашёл. Конечно, курьер – это не предел его мечтаний, ведь Эвион хочет быть пианистом. Но пока надо довольствоваться и этим.

То, что приближалось к Анвирии, подушкой назвать уже было нельзя. Сгусток оранжевой энергии на бешеной скорости сжигал сам себя. До столкновения с целью оставалось меньше секунды.

Глава вторая

Подарок с небес

Сильный удар в голову сбил Эвиона с ног. Он, преодолевая звенящую боль, оперся рукой о стену в ожидании, когда головокружение пройдёт. В глазах всё плыло. Лёгкие, похожие на слабые разряды тока, тёплые волны расплывались по его телу, заметно ослабив его и в то же время словно открывая второе дыхание. Юноша сделал несколько глубоких вдохов ночного воздуха, насыщенного запахом пекарни, у стены которой он стоял, открыл глаза и попытался сконцентрироваться на фонарном столбе.

Громкий, прерывистый крик и глухой удар привлекли Эвиона, но похоже кроме него никто из прохожих на это не отреагировал. Парень, насколько позволяло расплывчатое изображение перед глазами, осмотрелся в поисках ударившего его предмета, но не увидел его. Тогда Эви пошёл за угол дома на пустую, уснувшую улицу, откуда донёсся крик.

Исчезли последние отголоски ночной жизни, Эвион очутился в полной тишине и резко замер. Зрение тут же вернулось к нему, и в свете тусклого фонаря юноша увидел распластавшегося на земле в луже тёмной жидкости мужчину, с неестественно сильно пригнутой к плечу головой. Багровая струя змеёй выползала из-под человека.

К парню вернулся разум, и он тотчас же склонился над телом, прощупывая на холодной руке пульс. Осознав, что лежащий уже мёртв, Эвион хотел было достать мобильный и позвонить в скорую, но что-то блестящее на руке покойника отвлекло его внимание. Эвион, преодолев смущение, лёгкий страх и стыд за столь вольное поведение, отогнул рукав кофты мужчины – на его запястье, отсвечивая огонь фонаря, висела тонкая металлическая проволока, идеально сделанная каким-то мастером. Эвион коснулся гладкой поверхности украшения, и оно, словно вода, струйкой скользнуло ему на запястье, приняв на нём свой первичный вид браслета.

Юноша отскочил от тела, боясь шевельнуть рукой, на которой сидел металлический объект, напоминавший ртутную нить.

В одном из тёмных домов послышались громкие, отчётливые в пустом ночном воздухе шаги. Эвион, затаив дыхание, вглядывался в открывающуюся дверь подъезда, на которую падало несколько лучей фонаря. Самого парня, без движения стоявшего над трупом, было отлично видно в свете лун, но он даже не подумал скрыться.

Из дома вышли двое мужчин почти одного роста. Они обычной, прогулочной походкой направлялись к Эвиону и трупу позади него. Парень наконец осилил тревогу, сковавшую тело, и еле опустил руку с браслетом. Мужчины остановились метрах в трёх от него.

– П-простите... – выдавил Эвион дрожащими губами. – Тут человеку плохо. Не могли бы вы... вызвать скорую? – запинаясь, парень уже прикидывал, куда будет бежать, когда его заподозрят в убийстве.

– Так он же мёртвый, зачем зря скорую трепать? – тихо сказал первый. – Или тебе тоже необходима помощь?

– Ему она тоже уже не нужна, – по голосу Эвион понял, что на губах второго кривилась ухмылка. – Не повезло тебе, парень. – он извлёк из кармана пистолет и уверенно направил на Эвиона.

– Вы чего?! – от испуга парень сразу же сорвал голос. Смутно думая, в какую сторону уворачиваться, он отступил на шаг назад, но не успел его убийца нажать на курок, как металлическая нить сорвалась с руки Эвиона и стрелой метнулась в грудь противника. Мужчина уронил пистолет, а затем сам рухнул на землю. Нить вылетела из его сердца и, полоснув шею второму, вернулась на запястье Эвиона, победно окрасившись маленькими красными капельками, которые тут же упали на дорогу.

В окружении трёх трупов Эвион был не долго и, резко развернувшись, побежал прочь из закоулка на оживлённую улицу. Не отдавая себе отчёта в происходящем, он бежал сквозь толпу и наконец, почти теряя сознание, влетел в свой дом.

Судорожно и быстро закрыв дверь на все три замка и дрожащими пальцами одев дверную цепочку, он бросился в ванную, включил воду и сунул под ледяную струю руку, на которой блистал проклятый браслет. В голове гулко отзывался бешеный стук сердца.

Отмыв запястье от крови, принесённой железякой, Эвион сдёрнул проволоку и швырнул на пол. Браслет, звякнув, откатился в сторону. Тут же голову парня пронзила острая боль, тысячи колоколов зазвенели внутри и казалось, вот-вот лопнут барабанные перепонки. Юноша трясущейся, как у старика, рукой инстинктивно поднял браслет, тут же перекочевавший на запястье. Эвион угадал с лекарством: боль тут же прекратилась. Он сполз вниз по стене – холодный пол был как раз кстати. Только сейчас он более-менее понял, что почти его руки убили двух человек, что он, видимо, их убийца. Задержав на мгновение дыхание, юноша прижался щекой к полу, вслушиваясь в идеальную тишину, постепенно убеждая себя в своей безопасности. Но вдруг его заметили? Вдруг кто-то запомнил его и завтра же Эвиона схватят?! Как самый счастливый день лета стал решающим в его жизни? Как он мог убить кого-то? Нет, это не он. Он не мог... Или мог?

Юноша чувствовал леденящий ужас, змеёй ползущий по спине. Начался озноб, то усиливающийся от ярких воспоминаний, то стихающий. Мысли не находили ни начала, ни конца в его голове и были брошены так, без разбирательств. Так же, как через несколько часов его бросят в тюрьму, не выслушав. А рассказ о злосчастном браслете наверняка заставит смеяться всех присутствующих в зале суда, и вместо тюрьмы убедительно кричащего про мистическую силу железного обруча Эвиона отдадут в психушку. Там ему предстоит окончательно сойти с ума. Но ведь... браслет спас его! Ещё немного – и рядом с телом разбившегося мужчины лежал бы и сам Эвион.

Умоляя, чтобы всё это оказалось только страшным сном, парень уснул, надеясь проснуться от кошмара в нормальной реальности.

Открыл глаза он ранним утром, когда солнце заглядывало в окно и не находило в квартире признаков жизни. Продрогший насквозь Эвион сел на полу и нехотя откатил рукав рубашки – браслет тихо сидел на запястье. Память записала вчерашнее событие в отличном качестве и с готовностью крутила плёнку вновь и вновь. Эвион вскочил и включил свет. Пристально разглядев рукав рубашки, юноша убедился, что на ней нет пятен крови. Он посмотрел на своё отражение в зеркале: тёмные грустные глаза, спутанные длинные русые волосы, часть которых окончательно выбилась из хвоста... А само лицо, ранее озарявшееся весёлой улыбкой, теперь мрачное и обескураженное.

– Так, хватит с меня. – Эвион, откинув волосы с лица, еле улыбнулся самому себе и окатил лицо холодной водой. Его лихорадило от воспоминаний, и он отыскал в тумбе успокоительные таблетки своей матери. Несколько минут глядя в зеркало, он убеждал себя, что на него напали и что он лишь защищался. В довершении всего он сказал себе, что отпечатков пальцев на трупах бандитов он точно не оставил и надо вести себя по-обычному, дабы не вызвать подозрений.

Выйдя из ванной в лучи солнца, он тут же бросился к окну – под светом лампы пятен крови на серой рубашке он мог не заметить. Снова с замиранием сердца бешено осмотрев рукава, он отошёл от окна. Эвион уловил скрежет за входной дверью. Кто-то пытался открыть замок, но у него это выходило не особо удачно. В голову парню пришла мысль о том, что полиция узнала, кто убийца, и его хотят арестовать.

«За мной пришли... – он подошёл к двери, подумав посмотреть в глазок, но не мог до неё дотронуться. – Сейчас откроют дверь, заберут в тюрьму. Меня заметили, кто-то наверняка смотрел в окно... Но было темно... Чёрт! Я стоял под фонарём! Меня точно заметили!»

Эвион тихо стоял у двери, готовый на первые вопросы полиции кричать о самозащите, и прислушался: за дверью нежный женский голос уговаривал ключ войти в замочную скважину, но после очередной попытки женщина завопила:

– Эви! Я знаю, ты не спишь! Открой дверь! – после этих слов женщина стала стучать кулаком в деревянную доску с ручкой.

Эвиона как током ударило. Он сразу же отцепил дверную цепочку, отпер три замка, не помня, как вчера умудрился их закрыть.

– Привет, мам, рано ты сегодня. – произнёс Эви, поймав ключи мамы.

– Здравствуй, дорогой. – в дом вошла высокая стройная женщина с гладкими чёрными волосами. Лючину Пелуа можно было легко принять за сестру Эвиона, но никак не за мать: слишком много в ней было молодости и живости. – Ты не заболел? У тебя больные глаза...

– Да нет, просто плохо спал. – Эвион, более расслабленный после успокоительного, решил не шокировать маму известием о сыне – убийце. – Так почему ты так рано домой пришла? Я думал, ты к обеду...

– А тебе это не нравится? – спросила она, входя в кухню. – Ночью было совершено нападение на троих человек на соседней улице. Вот уж не думала, что такое может произойти так близко от меня! Мой... – Лючина скромно улыбнулась тому, что забыла рассказать сыну об очередном ухажёре, – мой друг как раз живёт в переулке, где произошло убийство. Просыпаясь я от звука сирены, смотрю в окно, а там скорая, полиция и кровища... – она зажмурилась и громко выдохнула, прощаясь с ночным кошмаром. Лючина плеснула в чёрную кружку кофе и села за стол, за которым Эви, закрыв лицо руками, еле сдерживался, чтобы не закричать от ужаса. – А я давно говорила, что всех преступников надо убивать! А то выходят из тюрьмы и опять за своё! – она отпила кофе и посмотрела на сына. – Что с тобой? Тебе плохо?

– Всё нормально... Я в порядке. – проглотил ком в горле Эвион. Ему всё труднее было сдерживать дрожь. Казалось, мама заметила, как тряслись у него руки. – Почему ты думаешь, что убийца – профессионал, отсидевший срок?

– Ну кто ещё мог так зверски расправиться с людьми!? – возмутилась Лючина, а Эвион окончательно умер, находясь в полубморочном состоянии, и смутно говоря себе, что это всё браслет. Он ведь не убивал, он только держал железную нить! Но такие показания полиции вряд ли понравятся, и мама будет считать единственного сына сумасшедшим. – Хотя кто их знает. Хорошо, ты в порядке. Я, как успокоилась, тут же домой побежала, так волновалась!

– Надеюсь, полиция быстро найдёт убийцу. – Эви посмотрел в окно, думая о том, что не возражает против пожизненного заключения или смертной казни. Главное – побыстрее, чтоб мысли о своей виновности, которые он старательно откинул на задний план, его окончательно не убили. Ведь как никак браслет был у него в руках. Но сам в полицию он не пойдёт. Или стоит рассказать им? Сумасшедший дом ему обеспечен.

– Конечно они его найдут! Это же их работа. – его мама хотела завести разговор о чём-то другом, но Эвион резко вскочил со стула.

– Точно! Мам, я ж на работу устроился! – он мимолётно глянул на часы над дверью и выбежал из кухни, схватившись за единственный шанс развеяться от кошмаров.

– Что ж ты меня не предупредил! Поздравляю! – Лючина так и светилась, кинувшись за ним с гордым лицом выигравшей очередную партию зазнайки-шахматистки. – И кем же ты стал?

– Да так... Курьером.

– А получше найти не мог? – на её лице отразилось изумление, перетёкшее в кислую мину.

– У меня среднее полное образование. – пока Эвион расчёсывал спутанные волосы и пытался перевязать их резинкой, мать вылила на него тонну недовольствий по поводу его профессии, хоть как-то отвлекавших его от вчерашних убийств.

Вылетев на улицу из душившей его атмосферы, он тут же почувствовал облегчение – мамы с её рассказами рядом не было, хотя без неё тоже плохо. Зато свежий воздух и целый рабочий день впереди! Только бы отвлечься...

Эвион сразу свернул налево, подальше от злосчастного переулка. Мама сказала, что она была в доме напротив? А если бы она его увидела? А если бы он убил и её? С чувством стукнув себя кулаком по голове за такие мысли, он ускорил шаг – начальник будет явно не в восторге от его опоздания и уволит. Или начальник сам опоздает? В любом случае всё, что ни делается – к лучшему. Даже то убийство... За это Эви опять треснул себя по голове.

– Слава богу! Хоть кто-то пришёл вовремя! – радостный, явно новый начальник рылся в своём небольшом загруженном столе. – Ты-то мне и нужен!

Эвион не понял, кому были адресованы слова – листку бумаги, который директор службы доставки выудил из кучи других, или его новому сотруднику.

– Так, у нас есть заказ на два вентилятора в офисы «Бонси». Знаешь это здание?

– Четыре остановки на автобусе? – уточнил Эвион.

– Да, да точно! – весёлый начальник смял лист бумаги и точным броском попал в корзину у двери. При этом он победно сжал кулак. – Это слишком близко, поэтому машину не бери. Вентиляторы стоят у охранника.

Эвион понял, что на этом разговор окончен и вышел из кабинета с табличкой «Директор Н.-С. Герте». Взяв у охраны коробку с небольшими настольными вентиляторами, он вышел на улицу.

«Мне кажется, или эта железка стала теплее?» – Эвион ощутил лёгкий нагретый неизвестно чем браслет. – «Вчера она точно была холодной. Изменяет форму, нагревается и холодеет неизвестно от чего, нападает на людей... И снимать её не особо хочется. Что это за вещь вообще!?» – мысли смешались в голове Эвиона, одна страшнее другой, но ни одна не была правдоподобна.

Внеся в автобус коробку, Эви одел наушники и устремил взгляд вглубь мелькающих улиц. Деревья, дома, люди, в небе парят птицы, рядом тянутся рельсы железной дороги... Жизнь ни капли не пошатнулась из-за ночных проделок браслета, зато кто-то сейчас оплакивает погибших. Эвион уже жалел, что его не пристрелили. Ему казалось, что все в автобусе смотрят на него. Он сильнее прислонился к окну и закрыл глаза. Весёлая быстрая музыка струилась по волнам его мыслей, порождая разные цветные картинки – вот он гуляет с любимой, вот он играет с друзьями в футбол, вот получает первую зарплату... Надо обязательно это отпраздновать!

В хорошо знакомой музыке произошли изменения: добавились отдалённые женские вопли, плачь ребёнка. Вполне реальные. Сквозь наушники Эвион услышал скрежет металла, вой тормозов и испуганные крики. Молниеносно выдернув наушники, он обернулся назад.

Сошедший с рельс пассажирский поезд летел сзади на автобус. Состав, словно дикий зверь, налетел на автобус, на бешеной скорости протаранив заднюю часть, и начал подминать сиденья и людей под себя. Как монстр, рвущий свою трепыхающуюся добычу, поезд мордой проехался по автобусу, превратив его в груды искорёженного металла.

Дикая боль, вспыхнув в правой руке Эвиона, а следом и во всём теле, отключила сознание, и слыша отдалённый звон разбитого стекла, чувствуя холод в области плеча, ледяные покалывания в теле, юноша покинул этот мир.

Солнце так же ярко светило на улицу, не прекращая засылать лучи в дома изведывать обстановку. Несколько лучиков проникли в большое круглое здание с обширным ограждённым

садом. Люди в белых халатах сновали туда-сюда, о чём-то переговаривались, что-то несли. Лучам стало утомительно наблюдать за вечной беготнёй и они покинули здание.

«Тишина. Нет, что-то тут есть. Это маленькие мокрые капли разбиваются о водную гладь. Вода... Прохладная вода... Дует свежий ветер, шелестят маленькие берёзовые листочки. Только темно. Не видно ни воды, ни деревьев. Как-то грустно. Только звуки. И они искажаются. Шелест теперь похож на перелистывание бумажных листков. Резкий хлопок. Это точно не рыба плещется. Очень жалко. Капли воды приняли какое-то электрическое, раздражающее звучание. Нет, это не на природе. Но где тогда? Прохладно... Значит, не дома. Жёстко и больно, значит, жив. Чего-то не хватает? Возможно, но это не главное. Плотный, по краям холодный... Кислород? Значит всё же жив!»

Эвион резко открыл глаза и заморгал. Белый свет в окне, белые стены... Не Рай, но и не Ад – больница. Как он сюда попал? В автобус въехал поезд... Сколько людей выжило, интересно?

Юноша боли в теле не нашёл, попытался привстать, но тут же опрокинулся на правый бок, за чем последовал колкий удар в плечо. В голос зашипев, лишённый всяких мыслей, Эви отскочил от простыни и свалился с койки. В страхе он закрыл глаза и боялся шевельнуть правой рукой. Минуту спустя он протянул левую руку, осторожно, чтобы не травмировать другую. Парень дотронулся до правой руки, и уткнулся пальцами в рёбра. Теперь он дёрнул правым плечом – ответом была ноющая боль, затем холодное и мокрое ощущение.

Эвион открыл глаза. Видя, словно в тумане, он повернул немеющую шею, опустил взгляд... Правой руки нет. Осталось только плечо. Точнее что-то перевязанное, всё в бинтах и очень неприятное.

Эвион сел на кровать, ощупал здоровой рукой плечо без окончания. Невесомое нарастающее волнение и отчаяние разошлись внутри. Он отвернулся от правого плеча, начал рассматривать белую дверь, кафельные стены, потом бессознательно уставился на ненавистный браслет, разглядывая в нём своё отражение. Почему доктора не сняли его? Или не заметили?

Глава третья

Любимая

Боги, свесившись с балкона мраморной площади, с сочувствием и в то же время с нетерпением смотрели на Эвиона. Узура-Каири, упиваясь амброзией, любовалась плодом своей деятельности, не ведая боли, которую испытывал Эвион.

– Тут сюжет будет поинтереснее, чем у дриад на прошлой неделе. – заинтересованно всматривалась вниз Сев.

– И герой посимпатичнее... – добавила Узура.

– А я бы добавил пару девушек. – предложил Тсэй, мечтательно опустив голову на руки.

– Ты помолвлен! – в один голос рявкнули две богини.

Иногда бывает так: все планы рушатся, всё накопленное исчезает, всё прошлое всплывает. И происходит это в самый неподходящий момент, когда тебе нужна помощь, а никого рядом нет, тебе нужны средства, а они кончились. И что делать? Ждать?

В дверь робко постучались. Чуть она приоткрылась, сквозняк сдул лёгкое покрывало с Эвиона, которое он спешно накинул на травмированное плечо.

– Привет, это я. – в его палату вошла невысокая блондинка с тревожным взглядом. Её лицо было бледно, словно бутон ландыша, а худенькие руки сжимали цветы.

– Майя, как я рад тебя видеть... – по лицу юноши скользнул лучик надежды.

Девушка подошла к его кровати и протянула маленький букетик белых цветов. Эвион, чуть помедлив, взял его левой рукой, то есть хотел сперва взять правой, но, увы, её не было.

– Спасибо, чудно пахнут! – Эви заставил себя улыбнуться и чуть привстал. Покрывало слетело с плеча и взгляд Майи метнулся к красноватым бинтам.

– Ох... – она сразу же отвернулась, сжимая горло рукой. – Эви, как же ты это пережил... – она вдохнула побольше воздуха и продолжила на одном дыхании. – Как ты себя чувствуешь?

Майя села рядом с ним на кровати.

– Да всё нормально! – Эвион накинул на правое плечо покрывало, чтобы ещё больше не пугать свою девушку. – Я толком не понял, что было. Всё произошло слишком быстро и моментально вырубился, так что... Ничего не помню.

В дверь снова постучались.

– Войдите. – радостно откликнулся Эвион, довольный повышенным вниманием к своей персоне и воодушевлённый присутствием Майи.

– Эви! Живучий же ты! – кинулся ему на шею вечно растрёпанный Офэн, его лучший друг.

– Полегче там с ним! – прикрикнула вошедшая следом стройная высокая девушка с короткими русыми волосами и огромными голубыми глазами. Пронизывающим взглядом она оглядела друга.

– Я в порядке, Ирен. – Эвион опять улыбнулся, и друзья, окружив его, начали расспрашивать пострадавшего о самочувствии и ощущениях. При помощи Офэна Эви облокотился на подушку.

– А где мама?

– В коридоре. Ей пришлось дать успокоительное – она чуть операцию тебе не сорвала. Бегала, кричала... – пояснил его друг.

– Как это на неё похоже. – невесело улыбнулся Эвион. – Сколько я здесь нахожусь?
– Два дня.

– Господи... Два дня назад? – Эвион посмотрел на друзей, ожидая, что они продолжат. Но они молчали. – Как это произошло?

– Поезд сошёл с рельс и пробил автобус. – ответил Офэн. Девушки сидели молча. – Кстати... В полиции сказали, что поездом управлял неизвестный. Его опознать не удалось. А машиниста, который должен был вести состав, нашли без сознания под перроном. Сочли, что это теракт. Было много тяжело раненных, но врачи всех спасли. А то, как ТЫ выбрался из автобуса... – Офэн оживился и улыбнулся дрожащими губами. – Ты умудрился в последние секунды выбить окно и почти выпрыгнул! Вот только рука... Но сам факт!

При этих словах Майя вздрогнула и с обожанием посмотрела на Эви.

– Я не бил окно...

Когда его выписали, Эвион ушёл с работы. Директор по телефону выразил своё сожаление парню и пожелал скорейшего выздоровления. Отец Эви, давно покинувший семью, прислал в помощь сыну деньги, а когда Лючина пришла в себя, она то и дело рыдала, глядя на искалеченное тело сына и гадая, как ему жить дальше. Зато Эвион уже продумывал план по возврату конечности: для начала надо было накопить крупную сумму, затем найти алхимиков, готовых заняться его рукой, и он снова вернётся к нормальной жизни. Вот только после недавней войны, отголоски которой всё ещё слышались на севере Эсии, алхимики были заняты помощью солдатам и до Эвиона им дела не было. Да и пока он накопит синапласы, года три пройдёт... И мечта стать пианистом томится в ожидании. Но если это мечта, то Эви её осуществит и пусть только попробует кто-то или что-то ему помешать.

Эти мысли его утешали и давали сил. Когда он представлял, как мастерски завершит сонату и зал будет стоя аплодировать, в сердце Эвиона разжигалось пламя. А в фантазиях, в которых он давал интервью, его обязательно спрашивали «как вы нашли в себе силы играть после такой катастрофы»? И он отвечал, что вера в себя и поддержка родных оказали большую помощь в те непростые времена... Хотя бы ради этих слов журналистам, в наличии которых в будущем Эвион не сомневался, можно было потерпеть утрату.

Однако ещё одно потрясение на время снова выбило его из колеи. Майя сообщила, что им лучше остаться друзьями. Он дал ей согласие, сказав, что сам об этом подумывал и, когда она ушла, долго корил себя за это, хотя знал, что девушке лучше быть с полноценным парнем, а не с калеккой.

Эвион с трудом понимал, сколько ещё ударов судьбы способно перенести его сердце. И главное – за что? За то, что устроился на работу? Или за то, что убил двух людей и не успел помочь умирающему, который, возможно, был мёртв ещё до прихода Эви? Парень убеждал себя в том, что происходящее – всего лишь сон. Скоро он проснётся, и рука будет на месте, девушка от него не уйдёт, сам он никого не убьёт и не будет свидетелем смерти, но самое главное – на руке не будет этого мерзкого браслета. Стоило бы его выкинуть, но кто знает, может снова будут звенеть колокола в голове и это никогда не пройдёт?

Лучи сновали по земле в поисках интересных неосвещённых уголков, вторгаясь в чужую жизнь, освещая её и лаская теплом. Наткнувшись на густой еловый лес, тянувшийся в белом тумане, они в испуге отшатнулись, покинув это место и навсегда забыв туда дорогу.

Зато водитель небольшой серебряной машины, мелькнувшей меж деревьев по теряющейся трассе, хорошо помнил этот маршрут.

Большое окно лесной усадьбы, вытянутое вверх к остроконечной крыше, отражало весь лес, в тумане представший в цвете морской волны. Ещё двадцать таких же окон безропотно раскрывали обитателям тёмного дома девственную природу, не давая ни одной детали скрыться. Спокойный лес пронизан пристальными взглядами, для заблудших сюда путников не существует ни Рая, ни Ада, ни жизни, только вечный страх. Заблудившийся вскоре теряет надежду самостоятельно выйти из леса. Ведомый безысходностью, он, в конце концов решает и приближается к старой усадьбе в надежде на помощь. И вряд ли ему уже удастся уйти.

У окна стоял рослый, статный и видный джентльмен в чёрном парадном фраке, разбавленном цветным платком на шее, заколотым бриллиантовой брошью. Взгляд его чёрных вороньих глаз отстранённо пробежался по лесу и с детским любопытством замер на серебряной машине, из которой вышел мужчина в военной одежде и направился к усадьбе.

– Гертам Линс! – расплылся в добродушной улыбке граф Белиан Спеода, встречая вошедшего в комнату мужчину в военном камзоле. – У вас есть интересные новости, не так ли? Ну скажите же, не томите.

– Добрый день, граф. – вздохнув, мужчина снял фуражку. Правую сторону лица генерала Линса рассекал длинный шрам до подбородка, а взгляд был печален. – Радовать вас особо не приходится. Трое моих людей убиты. Двое были заколоты талисманом при необъяснимых обстоятельствах, один разбился на поезде при исполнении.

Улыбка на лице графа уменьшилась, но от этого не перестала наводить ужас. Граф Спеода обошёл тяжёлый резной стол и расположился в кожаном кресле.

– Дорогой друг, я так понимаю, талисман ускользнул из ваших цепких... лап. – последнее слово граф Спеода произнёс с особым отвращением, не спуская с лица улыбки. – И где же он сейчас? Вы нашли нового обладателя?

– Да, почти. Он проживает в Сои. На данный момент должен быть или на кладбище, или в больнице. Мы совершили теракт, однако парень оказался живучим. – генерал Линс ожидал вердикта графа, но он лишь откинулся на спинку кресла, закрыл глаза и, будто бы дирижируя, помахал рукой.

Эвион потихоньку привыкал к жизни без руки. Портило все его планы о приспособлении к роли калеки только то, что правой рукой он ел, писал, да и вообще делал всё. А теперь приходится переучиваться. Неделю он сидел дома, разминал единственную конечность и с обидой поглядывал на металлическую нить, сидевшую на его запястье, а потом всё же решил прогуляться.

Из принципа он не стал закатывать болтающийся рукав кофты отсутствующей руки. В итоге при малейшем дуновении ветра рукав безжизненно трепетал на ветру, словно флаг поверженного войска. С одной стороны так и было – руки нет, а значит и «крепость» разрушена. Но всё, что попадает под осаду, продолжает сопротивляться.

Эви прогуливался по каменной мостовой, старательно шагая по прямой и не заворачивая в переулки дабы не убить ещё кого-то. Пройдя пекарню, у которой всё и началось, он вдохнул соблазнительный аромат только испечённых плюшек и влился в толпу.

Тут он ещё раз вспомнил тот роковой вечер, мысли о котором он учился всё реже допускать, с мучением представил умирающего и двоих бандитов, в очередной раз сказал себе, что убийство было самозащитой, что по сводкам новостей те нападавшие были давно в розыске, что он сделал это на благо общества и вообще он этого не делал, он просто стоял рядом.

Машины, люди, ветер – всё смешалось в летнем, тёплом воздухе, кружась цветными красками, струясь лёгкими отголосками прошлого, врываясь в жизнь и улетаая, оставив в памяти фрагменты. Одинокй, ничем не занятый прохожий всё бы отдал, чтобы оказаться в числе везунчиков, увлечённых делом, или самозабвенных весёлых компаний, или несущегося мимо тёплого порыва, разгоняющего в стороны волосы с лица красавицы.

Приятели, друзья, родные... Всегда помогают расслабиться, справиться с мыслями, не остаться наедине с проблемой. Но зачастую одним это не интересно, другие слишком увлечены делами, третьих ты уже успел вымотать одним и тем же вопросом «как быть» и ты снова один. В поисках решения прочёсываешь дно всемирной истории, книги, интернет, выискивая нужные советы, и всё равно ошибаешься, но хотя бы успокаиваешься на время. Вроде сделал всё, что мог, но дело совершено, и назад пути нет.

Эвион свернул на просёлочную дорогу, идущую перпендикулярно городу, и пошёл между цветными заборами, скрывающими лающих собак, кусты сирени, играющих в саду детей и бесконечные огороды. За одним из таких цветных, радостных заборов жил его лучший друг и безумный любитель истории – Офэн. Несколько дней Эвион ломал голову, где узнать хоть что-то про металлический браслет, и пришёл к выводу, что ответ прямо перед носом.

За синим забором слева от дороги раздавались чьи-то весьма бойкие завывания под гитару. Эвион остановился у калитки, и, усмехнувшись пению своего друга, постучал. Ноль внимания. Парень толкнул дверь и вошёл на территорию. Обойдя аккуратный деревенский дом, Эви помахал Офэну и Ирен, восседавшей на куче поленьев, и дослушал песенку собственного сочинения Офэна.

– Наконец-то! – рассмеялся Эви, когда его друг отложил гитару.

– И тебе привет. – ответил растрёпанный парень. – Ну что, выполз наконец?

– Ага. Можно тебя на пару слов? – с извиняющимся взглядом Эвион отвёл Офэна от Ирен, – Ты слышал о недавнем убийстве трёх человек в переулке?

– Кто об этом не слышал? – задал риторический вопрос Офэн, грустно усмехнувшись. – Ты что-то знаешь об этом?

– В общем... – Эви вдохнул побольше воздуха в лёгкие, будто оцепеневшие при заморозке. Язык не поворачивался, но душа изнывала в нетерпении поделиться с кем-то болью. – Это я их убил.

Дальше Офэн начал долго смеяться, что сильно задело Эви, и тот, в негодовании тряхнув друга единственной рукой, помахал перед ним браслетом.

– Вот! Всё эта штука! Она продырявила тех двоих, когда они хотели меня убить. – браслет ргутной змейкой сполз на ладонь к Эвиону. – Не знаешь, что это?

– Любимая... – только и мог ответить Офэн, глядя на нить, словно заворожённый.

– Ты спятил?! Вон твоя любимая, на брёвнах сидит! – Эвион с опаской отшатнулся от друга.

– Да нет же! Это талисман «Любимой»! – Офэн не веря глазам уставился на металлическую нить и напрочь забыл о том, что сотворил его друг. О каких проблемах речь, когда перед ним настоящая реликвия?! – Где ты это откопал?

– Снял с одного из убитых. Ты знаешь, как от него избавиться? Я пытался снять, но от этого появляется дикая боль и... – Офэн не дал Эвиону договорить, жестом указав следовать за ним.

– Честно, я не хотел их убивать! Это... получилось...

Офэн остановился на ступеньках, повернулся к другу и вдруг обнял его. Когда он отдался, в его улыбке и глазах было тёплое дружеское понимание.

– Эви, ты – мой друг и знаю я тебя, как родного брата. – он похлопал друга по здоровому плечу. – Главное – что ты сам живой. Что с тобой произошло!.. А те двое были в розыске за

убийства, они получили по заслугам. И ты не должен себя винить в том, что сделала эта штука. К тому же ты защищался...

Эвион был дико рад, что единственный человек, которому он решился сказать правду, его понял. Офэн, когда в газетах писали про то или иное убийство, всегда осуждал преступников, но яро стоял на том, чтобы людей, убивших в целях самозащиты, оправдывали или смягчали им приговор.

Войдя в светлый холл деревенского домика, отдающего запахом сырого дерева, Офэн кинулся к старому книжному шкафу, заваленному книгами по истории о прошлом и предположительном будущем. Порывшись там, он выдернул потрёпанную книгу «Легенды и мифы о талисманах Анвирии».

– Итак! – он довольно открыл оглавление. – Талисман «Любимой», страница 185. – Офэн, увлеченный исторической находкой, представшей перед ним, пролистал полкниги перед жадно глядящим на него Эвионом и вконец ничего не понимающей Ирен. – «Талисман «Любимой». Первое упоминание о нём найдено в 3865 году. Представляет собой нечто похожее на длинный металлический шнур, принимает разные формы. По легенде, девушка Айола, чей возлюбленный ушёл на фронт, создала этот талисман из ртути, части своей души и неизвестных нам компонентов и отослала юноше с письмом, на котором было написано «От любимой». По описаниям из письма Айолы, талисман будет защищать обладателя от грозящей ему опасности. Но её возлюбленный погиб, а талисман был потерян на поле боя либо найден другим воином. Сама Айола скоропостижно скончалась, так как не смогла жить, отделив от себя часть души. Ходят слухи, что талисман защищает обладателя лишь потому, что внутри находится как раз душа этой девушки, иначе самостоятельно принятые талисманом решения о нападении объяснить нельзя. Снять «любимую» с владельца можно только после его смерти или же в храме города Дестан». Конец статьи! – захлопнул книгу Офэн.

– погоди! Отдай! – Эви попытался перехватить книгу у Офэна, но тот увернулся. – Не издевайся над калекой. Мне надо автора посмотреть.

Автором статьи был Эриен Ван Хольц, профессор университета естествознания. Офэн нашёл в интернете адрес профессора, который проживал на другом конце моря Нарей в Бефи – горнолыжном городе-курорте ледяной державы Квир, вечно заснеженном, где небо каждый день радовало взгляд своей нежно-голубой расцветкой. Про автора, кроме адреса, больше информации не было.

– Что собираешься делать? – пролистывал сайты про талисманы Офэн, беспрестанно долбя по клавиатуре.

– Поеду в Бефи, естественно. Найду этого Эриена Ван Хольца, расспрошу о храме, а потом в Дестан. – мрачно ответил Эвион.

– А в интернете что, нет пояснений о храме и «любимой»? – спросила Ирен, теребя рукой краешек мини-юбки.

– Нет, про талисман вообще ничего не сказано. Только две одинаковые статьи – в книге «Легенды и мифы о талисманах Анвирии» и «Редчайшие талисманы, описанные профессором Ван Хольцем». – Офэн оторвался от компьютера.

– Но где ты найдёшь столько денег? – продолжала допрос Ирен.

– Отец прислал сумму на лечение, их и использую, чтобы добраться в Бефи. А там авто-стопом и пешком до Дестана. – беспечно улыбнулся Эвион.

– Ага, а по дороге тебя прибьют! – взволнованно потрясла его за здоровое плечо Ирен. – Очнись! Мы в 41-ом веке! В одиночку путешествовать...

– У меня есть это. – Эви взглядом указал на «любимую». – Я теперь её хозяин, и она мне поможет. Наверное... И раньше я лёгкой атлетикой занимался, так что если надо – убегу! – убедительно сказал он, вызвав на лицах друзей улыбки.

– А как твоя мама к этому отнесётся? – вопрос Ирен пришёлся как раз к месту.

Глава четвёртая

Прощай и здравствуй

Изывляя желание уехать, Эвион явно не ожидал столь бурной реакции у своей матери. Лючина была слишком счастлива за «ожившего» сына и только раз попыталась узнать, как Эви будет жить с одной рукой за границей. Сыну было очень кстати, что она не вдавалась в расспросы и он избавился от необходимости говорить об убийстве, но его сильно задело, когда она спросила, не против ли он, если её знакомый немного поживёт в комнате Эви.

Про путешествие Эвион сказал скорее правду, чем правдивую ложь, намекнув, что это путешествие поможет ему восстановить конечность. В общем, так оно и было: избавится от талисмана – легче будет накопить на операцию, не опасаясь за чужие жизни.

За окном уже посветлело, и сквозь чарующую темень мелкие капельки дождя прощались с небом, срываясь вниз и разбиваясь о землю, мечтая, что когда-нибудь они снова поднимутся вверх и, очастливленные мигом падения, кружащим голову водоворотом верха и низа, вновь разобьются.

Лючина открыла чемодан сына, проверяя, всё ли на месте. Перебрав одежду и средства по уходу за раной, она довольно закрыла его и поставила у входной двери. Офэн и Эви сидели на креслах в небольшой светлой гостиной, ожидая, пока Ирен принесёт с кухни прощальные печенья. Ирен была отличной кулинаркой, но только в том случае, когда ею управляли эмоции. В обычные тихие дни своей жизни она всегда пережаривала блюда либо не готовила вообще.

– Эви! Я прекрасно знаю, зачем ты уезжаешь! – вернулась в комнату мама.

– Поделитесь с нами. – заинтересовалась доводом Лючины Ирен, входившая с подносом.

– У него там девушка! Они познакомились в интернете и долго переписывались! – гордая сама собой Лючина взяла с подноса печенье. – Так ведь?

– Mam! Я в отличие от тебя на сайтах знакомств не обитаю. Нет у меня никакой девушки. – фыркнул Эвион.

– А пора бы! Вот Офэн как за Иреночкой ухаживает. – кивнула в сторону друзей Эви Лючина. – Серенады ей поёт, на гитаре играет...

– Да, мне, однорукому, стыдно не уметь играть на гитаре! – рассмеялся Эвион, с тяжёлым сердцем поминая Майю. Хоть он и радовался оставшейся с ней дружбе, но накопил немного колющей сердце обиды на свою бывшую девушку.

– Почему только на гитаре? Можно на треугольнике. – встряла Ирен.

– Правильно! Треугольник в зубы, а палочку в руку и играй. – поддержал Офэн. – На худой конец можешь песни сочинять...

– Вы мне девушку сперва найдите!

– Сам ищи! – Офэн глянул на часы. – Нам не пора?

Такси врезалось в стену дождя, унося компанию от родного дома вдаль, на окраину города. Машины на автостраде, освещённой в дождливое утро сонными фонарями, наперебой брызгались, разнося в стороны грязные волны. Такси подъехало к похожему на аквариум аэропорту. С его стёкол потоком стекала вода.

Эви попросил маму и друзей не выходить из машины, чтобы зря не мокнуть, взял чемодан и, попрощавшись, вошёл в стеклянное здание.

Неоновые вспышки вывесок притягивали глаза, ароматы из маленьких ресторанов на втором этаже витали в воздухе, вместе с прохладой, свежестью, чем-то металлическим и тяжёлым. Сновали туда-сюда люди с дребезжащими на стыках кафельного пола чемоданами. Большие группы пассажиров создавали пробки, мешая пройти к стойке регистрации, но прорвав этот затор сбоку, Эви наконец дошёл до нужной очереди. Утром людей в аэропорту, увы, не

меньше, чем днём, поэтому лучше сразу идти к стойке регистрации, чем висеть в магазинчиках или укутывать чемодан в шубу из полиэтилена. Так пытка может закончиться чуть быстрее.

Дождавшись своей очереди, Эвион избавился от багажа и свернул к таможенному посту. Первое, на что служащие обратили там внимание – являлся ли Эви человеком, эльфом, ферра (человеком, чей второй облик – звериный) или кем-то ещё. Зверем он не был, хотя из-за длинных растрёпанных волос его сначала сочли перевоплощающимся в белку. Зато не повезло тем, кто был либо оборотнем, либо ферра. Их заставляли проходить ветеринарный контроль, что весьма мешало обычным пассажирам: то устроит забастовку мужчина, прямо перед таможенниками перевоплотившийся в крокодила, то дама-павлин начнёт распекать персонал, приняв свой птичий образ. Сегодня, к счастью, не попалось разъярённых животных крупных размеров, и затора или поломки оборудования не произошло.

А дождь, между тем, лил. Мокрые стрелки воды удлинляли свои маршруты поперёк стекла окон аэропорта, стекая на чёрный асфальт. Капли врезались в здание, с опаской сползали вниз, рядом с такими же падшими и холодными прозрачными сферами. Некоторые капли из любопытства замирали на мгновение, наблюдая, как по стенам текут ручейками их собратья, и, вливаясь в понравившуюся влажную дорожку, нагоняли их и крупной каплей падали вниз; некоторые сидели на стекле и смотрели на спешащих людей в аэропорту.

Наблюдая сквозь прозрачные стены коридора за синхронным скольжением воды, Эвион вошёл в самолёт.

Плавно, будто на полу-вдохе, лайнер поднял в небо свой тёмный нос, затем оторвал от дороги и хвост. Земля сразу поползла под откос, пассажиров вжало в сидения, но скоро самолёт полетел параллельно тёмно-зелёной поверхности внизу. Пару раз попав в зону турбулентности и вызвав бурные овации довольных пассажиров, самолёт поплыл в небесах. В салоне зависла тишина, изредка сменяющаяся звуками, пробивающимися сквозь забитые лёгкой пеленой уши.

Солнце словно сидело на крыле самолёта, будя лучистой улыбкой Эвиона, прильнувшего к иллюминатору. Разомкнув веки, смутным взором он разглядел перед собой белую обивку с синим чехлом и глянул на часы над проходом – 9:35. Значит, ещё 10 минут, и самолёт будет снижаться.

Ещё в древности на Анвирии изрядно любили путешествовать различные волшебники и шаманы. Переходя с места на место, они делились тайнствами своих тонких и глубоких дел, распространяли свою культуру по миру. Единственные две вещи, мешавшие им, как фальшивая нота в финальном аккорде – недостаток денег и разные языки. Если без денег волшебники ещё хоть как-то жили, то неумение объяснить, что тебе нужно и какие ингредиенты требуются для микстуры, было действительно тяжёлым ударом. На выучивание всех языков великим путешественникам силы тратить не хотелось, поэтому три волшебника создали над Анвирией что-то наподобие переводчика. Все, кто был на планете и в её атмосфере, автоматически понимали друг друга при разговоре, на каком бы языке ни говорили, откуда бы ни пришли. Будь ты с другой планеты или даже дальней галактики, как только ты попадёшь на Анвирию, ты знаешь все языки, а точнее, понимаешь их. Благодаря такому изобретению и ныне туристы обходятся без разговорников, хотя и изъясняются на различных языках.

Вдохнув свежий воздух нового дня, Эвион покинул аэропорт. В небе витали белые лёгкие снежинки, вальсировали по прозрачному полу мироздания, тоненькими иглами рисуясь в воздушной стихии и присаживались отдохнуть на головы прохожих.

Эвион, как всегда одетый не по погоде, от чего чувствовал колкий холод, распространявшийся от кончиков пальцев до лёгких, шёл мимо родителей, обнимавших прилетевшую к ним дочку, мимо влюблённой пары и компаний друзей и почему-то не чувствовал одиночества. От мороза ли это, от которого не очень-то спасает его пальто, или же от того, что Эви ещё не понял, что друзья и мать далеко? Или от того, что раз они далеко от него, то они в безопасно-

сти? А может, ему теплее из-за нагретого неведомой силой железного украшения? Потому, что с ним чья-то душа? Она хоть и молчит, зато греет, и не только физически, но и духовно. Будто кто-то невидимый витает рядом, смотрит на него, дарит своё тепло, накопленное за много лет и не растроченное. Ни в Рай, ни в Ад, ни на перерождение не попала Айола, телом исчезнувшая, душой заключённая в талисмани и всё же мёртвая. Но как только у талисмана появляется хозяин, сердце хранительницы бьётся в такт с сердцем нового обладателя, объединяясь с ним в одно целое...

Отель при аэропорте Ветерсье был весьма дорогой, но снять номер на два дня Эвион себе позволил. И это того стоило: теперь он не мёрзнет на улице в поисках крова, а в тепле, в ярко-жёлтой комнате, два прикроватных столика которой украшают ароматные цветы, а свежее постельное белье соблазнительно шуршит при прикосновении.

Через 20 минут начинался обед. Эвион стоял на балконе, разглядывая длинную горную цепь на севере. Город-курорт Бефи, единственный пригодный для туристов город в Квире, славился Мезонским хребтом, оборудованным всевозможными лыжными дорожками. Высокие склоны пестрили цветными точками – людьми, выдающими разнообразные фигуры на белом полотне.

Эвион, устремив взгляд вниз, на двух девушек, идущих со сноубордами на автобусную остановку, невольно представил себя рядом с ними. Хотя только сноуборда ему не хватало. Проведя пальцами по заснеженной поверхности перил балкона, он резко смахнул снег.

– Какая жизнь несправедливая! – в голос крикнул он, чувствуя прилив жалости к себе. – Ничего, вот избавлюсь от тебя... – он ухмыльнулся «любимой». Пара снежинок, вычерчивая пируэты в пространстве, опустились на гладкую поверхность талисмана и тут же растаяли, двумя слезинками скатившись на пол.

В жизни Эвиона окружающим везло больше, чем ему, но так остро как сейчас он этого не чувствовал. Занимаясь целыми днями то дома, то на курсах, Эвион старался хоть немного повисить свои оценки в школе, но ему так это и не удавалось, хотя над учёбой он корпел честно и до полуночи. Друзья его были то из более обеспеченной семьи, то их родители, даже не являясь выше по статусу в обществе, чем мать Эвиона, оказывались очень весёлыми людьми, постоянно радующими детей то путешествиями, то резкой сменой жилья (что не всегда было запланировано). А Эвион жил слишком скучно. Конечно, кому-то казалось, что его жизнь – Рай небесный, наполненный разномастными искрами перемен. Но все смотрят на чужие жизни как на предел мечтаний, а когда получают наподобие, тогда и осознают всю идеальность счёта, предоставленного жизнью. Эвион и Офэн с ранних лет мечтали о приключениях, ходили в походы, ночевали в дырявой палатке под дождём, разжигали костры примитивным образом, нарочно забыв дома спички... Хоть это и не было настоящим приключением, когда ты наедине с природой и должен быть начеку, но им это нравилось.

Своих желаний надо бояться. И исполняются они как правило не так, как надо. Эвион мечтал о крутом повороте в жизни, но не настолько. Плавая в своих желаниях, он отталкивался от «можно» и «нельзя», по привычке зависая на секунду в придуманной себе роли, не живя ею вовсе, только думая о реализации призрачного желания в очередной фантазии. Но даже в самых страшных снах, когда не можешь пошевелиться перед лицом опасности, юноша не мог представить, что расплатой за абонемент в приключения будет его рука. Если бы был клочок волос или царапина – это пожалуйста. Но часть тела – это слишком!

Эвион вышел из номера и в коридорах тут же блеснул тусклый свет. «Экономят...» – пронеслось у Эви в голове. Толкнув дверь коридора, он пошёл по белой винтовой лестнице, украшенной цветами в овальных горшках. На лестнице он никого не встретил, будто бы в отеле кроме него никто и вовсе не жил – не могут же все уместиться в четыре лифта. Но когда юноша вошёл в столовую, она была наполнена людьми, пришедшими на час раньше.

«И как я не додумался перевести часы вперёд?» – Эви, улыбнувшись своей рассеянностью, прошёл к столу с едой и взял пару булочек с яичницей.

Ветер покачивал заснеженные ветви кустов вокруг отеля. Хлопья рыхлого пуха сыпались вниз, мимолётно оставляя следы на подоконниках. А на их место опускались новые лёгкие белые шары, укрывая скромно дрожащие деревца снежным одеялом.

Эвион, допивая чай, сидел за столиком у окна и, наблюдая эту картину, обдумывал, как бы побыстрее найти Эриена Ван Хольца. Он хотел спрашивать людей о том, как добраться до улицы Революции, на которой жил профессор.

– Здесь свободно? – выдернул его из размышлений молодой человек с сигаретой, растрёпанные волосы которого Эвиону сразу напомнили Офэна.

– Э... Да, конечно! – Эви украдкой оглядел зал: свободных мест море, садись – не хочу!

– Тебя как зовут? – выпустил дым подсевший паренёк, явно собирающийся надымить в столовой. Выглядел он словно в лёгком дурмане.

– Эвион. – парень был немного сбит с толку столь неожиданным гостем.

– Кетер, приятно познакомиться. – юноша перестал пускать никотиновые струйки дыма. Белая пелена постепенно рассеялась, и не менее туманные, чем атмосфера вокруг, глаза Кетера замерли на браслете Эвиона. – Это она, да? «Любимая»?

– Да. – ответил Эвион и тут же замолчал: откуда его новый знакомый знает столь не приметную вещь? Тут его осенила обнадеживающая мысль. – А вы, случаем, не Эриен Ван Хольц?

– Впервые слышу это имя. – растянуто, будто вспоминая каждое слово, проговорил юноша, и туманный взгляд пополз к лицу Эвиона. – Как насчёт того, чтоб я купил у тебя эту штуку?

– Извините, но я не могу её продать. – Эвион был бы рад, но умирать не хотелось.

Странный сосед по столу совсем не изменился в лице, зато Эвиону стало не по себе. До прихода Кетера ему было одиноко и неуютно сидеть одному за столом, но новый знакомый ничуть не изменил его состояния.

– Назови цену, заплачу сколько хочешь. – произнёс настойчивее Кетер, и взгляд его переменялся. Теперь глаза были ясными, чётко смотрели на собеседника. – Мне очень нужен этот талисман.

– Я бы с радостью, но если сниму её, то могу очень пострадать или даже умереть. – Эвион сказал это спокойно, надеясь не слишком шокировать Кетера, но тот ни капли не смутился.

– Да ты и так умрёшь, какая разница, как?

– Знаешь, лучше в старости, чем за 2 месяца до Дня Рождения. – улыбнулся Эвион, придумывая, как сменить разговор. – А тебе зачем талисман?

– Как раз чтоб жить. – Кетер устало облокотился на руку, стряхивая обгоревший кончик сигареты в пепельницу. – Предположим, в старости тебе умереть не удастся, если жить осталось не больше дня. – не дожидаясь нахлынувших на потрясённого Эвиона вопросов, Кетер продолжил свою омрачающую дивный день речь:

– Посмотри на свой остаток объективно: ты отдашь мне талисман сейчас и умрёшь спокойной смертью. Или же за «любимой» придёт кое-кто похуже меня и тебе оторвут вторую руку, ноги и таким оставят замерзать на склоне Мезонского хребта. Ну так как?

– Ты псих! Зачем кому-то убивать меня ради этой железки? – Эвион старался говорить тише, чтобы не привлекать внимание оставшихся в столовой постояльцев. – И кто ещё придёт за моими конечностями?

– По порядку: не ради железки, а ради желания. – Кетер прочёл на лице Эвиона удивление и добавил:

– А, ты не в курсе! Душонка в браслете, освободившись от оков талисмана, выполнит любое желание избавителя. А мой босс имеет одно такое желание, поэтому ему и необходим талисман. Сперва талисман был у генерала армии, в которой служил истинный его владелец,

потом у его сына и так далее. Нового владельца нашли люди моего босса, и он умер. Тут появляешься ты и присваиваешь талисман, убив одних из лучших наших соратников. Босс посылает за тобой моего брата, но и тот тебя прибить не может, хотя, видно, задел конкретно... – с торжествующей ухмылкой Кетер кивнул на руку Эвиона, пытающегося всё сказанное Кетером осмыслить. – Понял теперь?

– Так тот теракт был... из-за меня? – с трудом произнёс Эви. – Из-за меня пострадало столько людей?

– Тише... И пострадает ещё больше, если не отдашь талисман! – хохотнул Кетер и облокотился на спинку стула.

– погоди, не надо! Как только я сниму талисман в храме, я освобожу душу и могу загадывать желание, так? Пусть ваш этот босс скажет, чего ему надо, и я попрошу это у духа. – окрылённый произнесённым Эвион вскочил из-за стола, намереваясь уйти, оставив Кетера думать над этой идеей.

– Граф Спеода вряд ли тебе поверит, так что давай талисман. – Кетер схватил Эвиона за руку, пытаясь снять браслет, но тот только сильнее впился в запястье.

– Передай своему графу, что я выполню его желание, только не надо никого трогать! – Эвион, преодолев стремление сжать горло обкуреного, с силой выдернул руку и быстрым шагом двинулся в сторону выхода.

– Не будь эгоистом, можешь спасти кучу людей! Ты всё равно умрёшь. Не сегодня, так завтра, но задержка будет прибавлять Богу Смерти жертв.

– Сам-то ты собрался принести талисман графу! – вернулся к нему Эвион. – Но когда он заберёт «любимую», ты погибнешь. Талисман меняет хозяина только с его смертью...

– А ради чего жить?!

Дальше Эвион вышел из столовой в холл.

Быстро свернув на лестницу, он поднялся на свой этаж, прокручивая в голове три плана: Отдать талисман сейчас, умереть и спасти кучу чужих жизней.

Не отдавать талисман, постараться убедить Кетера в том, что загадает нужное ему желание, и ожидать, поверит ли ему граф и не пришлёт ли кого похуже за талисманом.

Не отдавать талисман и уйти из Бефи.

Но Эвион не знает, кто этот граф. Если его подручные так спокойно распоряжаются чужими жизнями, то Спеода явно не планирует ничего хорошего, и полагаться на то, что своей смертью в плане №1 он спасёт людей, Эвион не может. Или это только отговорка корыстного юноши, не желающего умирать? А что, если найти этого графа и... убить?...

От этой мысли Эвион чуть не задохнулся нахлынувшим негодованием: такое подумать! Но ведь от пары убитых в целях самозащиты он ещё не стал серийным убийцей! Или стал?

– За что мне всё это? – Эвион брёл по коридору, и лампы постепенно включались в глубине. – Кому я что не так сделал? – он вставил ключ в позолоченную скважину двери номера и осёкся – где-то за поворотом датчики уловили движения и зажгся свет. Эвион пристально посмотрел на блуждающую по стене тень. Войдя в комнату и тихо закрыв дверь, опасаясь даже щелчка ручки, он прислонился к стене. Послышались шаги, которые, к счастью для Эви, прошли дальше от его номера. Хлопнула соседняя дверь. Тут мысль о том, что его могут ждать неприятности и в номере, заставила юношу резко обернуться – никого. Осмотрев ванную и даже шкаф, обвинив себя в паранойе, парень достал мобильный.

– О, не ожидал! – раздался на другом конце голос Офэна. – Как добрался? Как обжился? Уже встретился с профессором?

– Ты не представляешь, как я рад тебя слышать. У меня всё... – Эви посчитал лишним включать Офэна в курс своих проблем, – ...всё отлично, как там мама?

– Тоже хорошо, только переживает. Так что с профессором?

– Его не видел пока. Сейчас пойду искать. – голос Эви стал более уверенным и радостным. – Слушай, кто такой граф Спеода? – юноша надеялся, что Офэн интересуется не только историей в целом, но и аристократическими личностями.

– Говорил я тебе в пятом классе: учи историю! – осуждающе произнёс Офэн. – Род Спеода, кажется, происходит от самого Телура Великого, какое-то побочное ответвление царской четы. Родоначальник Спеода был незаконнорождённым сыном Телура и основал династию Спеода. Нынешний граф Белиан владел небольшим городом на севере Афтонии, но... Ты новости хоть смотришь?!

– Нет, не смотрю! Теперь буду! Что дальше?

– ...но был объявлен в розыск из-за издевательств над жителями принадлежавшего ему городка. То ли он на них яды испытывал, то ли ещё что... об этом не говорили, не знаю. Но уже три года его ищут.

– Огромное спасибо! Ты себе не представляешь, как ты мне помог! – Эвион наконец трезво видел ситуацию: граф хочет вернуть власть, для этого ему нужен талисман, для этого надо убить Эви. Перспектива показалась парню мрачноватой, и избавиться от «любимой» захотелось ещё больше. – Ладно, я тебе ещё позвоню, хорошо? Маме привет!

– Сам бы ей передал!

– У меня баланс почти на нуле.

– Раньше об этом думать надо было. Нет чтоб всё заранее проверить?

– Всё, привет Ирен и маме! – искренне рассмеявшись нравоучениям Офэна, Эви выключил телефон и положил в карман длинного пальто, висевшего на спинке стула. Он вытащил по привычке запрятанный под кровать чемодан и водрузил его одной рукой на кровать. Покопавшись среди одежды, Эвион нашёл распечатанный Офэном адрес Эриена Ван Хольца и, накинув пальто и затолкав чемодан обратно, вышел из номера.

Страх стало меньше: всего-то обозлённый на весь мир граф-садист, живущий, видимо, по старым помещичьим законам, желает вернуть себе власть. И этот граф нашёл наиболее лёгкий путь это сделать: загадать желание. От Эвиона зависела судьба тех, кто некогда подчинялся графу Спеода. Тем людям из его города вряд ли хотелось возвращаться к старой жизни с таким человеком, травящим их химикатами и экспериментирующим на них. А если изобретатель захочет подчинить себе всю Афтонию и не дай бог весь мир? Возможно ли это с помощью талисмана?

В мыслях Эвион сразу возомнил себя важной фигурой, способной остановить такое чудовище, но шуршавший при ходьбе рукав сразу вернул его в реальность. Что может сделать травмированный против искусного террориста? Да кто Эви вообще такой? Что он знает о жизни? Что может без правой руки? Возомнил себя героем.

И всё же страху убавилось. Если на Эвиона нападут, он сможет отразить атаку талисманом, как в первый раз. А если случится то же, что и с поездом? Вдруг граф совершит нападение на Эви не прямым путём, а через какой-либо объект? Ясно одно: теперь люди графа будут стараться его убить издалека, не имея личного контакта. Если же они нападут на Эвиона в открытую, талисман с ними быстро разберётся, но если же против него опять будет направлено «оружие» массового поражения, наподобие поезда или, не дай бог, природных стихий, тут талисман вряд ли сможет помочь – ведь убить бездушную технику нельзя, только сломать, а распознает ли «любимая» в очередной угрозе именно угрозу, а не обычный объект? И вообще: как талисман видит опасность? Почему не спас от поезда? Или то, что Эви каким-то образом разбил стекло и выпрыгнул, и есть действие железного браслета?

Эвион вышел из отеля, плотнее кутаясь в пальто.

«Может, меня кто-то сейчас подстрелит? Или талисман прикончит снайпера раньше выстрела? Так... Люди графа могут уморить меня голодом, если поймают... Тут «любимая» вряд ли поможет. Значит, надо избегать безлюдных мест, где меня могут подстеречь. Да и люд-

ных тоже». – Эви с иронией представил, будет ли ему безопасней в пустыне среди бескрайних золотых россыпей песка.

Свераясь с адресом на бумажке, он вглядывался в надписи на домах – «улица Бефи, 16», «улица Равиль, 21», но нигде ни одного упоминания об улице Революции.

Мимо прошёл высокий мужчина со сноубордом. Холод так доконал Эви, что, плюнув на присущую робость, он догнал мужчину:

– Стойте! Вы не знаете, где улица Революции? – если бы мужчина не ответил, Эвион бы не выдержал переполнявших его эмоций и выговорил сноубордисту всё, что думает, но тот назвал номера автобусов, идущих туда.

«549-й и 362-й значит...» – Эви прокручивал в голове номера автобусов, приближаясь к остановке. В ожидании автобуса он смотрел на горы невдалеке.

Мезонское ущелье, словно зубья дракона, торчало позади кишашего жизнью небольшого городка Бефи. Хотя эти обмёрзшие клыки и выглядели устрашающе, многие видели в этом царственную природу во всём её могуществе. Горы, возрастая с каждым годом, словно соперничали за звание главы Квира. Сами того не ведая, они шли на путь разрушения, постепенно осыпаясь – ведь чем выше ты поднялся, тем больше падать, когда время подрежет тебе широкие крылья, и кого бы ты ими ни прикрывал в прошлом, тебе всё равно не подадут руку помощи, побоявшись скользнуть за тобой в бездну, и ты останешься один на один со своею беспомощностью, вспоминая первые успехи и громкие победы. Но куда бы ты ни падал, стоит лишь вспомнить о том, что крылья тебе не были присвоены, а ты их создал сам, и они золотым обрамлением раскроются позади тебя, и сияющей стрелой ты вознесёшься над пропащими, сгинувшими во тьме несчастными, явив собой чистую силу веры в себя, став для всех неугаемым огнём в ледяной пустыне, и бездна скверности озарится миллионами вспышек ярких крыльев счастья. Сильную сущность не сломить преградам.

«Слава тебе, Господи». – замёрзший Эвион встал со скамейки, увидев приближающийся 362-й автобус, неспешно проезжающий по полупустой дороге. – «Явился наконец».

С радостью отметив, что поблизости нет железной дороги, юноша вошёл в автобус, заняв место у двери.

«Следующая остановка – улица Моиста, осторожно, двери закрываются». – милый голос невидимой девушки зазвучал из колонок на потолке, и двери, зашипев, прильнули друг к другу.

Эвион повернул голову к окну. Мимо мелькали машины, едущие то в аэропорт, то в сторону горнолыжной вышки. Но автобус, бурча, миновал эти две дороги, пустившись вдоль тёмных елей к долине, наполненной маленькими деревянными домиками.

«Улица Моиста. Следующая остановка – улица Пиренска»...

Въехав в самый центр Бефи, автобус замер у остановки, и приятный голос снова изрёк:

«Улица Пиренска. Следующая остановка – улица Революции, осторожно, двери закрываются».

За окнами мелькали кафе, чьи вывески обещали горячий кофе и сладкий шоколад, синие указатели маршрута, люди в цветных комбинезонах, заметных на снегу, и низкие зелёные столбы с жёлтыми фонарями.

«Улица Революции. Следующая остановка – аллея Гински...» – не дослушав голосок, Эвион вышел из автобуса и пошёл по широкой дороге, по обеим сторонам которой ютились аккуратные деревянные и кое-где кирпичные домики, убегающие своими длинными рядами вдаль. Жилые домики перемешались с уютными гостиницами и ресторанчиками национальной кухни, от которых приятно пахло чем-то жареным. Эвион преодолел желание посетить один из ароматных трактиров и заново изучил адрес, чтоб, не дай бог, не ошибиться.

Разного вида существа развлекались на горнолыжном курорте. Вот навстречу Эвиону шли две подружки-эльфийки в меховых шапочках и приталенных курточках в тон к зелёным и салатовым волосам, а слева у витрины кукольного магазина стояли несколько ребятишек,

у которых из-под шапок торчали заячьи ушки – дети явно были ферра и в силу возраста не до конца контролировали способность к перевоплощению. Из кафе вышел и тут же закурил пожилой дедушка. Эвион переключился с обитателей на двухэтажные домики. В окне одного из них он разглядел силуэт женщины и, взглядываясь в её светлые очертания, случайно столкнулся с компанией девушек, несущих лыжи.

– Смотри, куда идёшь! – крикнула одна из них. Эви извинился и пошёл дальше.

С одной из крыш посыпался беленький снежок на голову сидящему на ступенях рыжему котёнку, который после такого бодрящего душа превратился в мальчишку и, отряхиваясь, вбежал в дом.

«15-й дом... 17-й...» – отсчитывал Эвион, пока его не занесло в самый конец улицы, где и находился дом профессора Ван Хольца.

Профессор являлся человеком замкнутым и необщительным: шторы на окнах были плотно задёрнуты, ступеньки сильно засыпаны снегом. Предпочтения этого человека, отданного одиночеству, значительно осложняли жизнь Эвиону хотя бы потому, что Эриен Ван Хольц не соизволил приобрести телефон. Главное сейчас – чтобы чужак оказался дома.

Эвион взошёл на крыльцо и дважды стукнул дверным кольцом, которое то ли от старости, то ли по задумке дизайнера выглядело словно из прошлого века. Внутри дома было тихо, и у юноши мелькнула мысль о том, что профессор покинул жилище. Он ещё раз стукнул кольцом. В доме послышались спешные отчётливые шаги. Шуршание дверной цепочки, шумные попытки попасть ключом в замочную скважину – на это у хозяина дома ушло минуты три, а Эвион за это время успел несколько раз повторить про себя подготовленную речь.

Дверь наконец открылась, и из темноты выступила маленькая сутулая фигурка старичка. Но как только добродушные лучи света заметили его среди тёмного, богом забытого дома, дедушка сразу преобразился: тень, упав на плечи, скрытые коричневым пиджаком, придала сгорбленному человеку более подходящий профессору вид таинственности, а лицо при свете стало моложе.

– Чем могу быть полезен? – старичок был очень удивлён гостю, но отлично скрыл это, приняв непроницаемый вид.

– Добрый день! Я ищу Эриена Ван Хольца. – Эвион приветливо улыбнулся, надеясь, что попал куда надо. – Мне нужно срочно проконсультироваться у него по поводу одного талисмана.

– Я написал достаточно книг и не даю больше никаких пояснений. Неужели не ясно, что с этим покончено? – в голосе профессора послышались нотки терпеливого недовольства. – Извините, но я очень занят и не могу уделить вам ни минуты. Приходите через месяц.

Профессор уплыл в тёмный коридор, и дверь полетела к косяку.

– Нет! Вы нужны мне сейчас! – Эвион единственной рукой задержал дверь. – Меня всего-то интересует талисман «Любимой»!

Профессор резко выглянул из-за двери:

– Я его и в глаза не видел. Только читал письмо его создательницы к получателю.

– Так я вам его покажу! – Эвион протянул профессору руку. С запястья на ладонь соскочила проволока и свилась в кольцо.

Профессор скептически глянул на нитку, но когда её концы слились воедино, он в ужасе отпрянул и молниеносно захлопнул дверь. Шуршание цепочки и клацанье ключа повторились.

– Убирайтесь! Я не хочу иметь с этим ничего общего! – крикнул старичок из-за двери.

– Мне бы только узнать, как от неё избавиться и что ещё она предположительно может! – умоляюще отвечал Эвион. – Опасность вам не угрожает, гарантирую!

– Как вы можете это гарантировать, если не знаете, что делает эта дьявольщина?!

– Одно знаю точно: она была создана во имя защиты! – ответа на не столь весомый довод Эвиона не последовало, и он продолжил:

– Ну скажите о ней хоть что-нибудь! Мне очень надо от неё избавиться, но я не знаю, как. У вас даже есть шанс помочь человечеству! – теперь юноша уже не давил на жалость, а пытался заинтриговать профессора тщеславием.

Выходит – подействовало! Эриен Ван Хольц недовольно пропыхтел что-то, помолчал и снова стал копаться с замком.

– Ей-богу, надо его сменить! Заедает, собака... – профессор открыл дверь. – Ну что там у тебя, входи, показывай.

Эви благодарно кивнул и вошёл в тёплый и душный коридор. Профессор нажал выключатель, и пространство осветили электрические канделябры. Холл, длинный, просторный и вычищенный, радушно принял гостя. Спокойные тона стен, красивая, словно новая, мебель, в материале которой Эриен Ван Хольц отдавал предпочтение тёмной обтёсанной древесине, приятная расслабляющая атмосфера – Эвион начинал понимать, почему профессор уединился. Пройдя мимо длинного дубового трюмо, юноша невольно залюбовался старыми фотографиями в деревянных резных рамочках. Хозяин специально не восстанавливал прежние цвета пожелтевших картинок – такими изображения его семьи были сделаны и состарятся без всякого вмешательства и изменений сами, вместе с профессором. Одна из фотографий получила самую красивую рамочку, наверное, сделанную профессором саморучно. На ней была супружеская пара и маленький пушистый щенок, чья круглая мордочка копировала счастливые выражения лиц хозяев. Девушка с большими чёрными кудрями опустила голову на плечо любимому, а его искрящийся взгляд... был точно таким же, как у профессора, только сейчас в нём заметно поубавилось искорок. Искры жизни ли это? Искры счастья? Или любви? Всё это – три грани одной человеческой сущности, отказавшейся от мира ради сохранения той памяти о нём, которая была раньше. Профессор помнил этот мир с семьёй, с друзьями, и верил, что за дверью дома по прежнему его ждут, только никак не могут постучаться. Когда-нибудь профессор выйдет в этот новый мир, но ни семья, ни друзья не встретят его на пороге. В душе он это знает и не спешит покидать дом, зарывшись в воспоминания, и только курьер навещает его каждый месяц, доставляя еду и счета.

Они прошли в тёмную комнату, и профессор, углубившись в её недра, отёрнул тяжёлые шторы. Солнце осветило чёрное пианино, кресла, собранные вокруг небольшого стола, комод и камин. Цветов в комнате не было, вместо них – только книги и несколько пустых чернильниц, то ли новых, то ли отмытых до прозрачности, сравнимой разве что с горным ручьём. У окна стояла деревянная фигура фламинго.

– Итак, что вы хотели узнать? – профессор сел напротив Эвиона в дубовое кресло с зелёной спинкой. – Позвольте ли ещё раз взглянуть на талисман?

Эвион протянул руку Эриену Ван Хольцу, и тот тут же оживился. Словно маленький ребёнок, профессор разглядывал новую игрушку, но всё же самообладание снова взяло своё, и он выпустил дорогую для Эвиона конечность.

– Редко мне удавалось встречаться с объектами изучения... Всю жизнь копался в бумагах, искал сведения об амулетах... И вот под конец жизни такой сюрприз! Спасибо вам, юноша. – старичок скрестил руки на груди и в ожидании вопросов посмотрел на парня.

– Меня зовут Эвион Пелуа. – представился тот. – Так вот... Не могли бы вы мне рассказать, что ещё может «любимая», помимо спасения своего обладателя?

Профессор задумался, выискивая в архивах давно заброшенных мыслей о талисманах сведения об интересующем объекте.

– В письме создательницы больше ничего, кроме описанного мною защитного свойства, не указывалось, но, по-моему, талисман пользуется зрением носителя, как бы объединяясь с ним. Поэтому он атакует противника, словно видит его.

– А вы не знаете, почему талисман может нагреваться? Его температура изменилась за время ношения.

– Такие случаи у талисманов-защитников были. Это, так сказать, блокировка: чем больше талисман убьёт, тем горячее станет. В конце концов талисман становится сложно носить и обладатель либо отказывается от него и умирает, потому как разъединиться по-другому уже нельзя – произошёл контакт, либо терпит и старается больше не убивать. В моих кругах считается, что талисманы, имеющие душу внутри, вовсе не хотят убивать и своей температурой сигнализируют хозяину, что пора остановиться. Талисманы-защитники остывают лет через пятьдесят, и их снова можно использовать без особого ущерба для здоровья.

«Обидно... Придётся теперь спасаться от графа бегством». – подумал Эви, боясь, что талисман ожоёт ему вторую руку.

– В своей статье вы писали, что «любимую» можно снять в одном из храмов Дестана, но не указали, в каком...

– В храме Морьенте, хотя это скорее усыпальница. Такая зараза и нечистоплотность: ну кто, скажи мне, придумал хоронить людей в домах? – покачал головой Эриен Ван Хольц.

– Люди и придумали. – отшутился парень.

Через минуту замкнутый с виду старичок совсем разошёлся, пичкая Эвиона всей школьной и университетской программой истории. Если бы Офэн слышал сейчас догадки учёного по поводу происхождения пиратки Катарины и аргументы в пользу эльфов на Всемирной конференции по правам лесных существ, то, наверное, строчил бы конспекты, но повезло не ему, а Эви, который с признательностью слушал лекцию. Всё же некоторые полезные вещи юноша себе отметил, допивая на удивление вкусный чай, приготовленный профессором.

Эвион распрощался с Эриеном Ван Хольцем, когда за окном стужались сумерки. Он сошёл вниз по ступеням, на которых уже припорошило его первые отпечатки, и повернул на почти опустевшую улицу, на прощание обернувшись к старенькому домику, хозяин которого, чуть отёрнув шторку окна в коридоре, наблюдал за покидающим его гостем.

Эви помахал Эриену Ван Хольцу и пошёл мимо уютных построек, из окон которых сочился приглушённый свет, освещая вечернюю улицу. Наконец-то он ясно видел способности талисмана. На душе впервые было спокойно за последние несколько недель.

Снег хрустел под ногами, мороз пронизывал насквозь. Надежда на то, что автобусы ещё ходят, не покидала Эвиона. Низкие фонарики наконец зажглись, и идти стало гораздо приятнее – снег горел в блеске огоньков и улица превращалась в серебряные волны.

Белая пелена захрустела позади Эвиона.

– И как ты мог не пожалеть этих людей? – Кетер прикурил окурочек сигареты. – Я тебя уже долго жду, мог бы поторопиться.

Эвион обрадовался такой встрече и, не теряя ни секунды, вновь поведал безразличному и откровенно замёрзшему курильщику планы насчёт Дестана, но тот уже не заикался о талисмани, а лишь меланхолично кивал в ответ.

– Так граф принял моё предложение? – с надеждой спросил Эвион, переминаясь с ноги на ногу и мечтая о тёплой ванне.

Кетер сдвинул брови и его лицо приняло задумчивый вид:

– Не, Белиан Спеода своих планов не меняет. Ладно, кончим с этим. – он извлёк из кармана пульт дистанционного управления и нажал на единственную кнопку.

Где-то в горах раздался громкий взрыв. Белое покрывало хребта плавно полетело вниз, подталкивая к обрушению соседние холодные пласты. Отдалённо воя, снежная лавина летела на город.

Эвион и Кетер замерли, наблюдая за этим зрелищем. Зачинщик явно не отдавал себе отчёта в действиях и был доволен, в то время как Эвион лихорадочно соображал, что делать.

Эви кинулся к ближайшему дому и, забарабанив в дверь, закричал «ЛАВИНА!». Но осознав, что жители всё равно не успеют спастись, кинулся к летящему с горных пик снежному

дракону. Первые волны уже пробежались по дому профессора и ещё несколькими, а следом за ними шёл длинный снежный шлейф.

– Им уже не помочь, не старайся зря! – небрежно крикнул вслед ему Кетер, как на недоуздок смотревший на не терявшего надежду Эви.

Юноша бежал к белоснежной стихии, уповая на то, что дух талисмана сейчас читает его бредовые мысли и согласен помочь. Ведь если они – одно целое и у них даже зрение на двоих, то мысли тоже!

А лавина тем временем спешила к нему, гудя и, заглушая грохот и хруст домов, раскрывала свои объятия. Эвион замер в нескольких метрах от лавины и выставил вперёд единственную руку, моля всех известных ему богов и «любимую» помочь.

Лавина неумолимо двигалась на него.

Вверх от талисмана молниеносно рванулось несколько металлических плетей, такие же метнулись в стороны и срослись, образовав высокую металлическую стену перед Эви. Лавина, оповещая своё приближение диким воем, врезалась в преграду, немного протаскив назад Эвиона, изо всех сил старающегося удержать барьер. Юноша пытался как можно сильнее нажимать на преобразовавшийся талисман, но это ему не особо удавалось. Кетер, поняв намерения Эви задержать поток лавины и уловив себя на желании всё-таки выжить, подбежал к стене талисмана и тоже налёг на неё, чувствуя, что от силы лавины мало что осталось, пока она доползла до них, и эти жалкие волны можно удержать.

Первые секунды они не поддавались снежной волне, но с горы сошла вторая её часть. Ещё сильнее и больше первой, лавина пронеслась по следу предшественницы и врезалась в барьер, подминая его под себя. Юноши, не удержавшись на ногах, ослабили преграду, и лавина не упустила шанса схоронить обоих под собой в числе первых.

Глава пятая

Голос в тишине

Как всегда наше сознание, основываясь на чувствах, диктует свои правила жизни. Но зачастую оно уходит в тень при опасности, забирая нас с собой в небытие.

Мягкие, холодные прикосновения блуждали по лицу Эвиона, словно говорили «проснись». Открывать глаза не хотелось – с закрытыми гораздо приятнее прощаться с жизнью, чем глядеть ей в лицо. Зачем? Почему он не умер тогда, в переулке? Или в автобусной катастрофе? Всё шло именно к его смерти, так почему же он так яростно отвергает её интерес к его скромной персоне, когда та дышит ему в спину, протягивает страшную и в то же время такую необходимую руку – избавление от всех проблем. Или может быть, не смерть вовсе его преследует, а жизнь? Может, это её испытание? Она проверяет его, готова сюрприз. Поэтому надо выжить, забрать этот долгожданный подарок, доказать, что он его достоин. И ничего, что нет руки, что деньги и желание идти вперёд на исходе. Интерес, как всегда, у Эвиона превыше всего. Однако самым интригующим остаётся то, почему он, хоть и лежит под снегом, может свободно дышать. Лавина должна была закопать его, а он не чувствует гнёта снега, зато ощущает на лице снежинки, крупные и мокрые.

Он открыл глаза. Холодные ключья звёзд смотрели на Эвиона сверху. Слева и справа от него были снежные стены. Двухметровая белая могила, в которой он лежал, была не закопана. У парня появилась мысль, что талисман сам откопал его из-под снега, только вот наверное зря – он не особо стремился выбираться. Да и куда ему идти? Нет, он должен лежать здесь. Только из-за него сошла лавина, и Эви должен разделить участь тех, кого не спас талисман, невинных людей и животных, беззаботный смех которых слышался утром. Ещё недавно тут бегали детишки, рассматривая витрины, гуляли влюблённые, веселились друзья... А он всё испортил.

Но если он умрёт, то истинный виновник получит талисман, присутствие которого Эвион ощущал подогретым запястьем и мокрым, подтаявшим снегом. Чего добивается граф Спеода, так безбожно позволяя себе вершить суд над невиновными? И если он, Эвион, жив, то это для чего-то нужно. Нужно, чтобы он не допустил победы графа.

Отключив поток мыслей, Эви прислушался к ночной тишине. Вдох-выдох... Холодный мокрый воздух... Стук сердца... Скрежет сжимаемого рукой снега... И тишина... Звёзды поют безмолвную песню, смеясь из темноты белым свечением. Их шёпот Эвиону был сейчас очень нужен, но он его не слышал, даже если бы звёзды кричали ему. Пять лун выглянули из-за полупрозрачного длинного облака и снова спрятались за него, огорчённые неинтересным зрелищем окончившейся трагедии.

Снова потемнело. Юноша попытался приподняться, но слишком ослаб.

Тишина поглощала, разъедала изнутри, словно едкая кислота. Долго в ней находиться равно смерти. Но если умерев, тыходишь во врата Другого Мира под приветствие стражей, то в тишине ты остаёшься сам с собой, со своими мыслями. Осознание безысходности разбивает тебе сердце, ты понимаешь свою никчёмность, слабость в сравнении с миром и сходишь с ума. А звёзды смеются тебе в лицо, и ты тихим шёпотом скрашиваешь последние сознательные минуты, часы, дни... И шёпот становится бредом...

– Вечерний свет прощального луча озарил небесные просторы... – севшим голосом запел Эвион и сам ужаснулся одиночеству своего голоса. Он снова прислушался к биению сердца, но оно затихло. Юноша просто не слышал его, но расценил это как смерть и, замерев взглядом на прикрытом снегом рукаве, задержал дыхание.

«Я не хочу умирать. Только не так». – мысли почти не слушались его, но последние пожелания он хотел донести хотя бы до талисмана. – «Пожалуйста, кто-нибудь!... Сделайте, скажите хоть что-нибудь... Я... я... я не хочу так умирать... Холодно...»

Беззвучные мысли – беззвучная тишина. Ветер не соизволил дунуть своим глухим голосом. Мороз, окрещённый скрипучим, сейчас молчал. Вокруг было только белое полотно, изпод которого кое-где торчали доски или крыши, или перевернутые машины, и раскопанная могила, чей пленник перестал сопротивляться.

И всё же боги были благосклонны к Эвиону. Если он без сил, не способен бороться за свою жизнь, его на это подтолкнёт голос истины, а точнее – ребёнка.

Гнетущую тишину разорвал слабый, но звонкий крик:

– Альма! Фисари! Лиам! Отзовитесь! Альма! Кто-нибудь, вы меня слышите?!

Голосок, выкрикивающий имена, словно революционные призывы, затих, а Эвион, резко втянув в пустые лёгкие холодный воздух, медленно встал и обмёрзшей рукой ухватился за край ямы. Невдалеке металась невысокая человеческая фигурка, периодически проваливаясь в снег. Ребёнок, видимо, совсем охрип, поэтому так необходимых сейчас слов Эви больше не слышал, зато получил отличный толчок и решил во что бы то ни стало жить дальше. Больше он не один.

Эвион еле выполз из снежной дыры, упав на спину и, глядя на чёрное полотно, расшитое белыми искрами, перевёл дыхание. Ему казалось, что он постарел лет на сорок: замёрзшее тело то не слушалось, то вовсе не ощущалось. Перевернувшись на живот, он пополз к фигурке, тоже уставшей.

«Жить... Я хочу жить! Только бы не умереть... Надо встать и идти! Чего бы это ни стоило – надо встать! Я смогу!»

Вконец собравшись с силами, он поднялся на ноги и, завязая в снежных сугробах, пошёл вперёд. Подул ветер, добавляя хрусту снега под ногами свой аккомпанемент.

Подросток, получив удар ветра в спину, упал лицом в белизну, перестав бороться со стихиями.

– Эй, ты живой там? – подошёл к нему Эвион.

Подросток резко поднял голову со снега и повернулся. Это был мальчик лет четырнадцати, со спутанными, поблескивающими рыжеватым оттенком в лунном свете волосами. Он был весь в снегу – снег на куртке, на ресницах, на шевелюре. По большим испуганным карим глазам Эвион догадался, что мальчик не до конца понял произошедшее. Его худенькая фигурка в покрытой снегом одежде готова была снова поддаться ветру и упасть обратно в сугроб. Мальчик некоторое время смотрел на Эви. Постепенно взгляд обречённого на смерть сменился на заинтересованный. Участившееся дыхание стало ровнее.

– Ты как? – Эви одной рукой помог подняться ему на ноги, в то время как подросток отметил взглядом безжизненный рукав, развевающийся на ветру.

– Гораздо лучше, спасибо... – мальчик отряхнул с себя снег и бешеным взглядом оглядел местность:

– Кто-нибудь ещё выжил?

– Пока не знаю... Я – Эвион, а ты?

– Тео. – ответил мальчик и снова рухнул в углубление в снегу.

– Ты чего?! – не понял этого жеста юноша.

– Не справедливо всё это! – озвучил мысли Эвиона Тео. – Почему они... Я должен быть вместе с ними, почему я выжил? – Тео смотрел куда-то в пространство, вперёд, на бескрайнюю снежную пустыню. Ему было страшно и единственным выходом он видел мысли о смерти.

– Знаешь, на самом деле умереть должен был я... – с досадой произнёс Эвион и сел рядом. – Из-за меня сошла эта лавина. Из-за меня погибло столько людей, но я почему-то выжил. – Эвион уже думал попросить Тео забрать браслет и уйти как можно дальше, чтобы он мог умереть от головной боли, но тогда охота начнётся за ребёнком, и Эви опять будет виноват. Нет, с этой минуты из-за него больше не умрёт ни одна невинная душа, а если кому-то и суждено пасть от его руки, а точнее – браслета, то это будет граф Спеода.

– Я тебя не понимаю. – еле слышно прошептал Тео. – Ты при чём?

Сейчас ни в коем случае нельзя молчать – тишина не должна длиться дольше секунды. Боль за других, вина перед ними и груз талисмана, кровавого бремени, сильно давили на сердце Эвиона, которое вот-вот разобьётся на мельчайшие осколки, а они, в свою очередь, вопьются в грудь острыми углами, выпадут снаружи сквозь проделанные раны, оставив Эви совсем без сердца. Хоть кому-то надо довериться, хоть кто-то должен его понять, простить. А какое место подойдёт лучше для исповеди, чем белая ночная пустошь?

Заставив себя идти, товарищи по несчастью поплелись вперёд, к горному хребту, откуда должны были вылететь спасательные вертолёты Эсии – граничащей с Квиром страны.

Снег перестал сыпаться с небес, прикрывая деяние лавины, и видимость улучшилась. Эвион пересказывал Тео ситуацию, в которую он ненароком попал, а его молчаливый собеседник только кивал головой, справляясь с атакой ощущений от рассказа о талисмани и воспоминаний о друзьях. Для ребёнка было лучше сейчас отвлечься, и такой попутчик, как Эвион, был как раз кстати. Тео не успокаивало то, что кто-то ещё тут столь же несчастен. Его потеря буквально выжигала жизнь изнутри, однако он был не один.

– Теперь понимаешь, почему я виноват в этом? – спросил Эвион, ожидая тяжёлой осуждающей речи.

– Глупости говоришь. Не ты взорвал гору.

– Это произошло из-за меня.

– Уверен, скажи тебе тот подрывник, что случится, если ты не отдашь талисман, ты бы отдал... – Тео говорил не совсем осмысленно, но в его словах Эвион уловил так необходимые ему поддержку, участие и сочувствие. – Да я на твоём месте тоже не отдал бы талисман.

– Я просто не хочу, чтобы граф загадал желание, и люди пострадали от этого. Но они и так страдают. Может, стоило отдать?

– Ещё чего! Он бросается своими людьми и жизнями! Куда ему ещё и власть такую?! Найду – убью! – Тео поднял обмороженное лицо к небу, чтобы слёзы не покатались по и без того замёрзшим щекам.

– Ты отдыхал тут с... семьёй? – осторожно спросил Эвион, чувствуя укол совести.

– Нет, у меня нет семьи. Я из детдома. Мы выехали сюда на недельку. – ответил Тео. – Знаешь, тебе даже повезло, ты один тут был...

Эвион улыбнулся:

– Мне незаслуженно везёт. Скорей бы меня убили.

– И зачем тогда ты до сих пор так упорно сопротивляешься смерти? – победно посмотрел на него Тео. – Ты правда так хочешь умереть?

– Вру, не хочу. – буркнул Эви. – Ладно, разберусь с графом и тогда умру.

– А о родителях ты подумал? Я бы всё отдал за то, чтобы у меня был хотя бы один член семьи! А ты ею так пренебрегаешь.

– Вы в детдоме все такие умные? – дрожащими губами улыбнулся Эви, на секунду забыв о плачевном состоянии своей души.

– Приходится. – ответил ему такой же улыбкой Тео.

Новый порыв ветра взъерошил им волосы, и Эви впервые заметил, что резинки на расчёпанных волосах у него больше нет. Он собрал рукой пряди и «любимая», словно по сигналу, заменила ему ленточку, закрепившись на хвостике. То, что талисман не только обере-

гает юношу от неприятностей, но и помогает во всяких бытовых мелочах, было приятно и необычно.

Эвион и Тео шли вперёд, к хребту, гадая, когда прилетят вертолёт и прилетят ли вообще. Они рассматривали снежный покров, выискивая ещё выживших.

– Эй вы там! Эй!!! Парни, ау! – голос явно только очнувшегося человека прозвучал слева от Эвиона и Тео. – Не поможете, а то застрял! Пожалуйста!

Они разглядели на снегу чёрную фигуру, часть которой придавило куском деревянного навеса, припорошённого снегом. Под этим завалом находился светловолосый юноша и выглядел весьма весёлым в отличие от двух друзей по несчастью. Когда они приблизились к нему, он улыбнулся им лучезарной улыбкой и помахал рукой. Двое приподняли деревянный навес, и блондин спешно вылез из-под его тисков.

Редко кто оставался бы жизнерадостным в такой ситуации, как этот курносый паренёк с кругловатым лицом и пухлыми раскрасневшимися щеками...

– Вот спасибо! – встал, отряхиваясь, он. Его яркие зелёные глаза удивляли искрами жизни посреди смерти. – Я даже сперва и не понял, что произошло! Вот сижу в баре и тут раз! Очнулся посреди улицы.

– С нами то же самое. – тут Эвиона осенило. – У кого-нибудь есть деньги на мобильном?

– Ты лучше спроси, есть ли у кого-нибудь мобильный вообще? – блондин покопался в карманах куртки. – Кажись, свой оставил на столике в баре... А жаль! Столько номеров красоток на нём! Кстати, – он протянул Эвиону, а потом и Тео, руку:

– Рад встрече, Гавэйн Най. Для друзей просто Гави!

– Для друзей просто Эви. – скопировал его Эвион. Пожав руку блондину, он заметил, как сильно того трясло.

– Я – Тео.

– Вы тут долго гуляете? Спасатели прилетали? – Гави поглядел по сторонам. – Видимо, нет... – паренёк из последних сил держался весёлым, но потрёпанный вид его напоминал долго не спавшего человека, старающегося это скрыть. Гави оглядел Эвиона и нахмурился:

– Дружище... Одет ты явно не по погоде.

Эвион пожал плечами и ответил:

– У нас в Сои зимы теплее. Ну, что будем делать?

– Может, пойдём к подножию гор? Там через расщелину пройдем сквозь хребет и окажемся в Эсии. – ответил Тео.

– Не думаю, что без еды мы сможем пересечь твою расщелину. А вы уверены, что она там вообще есть? – задумался Гави.

– Естественно! Это же одна из достопримечательностей. Нас к ней на экскурсию водили. – Тео снова вспомнил о друзьях и, бросив короткий прощальный взгляд на поле позади, замолчал.

– Свет! Смотрите, там свет! – закричал охрипшим голосом Эви. – Или мне кажется...?

– Нет, там и правда что-то есть... – ясные глаза Гави уловили огонёк нетронутой створки сбоку горы.

Кому-то феноменально повезло: лавина сошла с правой части склона, совсем не затронув левую, и домик стоял целый, предвещая троице тёплый приём ярким светом. Они, подобно мотылькам, летели на него.

А снег тем временем снова срывался вниз и кружился в безветрии. Свежий и обжигающий воздух замораживал лёгкие при каждом вдохе, превращаясь в белый дым при выдохе. Снежинки были отчётливо видны на синевом небе, ненавязчиво напоминающем о новом рассвете.

Ветер, чьё отсутствие только облегчало путь троице, сейчас подслушивал в небесах диалог главных созидателей процесса, утомлённых белой пустыней, но не хотевших с нею расставаться хотя бы потому, что от природной стихии можно ожидать разных поворотов события.

Тсэй только вернулся с новой порцией амброзии для дам.

– Что я упустил?

– Да так! Лавина на Бефи сошла. – махнула рукой с балкона Узура и потянулась за угощением.

– Как?... – Тсэй выронил поднос и кинулся к балкону. – Этого не может быть... Я же...

– Успокойся, на всё воля Судьбы. – холодно ответила Сев, смиренно отнесясь к лавине. – Теперь уже ничем не помочь. К тому же, многие получили по заслугам, а чистые сердца выжили и продолжают счастливую жизнь. Как Справедливость, я чувствую это.

– Тогда... А подрывник жив или нет? – спросил Тсэй, успокоенный словами верховного судьи – Сев.

– Мы что, экстрасенсы? – возмутилась Узура. – Не мешай смотреть.

– Ставлю 50 синаплас на жизнь подрывника. – внесла свой вклад в разговор Сев.

– Ставка принята! – рассмеялась Узура. – Кстати, Тсэй... Ещё амброзии...

– Я никуда не уйду больше! – улыбнулся бог в ответ.

Глава шестая

Утро после наступления темноты

Чего бы боги там ни говорили, это никак не отразилось на Эви, Гави и Тео. Они, еле вылезая из сугробов, заглывающих друзей по самые колени, наконец дошли до двухэтажной сторожки, на втором этаже которой словно маяк светила лампа. Эвион постучал в дверь, но ему не ответили. «Раньше хотя бы шаги были» – Эви вспомнил приём в доме Эриена Ван Хольца.

– Никого, что ли? Давайте я дверь выбью, а то промёрз до скелета... – предложил Гави.

– Нет, погоди! – Эвион подставил ладонь «любимой» и она сползла с волос на руку. Юноша наклонился и, мысленно представив, чего он хочет от талисмана, приблизил «любимую» к замочной скважине. Кончик металлической нити вошёл внутрь, взломав дверь. «Надеюсь, меня за это простят» – Эвион осторожно толкнул дверь.

Внутри было темно, но тепло. Гави нащупал выключатель, и комната наполнилась приятным, тусклым светом лампочки, змейёй свисающей с потолка. В комнате были только старый телевизор, потрёпанный диван болотного цвета, лестница наверх и длинный винный шкаф со стаканами и тремя бутылками. Ещё две пустые стояли у кресла.

– Кто-нибудь дома? – крикнул Тео.

В ответ на втором этаже они услышали шуршание и падение чего-то тяжёлого. Хозяин не заставил себя долго ждать.

С лестницы сбежал высокий молодой человек лет двадцати, хотя вначале троица подумала, что он гораздо старше – неприветливое выражение лица, разметающиеся по широким плечам чёрные длинные кудри и колкий осуждающий взгляд холодных серых глаз, сквозивших яростью, добавляли ему лет. Выглядел он воинственно, тем более держал в руках пистолет.

– Что вам нужно?! – глубоким сиплым голосом спросил парень, не опуская оружия.

– Извините, сошла лавина и... – начал было Эвион, но его прервал смех Гави.

– Сэр, вам куртка не жмёт? – хихикал он. Его смех не был истерическим, как отметил Эвион. Гави смеялся от души, явно не со зла. И правда: на озлобленном хозяине дома верхняя одежда была чуть меньше нужного.

– Что дали, то и одел. Короче, ещё одно слово и ты вылетишь из моего дома. – не терял чувства гордости молодой человек.

После Гави одеждой заинтересовался Тео, разглядев на тёмно-синей куртке бейджик спасателя «Хетари Гесто».

– Так вы – спасатель? – с надеждой спросил он.

– В сложившейся ситуации он – пострадавший! – хохотал Гави.

Глянув в окно и убедившись, что вломившиеся парни не шутят, Хетари убрал напрягающий Гави пистолет в карман и кинулся к сейсмическим датчикам. Увидев, что они неисправны, он, чертыхаясь, отправил по рации сообщение об аварии в штаб Эсии, прося о помощи. Незамедлительный ответ, данный штабом, содержал слова сочувствия и обещание в считанные минуты прибыть на место бывшего горнолыжного курорта.

– Ну что, Хет, нальёшь выпить? – окликнул замершего у рации спасателя Гави. – Мы ж с холода...

– Видишь, где шкаф? – ледяной взгляд Хетари скользнул по смазливому пухленькому лицу блондина. – Так иди и налей себе сам.

Гави развёл руками и взял бутылку и четыре стакана. Эвион нехотя отпил алкоголь, а Тео Гави вообще почти ничего не налил, за что получил неодобрительный взгляд мальчика. Подойдя к Хету, он протянул ему стакан.

– Выпей, может, полегчает. – ободряюще сказал он.

– Сам разберусь. – отрезал Хет, но стакан взял, хоть и знал, что толку от этого не будет. По крайней мере для него. Многие после пережитой травмы предпочитали напиться и не выходить из дурманящего пространства между миром реальным и миром собственным. Хету же приходилось искать свой угол именно в мире реальном, так как внутреннего у него не было, сколько бы ни пил. Даже короткой галлюцинации алкоголь у него не вызывал, что ещё больше омрачало слишком реальную жизнь молодого человека, не нашедшего пристанища. А теперь он допустил новую ошибку – будучи спасателем, наплевал на обязанности и просто слушал музыку наверху, в то время как погибали люди. . .

Откуда-то сверху раздался грохот пропеллеров. Хет поставил стакан на стол и, захватив сумку с поржавевшего крючка в холле, вышел на улицу.

Шесть вертолётов зависли в тёмном небе, пропуская первый, плавно опускающийся по касательной к земле. Сперва к нему поднялась маленькая струйка потревоженного снега, будто интересующегося, не опасен ли опускающийся агрегат. Потом же со всех сторон от почти севшей винтокрылой птицы в стороны разлетелись огромные белые перья, скрыв её из виду. Когда метель осела наземь, вертолёт уже стоял на снегу, ожидая спускающегося следом собрата.

Эвион догнал Хета, когда тот почти уже подошёл к раскапывающим снег спасателям. Некоторые из них перевоплотились в собак и выискивали людей по запаху, другие воспользовались датчиками тепла.

Хет включился в работу, а Эвион остался стоять без дела. Фонарика или датчика у него не было, поэтому он ходил недалеко от места работы спасателей. Белые холмы, тянущиеся от гор в бескрайнее пространство, влекли его, и одно время он стоял, глядя вдаль.

– Парень, отойди! – крикнул один из спасателей, укладывающий кого-то на носилки. Эвион посмотрел на умиротворённое, но в то же время напряжённое и скованное лицо девушки и снова начал проклинать себя всеми, никак не подходящими его сущности словами.

– Вам нужна помощь? – поинтересовался Эви, а спасатель только глянул на его руку, точнее на её отсутствие, и отрицательно покачал головой, смахнув с пышных усов снежинки.

– Здесь нужна помощь! – крикнул услышавший его Хет, рывший сугроб. Эвион поспешил к нему раскапывать белую могилу.

Эвион принялся отшвыривать рукой снег, ломая его ногтями, потом спрятал руку в рукав из-за неимения перчатки и снова возобновил деятельность, несмотря на холод. Всё же все здесь страдали из-за него и отрицать это было бессмысленно. Ничтожная доля невинности конечно присутствует, но весы всё равно опустились на сторону осуждения. Вот и первое наказание, и он должен сделать хоть что-то, дабы искупить вину.

– Слушай, у тебя нет ещё одной лопаты? – спросил Эви, когда окончательно отморозил себе руку. Пальцы не сгибались, застыв в скрюченном положении, несколько пугавшем самого обладателя руки.

Хет с неприязнью посмотрел на парня и кинул ему свой совок. Сам же отправился к вертолёту за лопатой.

«А я чего ожидал?! Достал я этого спасателя. . . Работать мешаю, наверное» – придумывал объяснение грубости черноволосого спасателя Эвион.

«А может, и не мешаю!» – возликовал он, когда после очередного отброшенного совка снега различил под лунами чью-то одежду.

– Эй, тут кто-то есть! – крикнул он спасателям, но видя, что они заняты, продолжил налегать на совок, продвигаясь к цели. Пока он осторожно выкапывал пострадавшего, «любимая» щекотной струйкой проскользнула с волос под одежду и снова закрепилась на запястье, грея его теплом.

Хет взял одну из лопат, прислонённых к корпусу вертолёта, и поспешил обратно к Эвиону, думая, что будет делать, когда наконец сможет улететь в Эсию. Эвион нетерпеливо пома-

хал ему рукой, будто бы говоря, чтобы тот пошевеливался, на что Хет в другой ситуации бы очень разозлился, так как скорее он, чем его, обычно куда-то кого-то торопил.

– Тут живой человек. – сообщил Эвион Хету. Черноволосый юноша взял пострадавшего под руки и с лёгкостью вытащил из разрытого сугроба. Эвион посмотрел на бледное, лунного цвета лицо замерзающего. Он буквально замер на месте: перед ним лежал Кетер. Хет поспешил за носилками, а Эвион спешно прощупал пульс своего врага, соображая, что с ним сделать – закопать обратно, если успеет, или оставить.

– Сейчас заберут. – Хет поглядел на лежащего зачинщика трагедии сквозь утреннюю пелену, освещаемую фонарями. Кетер открыл глаза, переводя взгляд с Хета на Эви.

– Очнулся. – кивнул в сторону парня Хет и Эвион нехотя повернулся к Кетеру. Тот лишь еле заметно улыбнулся уголками рта. Эви, наклонившись к замерзающему, попытался помочь сесте, надеясь, что после перенесённого Кетер его почти не помнит. Не тут-то было. Кетер из последних сил замахнулся на Эви рукой, в которой было что-то острое.

– Не ожидал? Говорил же: конец тебе! – прохрипел еле движущимися губами Кетер, и Эви почувствовал холодное лезвие на своей шее. Хет молниеносно выхватил из кармана пистолет, но талисман опередил его. Блеснув в свете лун, он вышел из спины предателя. Хет поражённо наблюдал за «любимой», возвращающейся в своё обычное состояние браслета, только приобретшей ещё немного тепла. Когда Кетер упал на снег, больше не поддерживаемый ни жизнью, ни талисманом, Эвион попытался отдалиться от него, но тут же был остановлен Хетом. Юноша взглядом указал Эви причину негодования, и лицо Хета снова состарилось проступившими морщинами и крайней степенью непонимания:

– Что... ты... с ним сделал? – зловеще прозвучал его глубокий голос, а дуло пистолета теперь смотрело на Эвиона.

Эви в испуге глянул на талисман – тот вроде бы спокойно сидел на запястье.

– Бога ради опусти пистолет, иначе ты можешь погибнуть! – юноша с замиранием сердца смотрел на Хета, не собиравшегося опускать оружие.

– Это угроза? – с презрением произнёс черноволосый.

Эвион сжал скатившийся ему в руку талисман, надеясь на то, что «любимая» не пройдёт через его ладонь, целясь в сердце Хета.

– Это не угроза. – Эви медленно отполз от трупа, думая, что предпримет Хет, если сказать, что прежде, чем он успеет выстрелить, парень умрёт. – Если ты сейчас выстрелишь, то тоже умрёшь. Опуст пистолет! Я всё объясню.

Хет не думал опускать пистолет. Зато в глазах появилась заинтересованность, сразу же утонувшая в серой бездне отрешённости.

– Короче, говори, что у тебя, или я стреляю. – бесстрастно ответил Хет.

– Этот браслет убьёт любого, кто решит прибить меня. Я подобрал его по ошибке и теперь пытаюсь избавиться, но для этого мне надо попасть в храм Морьенте в Дестане, а если я умру, то браслет получит один очень нехороший человек и тогда... – тут Эви не выдержал пристального взгляда дула. – Да опусти же ты пистолет!

– И ты думаешь, я в это поверю? – Хет всё же убрал оружие.

– Тогда как объяснишь это? – отряхнувшись, Эви махнул в сторону Кетера, молчаливо смотрящего в светящееся небо остановившемся в одной точке взглядом.

Хет ничего не ответил, только подошёл к трупу и стал спешно закапывать его. Лицо молодого человека при этом нисколько не изменилось, словно он прятал не убитого, а зарывал семя в землю, которое скоро проросло бы и дало плоды.

Спасатели всё чаще находили в разворошённом снегу пострадавших. Большую часть составляли получившие разной степени травмы и обморожения люди. Холм, где был закопан труп Кетера, никто так и не затронул – спасатели считали, что Хет и Эви уже проверили этот снежный бугор и уделить ему время для проверки можно и позже.

Вертолёты из Эсии наполнились замёрзшими жителями Бефи. Вскоре некоторые согрелись, перевесив чашу весов холодных и тёплых пострадавших. Некоторые так и остались холодными...

Затянувшееся утро стало приобретать золотистый оттенок. Снег блистал мелкими радужными звёздочками под выползающим солнцем, разглядывающим разрозненные белые поля. Спасатели продолжали грузить спасённых в вертолёты. Ветер, сочувствуя, шептал свою песню Эвиону, покинувшему Хета и идущему в хижину размораживаться.

Сдувая мелкие снежинки с поверхности сугробов, ветер придавал им округлые формы. Солнце испуганно звало к себе тонкие длинные ночные облака, которые не желали прикрывать его всевидящее око от ночного происшествия. Облака создавали атмосферу успокоения, осторожно пряча за собой богов, и скользили по небу, словно ладьи. До одинокого солнца, потерявшего своего брата-близнеца в долгих миллионах километров, им не было дела...

Подойдя к домику, Эви попытался открыть дверь рукой, но от холода и этого сделать не смог. Он собрал остатки сил, часть которых ушла на ледяную дорогу к хижине, и с грохотом врезался почти зажившим плечом в дверь. Тут Эвион вспомнил про отсутствие руки, на месте которой, словно играя на клавишах нервов, появилась боль. Налегая на толстую дубовую дверь другим плечом, Эви стал ждать затихания вспыхнувшего очага боли, а дверь, щёлкнув затвором и скрипнув подмёрзшими петлями, открылась.

– Один пришёл! – возвестил о госте Гави. – Чего с тобой? Замёрз? – он пропустил в комнату Эвиона. – Нечего так долго в снегу копаться. Нам-то хоть оставили пару не спасённых красавиц?

– Если ты думаешь, что красавицы будут ждать тебя под метровыми слоями, то крупно ошибаешься, до тебя их уже откапают. – протянул стакан с тёплым содержимым Эвиону Тео, – Как ты вообще можешь сейчас думать о девушках?

– А как ты можешь о них не думать?! Это в нашей природе – спасти принцесс, ездить на белых конях... Так, всё! Я иду им на помощь! – Гави, явно согревшийся за время отсутствия Эви, вылетел за дверь, пустив на секунду хитрый ветер, поджидавший этот момент у двери. Через секунду его кудрявая голова, накрытая раздобытой где-то в закромах у Хета шапкой, снова показалась из-за двери. – Кстати, Эви, потом покажешь талисман! – и Гави наконец исчез, оставив парня в недоумении.

– Ты ему рассказал? – Эви не знал, то ли ему радоваться тому, что ещё кто-то в курсе его проблемы, то ли страдать из-за того, что ещё один человек знает причину взрыва. Но судя по реакции Гави, он всё понял правильно, рассудив, что Эви – жертва случая. А может он вообще не рассуждал на этот счёт, а просто проглотил сказанное Тео, не приняв всерьёз, или вовсе не поверил.

– Ну надо ж было о чём-то говорить в ваше отсутствие. – отмазался Тео и поспешил сменить тему. – Многих нашли?

– Нашли 146 человек. – ответил, чуть успокоившись, Эви. – Думаю, уже чуть больше.

– С Гави дело пойдёт быстрее! – усмехнулся Тео.

Глава седьмая

Вперёд

Ветер ещё не успел стереть со снега следы и борозды, зато здорово вредил спасателям. Собаки сбивались со следа, а людям мешали асинхронные танцы снежинок. Погода ухудшилась, затянув некогда пустое небо и слабо греющее солнце ватными массами.

Эвион и Тео в тишине сидели за столом, попивая скудные Хетовы запасы чая. Бегать по снегу, распевая песни в пьяном бреде, им не хотелось, поэтому алкоголь остался нетронутым.

Периодически друзья бросали взгляды на окно – не идёт ли кто к домику. Ведь если Хет, Гави, или ещё кто придёт – нужно будет немедленно напоить пришедшего горячим чаем.

За окном разыгралась настоящая снежная метель. Ероша сугробы, она забивала окно. Но вот сквозь занавесь непроглядных хлопьев показалась чёрная фигура, пытающаяся побыстрее прорваться к домику. За ней ковыляла вторая, ступая более твёрдо и уверенно.

Дверь в негодовании закрипела, впуская двух путников и мороз. Гави, а затем и Хет, осыпанные белыми кристалликами, вошли в домик.

– Облом, люди! – отряхивая шапку и куртку, сказал Гави. – Вертолёты скоро улетают. Проблемы с погодой, да и есть вероятность, что скоро сойдёт третья лавина. Так что подъём – полетим отсюда в тепло и уют! – в его голосе было столько уверенности, что усомниться в комфорте грядущей перспективы было нельзя.

Погасив ярко светящую в центре комнаты лампочку нажатием на низко расположенный выключатель, четвёрка вышла из домика. Пока Хет вешал ржавый замок, Эви и Тео пытались взглянуть в пейзаж, но ничего кроме ярких белых вспышек, тут же врезающихся им в глаза, они не видели. Гави шёл на ощупь и по возможности на звук, прикрыв лицо сверху рукой. Издалека ветер периодически доносил звуки работающих спасателей, к которым шла компания.

Кое-как приспособившись к капризам погоды, Эви, Гави, Хет и Тео ковыляли через сугробы вперёд. Ветер, холодом царапая им лица, уже не был так ласков, как ночью. Не уступая природной стихии, они чуть ли не прыжками преодолевали выросшее из неоткуда снежное море. Снег, словно вода, вливался в сапоги при каждом шаге всё больше и больше, и в конце концов затвердевал. Обувь превращалась в колодки, тянущие уставшие, оочеченевшие ноги в глубину. На руках от холода уже не чувствовалось пальцев. Казалось, что их засунули в битое стекло. Из стёкол ладони отправили в кипятки, а затем онемение и покалывание пронизывали тела.

Эвион шёл след вслед за Гави, стараясь попадать ногами в оставленные первопроходцем следы. Баланс у Эви нарушился при очередном порыве ветра, и он сошёл с проложенной тропы.

– Эй, ты куда?! – крикнул плетущийся сзади Тео, заставив остановиться и повернуться всех троих.

– Извини, занесло! – ответил Эви и повернул обратно на дорожку.

Стоило ему сделать ещё шаг, как нога снова провалилась, только теперь глубже. Снег мелкими и крупными кусками осыпался вниз.

Приземление Эвиона пришлось на ноги и отдалось в голове лопнувшим шаром со сжатым воздухом. Потом парень грохнулся на спину, и на лицо сверху посыпался снег. Было холодно и сыро. Эвион открыл глаза: он лежит в снежном гнезде наподобие того, в котором очнулся после лавины. Только теперь не талисман ему прорубил окошко сверху, через которое виднелись бодро пробегающие облачка и три лица.

– УЖАСНАЯ ЖИЗНЬ! – в ярости прокричал Эви, насколько позволяло простывшее горло, и сразу закашлял. – Как же мне везёт!

– Не надо делать столь поспешных выводов! – ответил ему Гави, глядя с высоты одноэтажного дома на провалившегося парня. – Отойди-ка в сторону!

Блондин с ловкостью тигра прыгнул в дыру к Эви. Приземлившись на ноги, он покачнулся назад, но не упал, а повернувшись к другу, ухмыльнулся:

– Не так уж тут и плохо!

– Ага, при условии, что через несколько часов сойдёт ещё одна лавина! – завопил сверху Тео. – Гави, о чём ты думал?!

Гави рассмеялся, а Хет мрачно бросил: «два идиота», и побежал в хижину за канатом.

«А ведь правда, сойдёт лавина... И если мы не уберёмся отсюда...» – размышлял Эвион насчёт того, повезёт ли им в этот раз или же Фортуна отвернётся от него, вдоволь насладившись обществом однорукого человека с неожиданно проснувшимся неумным стремлением жить.

– Над чем задумался? – поинтересовался Гави, обходя снежную яму по внутреннему кругу.

– Да так, прикидываю, как отсюда вылезать.

– За тем я и прыгнул! – всплеснул руками блондин. – Сам-то ты с трудом небось сможешь вылезти, а то и вообще тут останешься.

Эви удручённо посмотрел на «сокамерника», и на его лбу проступили мелкие морщинки.

– Что я слышу. Не думай, что я такой беспомощный.

– Молчу-молчу! Я просто помочь хотел. – наиграно обидевшись, отвернулся Гави. – Не хочешь – не надо!

Отгородившись рукой от навязчивого солнца, владыка которого сидел по правую сторону от неё, Сев пересчитывала 100 синапас, честно выигранных ею в ставке на жизнь Кетера. Она выиграла несмотря на то, что подрывник прожил всего ничего.

– Над золотом чахнешь? – буркнула Узур-Каири, спрятав лицо в ладони. – А я, между прочим, на эти деньги хотела себе...

Сев нагло перебила её, не дав закончить предложение:

– На эти деньги со своими запросами ты ничего не купишь, знаю я тебя. А вот мне пригодится...

На окраине леса рос невысокий дуб. Его посадили недавно, но он уже пропитался тысячелетней атмосферой беспокойства и своеобразной незащищённости. Его безразличные собратья, пряча в своих тенях низкие тёмные кусты, которым не свойственно увидеть истинный свет, тянули пушистые лапы кверху, но тщетно – солнца им не достать, так же, как не заставить сердце человека полюбить нелюбимого, так же, как не исправить прошлого, так же, как не вернуть умерших... Хотя почему нет? Смотря что ты принимаешь за солнце. Если это – сердце близкого человека, то до него рукой подать. И не стоит грезить о небесах, когда ты уже находишься в Раю. Но если сердце-солнце тебя не греет?..

Солнце сегодня и правда не грело. Только слегка слепило, неустойчиво воцарившись на небосклоне. Оно скорее походило на отпечатанный на промокашке желтоватый круг, смеющийся над теми, кто его сделал – теперь не выведешь. Запятнана твоя промокашка, а за желтоватым пятном последует и чёрное...

Все шторы на окнах в усадьбе графа Спеода были плотно задёрнуты. Только одно оставалось без внутреннего века. В грузной оправе блестели 10 мелких симметричных окошек, разде-

лённых толстыми перегородками. Окошки, которые только что вычистила горничная, бросали просачивающийся свет на мраморную статую внутри комнаты. Белая, идеально выточенная девушка с кувшином в руках обратила печальный, задумчивый и одновременно заинтересованный взгляд сквозь стёкла окна. Напротив неё спокойно сидел на бордовом диване граф Белиан с книгой в руках. Биографическую книгу он читал просто из любопытства к этой статуе. Какая жизнь у неё была до того, как копия красавицы поселилась у него в кабинете в виде статуи? Увы, очередная обычная биография талантливой художницы: в 11 лет её талант был замечен, в 19 она продала картину стоимостью в 200 000 синаплас, в 20 отправилась путешествовать по миру, в 21 внезапно исчезла.

– Куда ты смотришь, милая? – он отложил книгу на бордовую обивку и подошёл к скульптуре. Она всегда смотрела на улицу, и Белиан, не найдя в её лице никаких примечательных деталей и индивидуальных черт, проследил за её взглядом.

Перед дверьми в усадьбу на подъездной дорожке стояло шестеро крепких мужчин, образовав круг. Они что-то обсуждали, но не бурно и увлечённо, как раньше. Их движения и позы были напряжены, словно они пытались что-то скрыть, понимая неизбежность разоблачения. Один отделился от них и двинулся к чугунному забору.

– Если вы намереваетесь и дальше тут корячиться, то я против! Осточертела эта жизнь в вечном страхе! – отошедший к калитке мужчина повернулся к остальным, от всего сердца выплёскивая накопившуюся ненависть и обиду.

– Тебя всё равно найдут. – сказал кто-то из группы, а в ответ собиравшийся уходить словно вспыхнул:

– А вам не надоело поджимать хвосты, псы бродячие! Нашли кормушку и конуру! За пазухой у дьявола! Так готовы ради тесной каморки и объедков дворянства глотку перегрызть?!

Похоже слова бунтаря задела одного из «верных псов» графского общества, и на мужчину двинулся один из пятерых.

– Сам-то ещё недавно миску облизывал и из глаз так и пёрло благодарностью. – он плюнул в лицо выступившему против общины человеку. Тот небрежно вытер физиономию рукавом синей куртки и, усмехнувшись, бросился на обидчика. Лицо оскорблённого вытянулось в длинную курносую морду, мужчину обступил коричневый туман, тело за секунду обросло плотной шерстью, и из тёмной завесы выпрыгнул с рёвом уже не человек, а медведь. Точным ударом по его морде проехала когтистая лапа ягуара – второй мужчина тоже зря времени не терял, преобразовавшись в дикую, страстно желавшую разорвать чью-то тёплую плоть кошку. Чёрный нос медведя залился брусничным соком с солоноватым привкусом, немного сковывающим вкусовые рецепторы во рту. Медведь ответил пощёчиной на пощёчину, и ягуар отлетел в кусты, обрамляющие дорожку.

– Конечно, я не думаю, что смогу когда-либо искупить все те грехи, что совершил, но к этой жизни я больше не вернусь. – медведь снова принял облик человека. Сняв с себя куртку, мужчина вытер ею оцарапанный нос. – Не хочу больше убивать по приказу... Вообще убивать не хочу.

– Когда это ты успел стать святошей? – пришёл в себя получивший оплеуху.

– Тогда, когда понял, что отвернулся от богов, отрёкся от всего, чем дорожил. И ради чего? – мужчина глянул на куртку, от крови переменившую цвет, и отвернулся от своих бывших товарищей. Решительной походкой он направился к металлической калитке и взялся за ручку. Вот она, свобода...

– Очень, очень жаль, дорогой друг, что твой выбор пал на тёмную сторону. – словно из неоткуда появился граф Спеода.

Мужчина ничего не ответил, замерев у полуоткрытой калитки.

Граф положил руку мужчине на плечо и проговорил с мягкой улыбкой:

– Ты помнишь, что я говорил тебе? Покидать это место, увы, нельзя. Для вашего же блага. Уйти без позволения равноценно предательству.

– А скольких предал ты? – мужчина дёрнул на себя калитку. – Да лучше сгореть в Аду... – вдруг он с шумом втянул в себя воздух, глаза протестующего широко раскрылись. Он попытался отдёрнуть руку от раскалившейся докрасна ручки, но словно прирос к ней. Дико крича от нестерпимой боли, извиваясь и дёргаясь в предсмертных конвульсиях, мужчина откинулся назад. Безжизненное тело удерживала только искорёженная, прожжённая рука, вцепившаяся тлеющими пальцами в калитку.

Белиан печально смотрел на возможно ещё живого предателя, потом щёлкнул пальцами, и тело вспыхнуло бордовым пламенем, и не успели случайные зрители различить очертания человека в огне, как языки угасли. На нетронутой огнём траве был рассыпан чёрный прах медведя. Ветер подхватил его и швырнул в лица наблюдателей, а Белиан уже направился обратно в усадьбу.

Поражённые приспешники растеряно переглядывались, придумывая, чем себя отвлечь, чтоб ненароком не стать следующими. Один из пятёрки стал прислушиваться к удаляющимся шагам графа, но его сбил рёв работающего на полную мощность двигателя спортивной машины. Двое из компании спешно подбежали к воротам и замерли. У обоих был один и тот же вопрос: не сгорят ли они заживо, прикоснувшись к чугунным прутьям? С опаской посмотрев в сторону повернувшегося на звук графа, они всё же открыли холодные ворота, и гости не заставили себя долго ждать.

На дорожку въехала сбросившая скорость после быстрой езды красная спортивная машина. Белиан расплылся в гостеприимной улыбке и поспешил к приехавшим.

Пассажирская дверь плавно открылась, и из салона вышел молодой человек в строгом костюме. На груди у него красовался серебряный Орден Доблести в виде многоконечной звезды, инкрустированный множеством бриллиантов. Молодой человек чем-то напоминал самого графа Спеода и имел тот же титул. Аристократическое лицо было идеально пропорциональным, симметрию его нарушал только локон чёрных кудрявых волос, с шармом упавший на лицо. Глаза цвета горячего шоколада лукаво смотрели на приближающегося графа.

В это время с места водителя соизволил сойти второй гость. По красоте парень ничуть не уступал своему старшему брату, только в отличие от элегантного костюма одет он был в полосатую майку и потёртые джинсы, а волосы стягивала красная бандана.

– Какие люди нас встречают! – захлопнул дверцу второй брат.

– Здравствуй, дядя. Рад очередной встрече. – обнял Белиана аристократ.

– Валеит, Тито, весьма признателен вам за ваш визит! – их дядя был очень рад видеть молодых графов у себя.

– Мы бы тоже были бы очень признательны, если бы ты не приглашал нас так часто. – усмехнулся Тито, подтянув повыше бандану.

– Ну! Не так и часто. – словно обиделся их дядя. – Вы не были тут целый месяц! Неужели даже не соскучились по мне?

– Благодаря твоим поручениям, скучать нам не приходилось. – благодарная и в то же время с лукавством улыбка озарила дивное лицо Валеита.

– Точно! – поддержал Тито. – Каждый день поминали вас добрым словом.

– И на том спасибо... – Белиан представил, каким таким добрым словом поминали его братья. – Чего же мы тут стоим? Пройдёмте, у меня есть для вас кое-что интересное...

Глава восьмая

Лёд, камень и небо

– Готов! – крикнул снизу Гави, закончив обвязывать Эви верёвкой. – Тяни!

Хет осторожно потянул верёвку на себя, отходя дальше и дальше по зыбким сугробам. Как только на белом горизонте появился Эви, Тео тут же помог ему вылезти и развязать верёвку. Её конец полетел обратно в яму к Гави.

– Ну, крепко держисься? – устало глядел в яму Хет, держа в руках толстую верёвку.

– Крепко, только вы там поторопитесь, а то руки заоченели! – ответил он, и Хет снова потянул верёвку.

Когда Гави показался на поверхности, он тут же зажмурился: мелкий белый снег, заметая всё вокруг, слепил глаза и морозил лицо.

– Почему-то у меня плохое предчувствие... – произнёс Гави, посматривая на идущего впереди Хета. Тот ему ничего не ответил, также как и идущие сзади. – Вертолёты смогут взлететь?

– Замолкни! – рявкнул Хет.

– Знаешь что? Я тебе, конечно, очень признателен за верёвку, но...

– Да тихо ты! Слышите? – Хет жестом остановил тройку. Сквозь ветер они различили глухое жужжание пропеллеров. Звук быстро приближался и вскоре над компанией пролетела спасательная эскадра. Гави беспомощно замахал руками, а Хет живо пустил несколько пуль в воздух, но тщетно. За пеленой снега скрылся хвост последнего вертолёта.

– Кажись, опоздали мы на рейс... – подвёл итог Гави.

– Они... Улетели без нас? – неверующий взглядом смотрел в небо Тео – Мы же умрём тут... Нам всем конец!

– Так, без паники! – остановил друга по несчастью Гави. – У нас ведь есть домик Хета!

– Который тоже скоро накроет лавиной! – запротестовал Тео.

– Всё вы. Смотреть надо, куда ступаешь! – выпустил пар на Эви Хет.

– Что сделано, то сделано, уж извини. – Эви еле сдерживал гнев, чтоб не упрекнуть в безжалостности длинноволосого спутника. – Тео, ты говорил, в Мезонском хребте есть расщелина?

– Д-да, есть... Идём обратно? Будем её искать? – чуть оживился парень.

– А у нас есть выбор? – потопал назад Хет.

– Конечно! Мы можем остаться тут! – пошутил Гави, тут же оценив молчаливое чувство юмора Хета.

Снег неторопливо заметал за ними следы, ерошил парням волосы, дул в спины, подталкивая вперёд. На него они внимания почти не обращали, занятые каждый своими мыслями, смыслом которых было выжить любой ценой. И никакой снег не помеха по сравнению с этим желанием.

«Вот интересно, что сейчас делает Офэн? Спит, наверное...» – думал Эви, вспоминая родной город, дом, маму. – «А что сделает мама, посмотрев новости и узнав, что Бефи накрыло лавиной? Позвонит мне, а если не отвечу, будет долго рыдать и полетит раскапывать моё тело...» – Эви нащупал в кармане ледяной мобильный и изучил экран. – «Заряжен, так что дозвонится».

– Сколько времени? – Тео заметил в руках друга телефон.

– Полседьмого.

– Как думаете, сколько идти до ближайшего населённого пункта? – поинтересовался Гави.

– Несколько дней. Зависит от того, с какой скоростью будем идти. – ответил Хет, оглядывая проявляющийся дом на горизонте. – Соберём всё необходимое и побыстрее. А то не успеем к расщелине до схода лавины.

Ветер перестал гонять снег, давая ему мягко спуститься с серого неба вниз. Бледное солнце перемахнуло взглядом за хребет, оглядело густой лес и стало печально всматриваться в горизонт: где-то там его собрат так же осматривает далёкую планету, освещая её тёплыми лучами.

Морозный воздух словно оброс иглами, при дыхании царапающими нос и горло. Кожа покрылась белым инеем, сменила, как хамелеон, свой привычный цвет. Белизну компания по приходу в домик сразу же стряхнула с себя. От дубовых стен повеяло уютным, свежим лесом, просторными лугами и чем-то влажным, словно опавшими осенними листьями после дождя. Тусклая лампочка под потолком покачивалась из стороны в сторону, подобно маятнику от часов.

Хет откопал пару рюкзаков и две вместительные спортивные сумки, в которых когда-то принёс сюда свои вещи. Они быстро наполнились бутылками с водой, хлебом и тому подобной провизией, тёплыми вещами и спальными мешками, которых было на один меньше, чем забытых в снегах людей. Гави благородно отдал свой мешок Тео, согласившись спать на подстилке из пары пледов, которые также отправились в сумки. Также парни, проникшиеся историей о нападениях графа, на всякий случай взяли имевшееся в доме оружие – кухонные ножи. Захватив с подоконника присыпанный пылью компас, Хет вышел из домика, не потрудившись даже запереть дверь на ключ.

– Эй, свет забыл выключить. – предупредил его Гави, закидывая на плечи рюкзак.

– Не забыл, специально оставил. – ответил бесцветным тоном Хет, – Может, кто ещё выжил и заметит огонь.

«Вот бы не подумал, что Хет будет о ком-то заботиться после того, как из-за меня опоздал на вертолёт. Почему он нас не бросил? Ему что, так наскучило одиночество? Или причина в другом?» – топая за Хетом, думал Эви, прикидывая возможный ход мыслей компаньона, которому всего-то надоели пустые однообразные дни и он хотел развлечься.

А впереди громоздились тёмные горы. Угрожающе свисали сверху снежные глыбы, подгоняя компанию к расщелине. Приблизившись к наполовину заваленной горе, они стали высматривать узкий проход, длинное вытянутое дупло в хребте планеты. Тео, ориентируясь по скудным воспоминаниям об экскурсии, обходил серую стену, пока наконец не разглядел полузаваленное углубление. Он бросился откапывать его, окликнув других, и они вчетвером стали высвобождать себе путь к спасению. Снег комками летел во все стороны, а расщелина всё больше и больше походила на вход в скалу. Ещё немного усилий, и стоило Тео подтолкнуть остатки снега, как мягкий белый и холодный ком полетел вперёд, рассыпаясь по земле внутри горы. Впереди они увидели длинный тоннель, с обеих сторон которого нависали тёмные, влажные, подмороженные каменные стены, а сверху через трещину проступал свет и белело пасмурное небо.

Первым внутрь ступил Эвион, отряхивая руку о пальто. Дальше переступили через снег Тео и Гави, оставив Хета завершать шествие.

Ветер пронёсся мимо парней, играя наперегонки с самим собой и догоняя свой хвост на краю мира. Мимолётно оглянувшись, он дунул им свежестью в лица и пустился по ущелью, напевая в его коридорах свою полноголосую песню. Голоса ветра отражались от стен, журчали ручьями в глубине горы и искали себе новые отклики и звуки.

Под гнётом горных стен, тучами сжимающими тебя по бокам, идти было до дрожи неуютно. Безднадёжность и осознание единственного возможного движения вперёд угнетала. А идти ещё долго, впереди – ни единого просвета, только тёмная, кажущаяся объётой туманом даль. Но ведь наверху, там, куда деревья протягивают свои пушистые лапы, там, где летают

вольные птицы, там, где живут боги, там, куда люди возносят свои мольбы, есть небо, есть необходимый для жизни свет.

– Сколько мы уже идём? – заскулил Тео.

– Четыре часа. – невозмутимо ответил Эви, глядя на отлично сохранившийся экран телефона. Однако спокойствие было мнимым и внутри он готов был кричать. – Давайте передохнём?

– Я только за! И пообедаем! – выразил своё мнение Гави, присматриваясь к камням, которые можно будет использовать вместо стульев и обеденного стола.

Разложив один из нескольких свёртков с едой, друзья по несчастью сели крест на крест напротив друг друга. Каждый думал, хватит ли им еды на будущее или они не успеют и выйти из Мезонского хребта, прежде чем смерть настигнет их? В любом случае сейчас они живы и эту жизнь надо как можно лучше кормить, чтоб не вздумала убежать в аппетитные облака Рая.

– Приятного аппетита. – первым потянулся к буханке хлеба Хет, отнюдь не радушно буркнув пожелание. Эвион уловил в его тоне нотки обвинения, но выяснять, из-за него ли этот тон, не стал. Итак уже влипли хуже некуда, так ещё не хватало вывести из себя сомнительного парня с пистолетом. А от лишнего труп Эви будет на шаг ближе к потере второй конечности... и своего разума...

Хет тем временем думал вовсе не об Эвионе. Все его мысли поглотили рассуждения насчёт пересечения расщелины. Обычным шагом они доберутся до леса дня за три. Если будут неожиданные задержки – четыре. Еды хватит на два с половиной дня, поэтому сегодня можно не ужинать, ну в крайнем случае потом они поохотятся в лесу, если будет кому и на кого охотиться.

Скальные отвесы нависали грузной массой, давя и заставляя сердца трепетать от восторга и страха. Кое-где с них стекали холодные струйки, чей замёрзший след настолько въелся в камень, что казался застывшей дорожкой от прозрачного клея. Падение капель чётко слышалось в глубинах закоулков Мезонского хребта, и вода понемногу действовала на нервы, хотя в тишине было бы ещё хуже. Сама тишина прослушивалась в промежутках полёта капли к дну пещеры.

– Знаете, может всё-таки стоило остаться в доме? – предположил Тео, опасаясь невесть чего в тёмных чертогах расщелины.

– Мы никого не держим. Можешь вернуться. – Хет своим ответом испортил компании настроение и даже вечно голодный Гави больше не притронулся к остывшему мясу и размякшему хлебу.

– Нам теперь лучше держаться вместе. – приободрил Тео Эвион.

– Ага, места тут неизведанные... Нами по крайней мере. – поддержал его блондин, начиная убирать яства в рюкзак.

– Сюда же водят экскурсии, значит, место безопасное, никто тут не водится и с намеченного курса не сойдёт. – рассуждал Тео, тоже отстав от еды. – А значит, и с нами ничего не случится. Вы идите дальше, а я вернусь! – он резко встал и побежал в обратную сторону.

– Ну куда ты?! Там же лавина скоро сойдёт! – крикнул вдогонку Гави, но Тео не обратил на это внимания.

Обратно звало его чувство вины перед друзьями, ни одного из которых он не надеялся более встретить. Однако зачем искать их, если можно подобным образом залечь где-нибудь в снегу и разделить с ними участь? Или, быть может, кто-то из его друзей жив? И сейчас нуждается в помощи там, посреди снегов?.. Мимолётная мысль гнала Тео к началу.

Глава девятая

Отрезан путь, отрезаны варианты

Камни отдавали сыростью от нескончаемой влаги. Земля и стены в некоторых местах были заморожены, и темп ходьбы приходилось сбавлять. Пару раз поскользнувшись, Тео перешёл на шаг, с грустью вглядываясь в тёмные стены ущелья. Он шёл не оборачиваясь, боясь упустить из виду кого-нибудь из уцелевших, забредших в расщелину, хотя вероятность того, что кому-то ещё удалось добраться до ущелья, равна 3%. Но надежда умирает последней, убеждая человека двигаться дальше.

Что может быть прекраснее рассвета в кругу друзей на окружённой лесом поляне? Ты выходишь из палатки, солнце, пробираясь к тебе сквозь ветки, греет утренним теплом... Случайно под ногами хрустит ветка, и из соседней палатки на звук высовывается твой лучший друг. И пока лагерь спит, вы вместе идёте вдоль ручья под солнцем, поминутно брызгая друг в друга прохладной водой, и вскоре окончательно просыпаетесь...

...и каково осознавать то, что этого больше никогда не будет? Тот человек, с которым ты проходишь через всё, вдруг исчезает, оставляя лишь нарастающие уколы в груди, солоноватый привкус на губах, который принесли слёзы. Жизнь вдруг становится однообразной, закрытой. Она будто в картонной коробке: ты всё слышишь, но ты в темноте, ты есть, но тебя не видят. Забиваешься в угол и сидишь там, вслушиваясь в отдалённые звуки снаружи, не касающиеся тебя более...

Расставание с друзьями детства, с которыми связано столько снов, мыслей, воспоминаний, очень болезненная операция. Сродни перерезанию важного сосуда, отвечающего за радость. Чик! ...и кончено. Но если сосуд перерезали, то почему сердце страдает? Ведь канал, по которому шла радость, больше не функционирует. А сердце страдает из-за её нехватки. И пустота, зияющая внутри, разрастается, пожирает сердце изнутри, откусывая от него мелкие кусочки.

Потерять друзей как потерять часть себя. Умереть, но остаться жить в иной форме. Все умрут, это лишь вопрос времени...

...Так к чему его приближать? Настоящее длится всего лишь секунду и тут же становится прошлым. Мысленно хвататься за его конец, а ещё хуже – за всё прошлое – самая главная ошибка. Что прошло, то было, вернуть нельзя, повторять не стоит – будет уже не то. А если забыть прошлое и действовать настоящим? Будет ещё одно прошлое, только более новое, красочное и приятное. Но и это прошлое забудется, когда на его место придёт следующее. Так легко откинешь бывшие события и время сможет тебя залечить, поменяв твоё содержимое, обновив его. Друзья появятся! Появится и тот друг, который станет лучшим. Такого человека можно обрести в детстве, в юношестве, а то и в старости. Но когда он появится в твоей жизни, ты поймёшь, может и не сразу, что с ним можно говорить обо всём, он не предаст и станет надёжной опорой тебе. А ты, в свою очередь, будешь готов ради него встать в час ночи, приехать на другой конец города и протянуть руку помощи. И такого друга ты не потеряешь. Вас просто не смогут разлучить.

Из картонной коробки одиночества, как это ни странно, выбраться легко – её стены тонкие. За ними уже не будет той темноты, там радуга, солнце, дождь, жизнь. Остаётся лишь найти в себе силы и пробить брешь в стене. Дальше, когда ты увидишь свет настоящей жизни, почувствуешь заново вкус веселья и неуловимый аромат любви, ты будешь яро сопротивляться одиночеству и выберешься из него.

Тео видел впереди свет. Проход в ущелье уже давно спадал сверху тонкой белой струёй, воющей полными нотами отчаяния и безрассудства. Голос расщелины проникновенно загла-

тивал сердце изнутри. На глаза наворачивались слёзы, но раз уж решил, идти надо до конца. Или не решил? Затмившая разум скорбь и боль разлуки – вот кто диктует тебе план действия. Откинь от себя сомнения, забудь несчастье! О чём говорит тебе сердце? Разум с ним согласен, их мнение шепнёт интуиция.

Тео остановился метра в десяти от выхода из Мезонского хребта, глядя на снег снаружи. Зачем ему туда? Там холод, смерть. Сзади хоть и сыро, но как никак теплее, да и компания как на подбор. Сейчас, наверное, Гави уламывает их на очередной перевал... Надо поворачивать обратно. К чему пытаться спасти прошлое, которого не вернуть?

Тео улыбнулся расщелине и повернул назад. Сверху донесся гулкий шум и на вход в расщелину обрушилась лавина. Мгновенно завалив проход, плотная масса влила внутрь немного снега и камней, а снаружи остальная пелена окутала и без того белую пустошь снежной волной.

– Повезло... – вырвалось у Тео. – «Если бы я не понял своего истинного желания быть с друзьями, с теми, кто жив, а не кто мёртв, я бы отправился на Тот Свет... А раз больше выхода из расщелины нет, то пора обратно. Зачем я сюда шёл?! Есть лишь одна дорога. И она – вперёд!» – он, несмотря на обледенелый слой земли, побежал обратно, надеясь на скорейшее воссоединение с друзьями.

Камни мелькали со всех сторон, и только наверху виднелся луч света, рассекающий эту тьму. В его свете бежал обратно Тео, ругая себя за то, что как всегда начал действовать, ничего не обдумав. В любом случае он выберется отсюда. Пусть не скоро, но он выйдет из расщелины, если конечно голод его не настигнет в этом длинном каменном коридоре.

А Эвион, Хет и Гави между тем шли напрямиком к узкому проходу. Стены постепенно смыкались всё ближе и ближе, и идти приходилось по одному, а иногда даже просачиваться боком. Выбрав наиболее широкое пространство из всех пройденных, компания разложила спальные мешки и приготовилась к ночёвке без ужина.

– Эй, люди, если так и дальше пойдёт, то мы не сможем пролезть. – предупредил Гави, кутаясь в плед.

– Тогда вернёмся обратно или поищем в расщелине проходы пошире. – ответил ему Эвион. – Как думаете, что с Тео?

– То же, что и с нами – собирается спать. Спокойной ночи. – решил прекратить разговор Хет и это ему удалось. Отчасти из-за того, что с ним спорить Гави и Эвиону хотелось меньше всего, отчасти из-за того, что сами парни очень устали и никак не могли найти предложения закончить разговор – просто замолчать после произошедшего казалось страшным преступлением, потому что тишина успела оставить свой отпечаток на юношах.

Сумерки давно сдуло с небосклона, их место заняла ночь. Тёмное небо в зловещих облаках нависало над горами словно их продолжение. Ветер гудел в отдалении, где-то капала вода. Умиротворённо здесь не выглядело абсолютно ничего. Пустое пространство в темноте становилось ещё более прискорбным и унылым.

Гави проснулся от холодных прикосновений, расплзающихся по его лицу. Первое время он лежал с закрытыми глазами, думая, кто на него льёт ледяную воду, потом со стоном негодования повернулся на бок, но вода и тут не отстала, капая на висок, прикрытый золотыми кудрями. Гави открыл глаза и к своему ужасу обнаружил, что спал прямо под несколькими заострёнными сосульками, некоторые из которых за время его сна заметно подтаяли. Парень спешно отполз в сторонку, подтягивая к себе пледы, но тут разглядел четвёртого члена их группы: Тео тихонько посапывал в спальном мешке поблизости.

«Ну дела...» – подумал Гави. – «И когда он успел вернуться?»

Гави встал, тихо прошёл мимо спящих, вглядываясь в темнеющие углы пещеры. Холодные, замёрзшие, они походили на отшлифованные стены древнего храма или склепа. Вековые породы стекались в причудливые орнаменты, сплетения камня и льда создавали удивительные

формы. Юноша провёл по ним пальцами и, не отрывая руки, пошёл вперёд, будто слепой. Пальцы приятно скользили по гладкой, подмороженной стене.

– Ты чего? – прошептал Эвион достаточно громко, чтобы на это отреагировал Гави, и слишком тихо, чтобы проснулись остальные.

– Спать неохота. Ты на небо глянь!

Эвион перевернулся на спину, уставившись вверх.

– Не слишком-то его видно. – с досадой и каплей непонимания ответил он.

– В этом и дело! – еле сдержался блондин, чтоб не вскрикнуть от восторга. – Небо от нас скрыто, но оно есть! Оно олицетворяет свободу и нам до неё надо дойти!

Эви не слишком хорошо понял сказанное и, кивнув, вновь закрыл глаза. Вместо него разговор продолжил проснувшийся Тео.

– Надо будет, и туда дойдём.

– А ты почему вернулся? – с лукавой ухмылкой поинтересовался у него Гави.

– Лавина завалила выход из расщелины, а руки у меня и без того окоченели – копать не мог. Потому вернулся.

– А зачем уходил?

– Понимаешь... – задумался Тео, – Там остались все мои друзья...

– Нет, не все. Трое друзей всё ещё с тобой. – Гави подбадривающе улыбнулся мальчику.

– Да, то есть я имею в виду давних друзей. – нервно сглотнул Тео. – Я не хотел их оставлять, но когда сошла лавина, мне вдруг показалось, что моя смерть им уже не поможет, а тут я хоть что-нибудь да смогу сделать полезное. Да, кстати... – Тео порылся в кармане и извлёк старенький серый мобильный телефон. Покопавшись в нём некоторое время, он протянул телефон Гави. – Это мы в детдоме фотографировались, у нас был Новый Год что-ли...

– Хорошая компания! – улыбнулся Гави, глядя на экран. – А этот, в красной шапке...

– Да, это я. – с усмешкой ответил Тео, принимая телефон из рук Гави. Взгляд подростка остановился на нескольких ребятах на фото и глаза его заискрились. – Ну почему я остался... Это я должен там лежать под снегом!

– Никто ничего никому не должен. – возмутился Гави. – Я значит, обязан трупом становиться?

– Ты – нет...

– Тогда почему ты – да?

– Я один из них.

– Это не даёт тебе права желать такой же судьбы, как и у них. Все разные, у всех свои пути. И вообще знаешь, они живы в твоём сердце, разве этого мало? Что ты можешь для них теперь сделать? Только помнить. Сохрани лучше добрую память о них, не забывай связанных с ними счастливых минут. Но не живи прошлым хотя бы потому, что ты сам жив и впереди уже намечается много неожиданного.

Тео лишь сдавленно проскулил, потом встал и, глядя в телефон, обошёл вокруг друзей. Внезапно поскользнувшись на подмороженной земле, он еле удержался на ногах. Зато мобильный с треском разбился о камни.

– Нет! Только не это! Как же я теперь... – Тео сделал пару попыток собрать телефон, но его осенила идея. – А, не важно... Будет новый телефон, новые фотки... – и хоть смириться с мыслью о потере призраков прошлого, некогда смотревших на него с экрана, было нелегко, он, спустя время, заснул со спокойным сердцем, предвкушавшим дальнейшие события, которые сулили заполнение пустот души.

Через время Гави присоединился к нему, развалившись под кусочком светлеющего неба. А ветер снова пролетел мимо них, немного потрепав влажные волосы друзей. Ему легко было бежать по закоулкам гор. Так же легко он поднимался вверх, прощаясь с тем, что осталось внизу. Ветер вновь разогнал, прыжком миновал каменную стену, поднимаясь всё выше и

выше. Под ним остались четыре светлые точки на тёмном камне, удаляющиеся вдаль, в то время как ветер летел сперва в небо но, выскользнув из расщелины, резко понёсся горизонтально земле...

Собрав остатки провизии, Эвион, Хет, Тео и Гави снова отправились в путь. За ночь выспаться удалось только Хету, остальные же поминутно зевали, а Тео часто спотыкался.

Просторная, богато украшенная изысканной мебелью зала купалась в лучах тёплого утреннего солнца. Его свет играл на коричневом лаковом пианино, на стеклянных столах, располагавшихся в центре, и в углах комнаты, и на листьях цветов, стоявших по всей комнате в тяжёлых каменных горшках. Позолоченные фигурки со стразами, примостившиеся рядом с цветами, переливались на свету, отбрасывая радужные тени. На диване с полосатой бело-золотой обивкой с семейным гербом расположился граф Спеода в своём чёрном смокинге, закинув ногу на ногу. Напротив него на двух идентичного цвета креслах сидели Валеит и Тито. Точнее сидел только Валеит. Брат его нарочно развязно развалился на кресле, пользуясь моментом и наблюдая за натянутой снисходительной улыбкой дяди.

– Никак не возьму в толк, дядя... – лениво, но от этого не менее элегантно махнул в сторону рукой Тито. – С вашими-то возможностями просить об этом нас... По-моему странно.

– По-твоему всегда странно. – перебил его Валеит. – Хотя это и правда непонятно. Обращаться за помощью, тем более к нам... – Валеит уставился своими постепенно светлеющими глазами на графа Спеода. – Зачем же вам это нужно?

Белиан некоторое время не моргая смотрел в глаза племяннику, потом саркастически усмехнулся:

– Валеит, твой гипноз на меня не действует, придумай другой способ.

– Какой, подскажи! – удручённо улыбнувшись, спросил Валеит.

– Хотя бы мысли научись читать. Очень полезно, особенно в отношении со мной. – мягко ответил граф Спеода.

– Валеиту на это и жизни не хватит! – усмехнулся Тито. – Да вы ж на вопрос не ответили.

– Ладно, раз настаиваете. – пожал плечами Белиан, а слушатели незаметно подались вперёд, внимая каждому слову, хотя оба ни за что бы в этом не признались. – Это единственный способ избавиться от вас двоих.

После секундной тишины по зале пронёсся хохот братьев, к которому потом подключился и графский. Тито и Валеит всегда ценили чувство юмора своего любимого дядюшки, даже если под шуткой тот умело прятал истинные намерения. Но одно они знали точно: если на вопрос дядя отшутился, то правды от него не дожидаться. Белиан Спеода придумает столько правдивых и не очень аргументов, что запутаешься, действительно ли он это имеет в виду или нет?

Глава десятая

Ещё один день

Протопав ещё километров 10, компания окончательно узнала друг друга: Гави учится на алхимика, вылетел в Бефи с целью отдохнуть от городской суеты. Сдав последние экзамены в университете, он наконец купил себе билет на самолёт. На шее он носит флакон с взрывоопасной жидкостью – собственным изобретением, которое он едва успел запатентовать, пока ещё кому-то из однокурсников не пришло в голову подмешать в раствор нитроглицерина то, что первое попало под руку.

Хет искал новую работу. Бухгалтерия довела его до депрессии, зато переехав в охотничью сторожку, от которой, верно, теперь остались лишь щепки да воспоминания, он мог в любое время кататься на сноуборде или лыжах. Такая работа его вполне устраивала, а желающих научиться спуску с горы всего за 100 синаплас было хоть отбавляй.

– Как думаете, сколько нам ещё идти? – от холодных стен металлическим шёпотом отразился голос Гави.

– День-два. – ответил Хет, чей голос искажился не меньше.

– Жуть... – Гави потёр переносицу. – Я скоро с ног свалюсь. Эви, ты как?

– Я? – парень сперва не понял, что обращаются к нему. – Всё вроде в порядке.

– Я имею в виду, как ты без руки выдерживаешь?

– Потихоньку привык.

– И ты привыкнешь, если жизнь заставит. – Хет обогнал на позволяющей идти вдвоём дороге Гави.

– Нет, спасибо! Мне все конечности нужны. – глянул из-под лба на наглого длинноволосого Гави. – Кстати, Эви! Хорошая новость!

– Какая же? – заинтересованно повернулся парень.

– Как только выберемся и найдём необходимые материалы – я тебе новую руку создам. Мы как раз это на первом курсе проходили. – расплылся в мечтательной улыбке Гави.

– А сейчас ты на каком курсе? – с сомнением спросил Хет, обломав кайф алхимику.

– На втором... – с досадой ответил тот. – Но даже на втором я могу...

– Я согласен, Гави. – встрял Эви и поблагодарил парня за будущее, в котором эти двое уже не сомневались.

Мысль о возвращении руки так обрадовала Эвиона, что он забыл обо всём: и о том, в какой дыре они находятся, и об охоте на него графа Спеода, и о талисмানে, о котором пора бы вспомнить хотя бы потому, что он греет. Однако вспоминать не хотелось. Среди сырости и холода Эви вдруг почувствовал проступающее изнутри тепло. Оно зарождалось где-то в груди, дышать стало легче, лёгкие уже не сковывал лёд, а за спиной словно раскрывались огромные огненные крылья, которыми он готов был согреть каждого, но прежде – трёх друзей.

Началась гроза. Сверху послышались раскаты грома. Пара капель упали в расщелину, а следом и весь поток.

– Похоже, мы уже за пределами Квира... – надевая капюшон синей куртки с редкими красными полосками, сказал Тео.

– С чего ты взял? – Гави потрянул пышной шевелюрой подобно мокрому псу и капли полетели в разные стороны.

– Потому что идёт дождь, а не снег.

– Логично.

Где-то сверху снова пророкотал гром. Эхо долго отдавалось в ущельях. Компания тем временем снова ползла на карачках в очередном узком проходе. Будь кто из них слишком

крупным, тут же застрял бы, закупорив собой скальную дыру, но все четверо были в хорошей форме для таких неожиданностей, а кое-кто и вообще имел сверх этих возможностей.

Просачиваясь сквозь выбоину, Хет потянул носом воздух – влажность усилилась, а напрягая слух, он различил удары капель по водной поверхности: впереди подземное озеро.

Стоило им проползти ещё немного и друзья очутились у прохода в широкое ущелье, со всех сторон украшенное льдом. Сверху над путниками нависло серое небо, отражавшееся в огромном озере. Сквозь мрачные грязные тучи проникал белый свет.

Эвион, Гави, Хет и Тео пошли вдоль кромки воды. Тео наклонился и опустил в неё руку. Ледяная вода заставила его выдернуть её и спрятать в карман. Мороз ещё долго не сходил с кожи, накрыв её своей студёной оболочкой.

Первая мысль, проскочившая в умах друзей, звучала так: дальше что, вплавь? Но в ущелье было значительно светлее, чем в предыдущем бесконечном коридоре, так что всей четвёрке бросился в глаза каменный мост, перекинутый от их стороны через озеро к островку. Мостик не имел перил, был тёмным и толстым. Здесь наверняка раньше располагалось поселение. Возможно, именно тут спасались остатки разгромленного войска Лемуара Квирского, предводителя горного населения гномов, который позже и нанёс свой последний удар по Эсии, спустившись с горы. А если это и правда так, то тут должен быть выход либо под гору, либо на её верхушку. Друзья присмотрелись: островок чуть ли не вплотную прилегал к каменной стене, уходящей вверх, на которой имелось подобие лестницы: в стене было выдолблено нечто вроде ступенек. У Хета и Гави в памяти тут же всплыли воспоминания о занятиях скалолазанием в спортклубах. Только там стены для занятий имели куда больше креплений и зацепок. К тому же была страховка в виде пояса, соединённого с ремнями между ног. Тут же придётся висеть над озером и лезть в странном направлении – вверх и влево, за поворот.

Отойдя чуть в сторону, Эви попытался увидеть, что кроется за складкой скалы, утопленной в воде, но так и не смог ничего разглядеть. Осталось довериться древним постройкам и лезть наверх.

Они направились к мосту. Тео, завершающий шествие, чуть было не съехал в озеро со скользкого моста, однако вовремя спланировал на каменный пол и дальше передвигался со скоростью улитки, рассчитывая каждый шаг. На островке же парень почувствовал себя гораздо увереннее. Хет первым ухватился за одну из верхних ступенек, подтянулся и полез вверх и в сторону.

– Давай следом! – скомандовал Гави скромно стоявшему у моста Эви. – Хет и я тебя подстрахуем.

Калека был очень тронут такой услугой и, чтоб не стать обузой, как мог вцепился единственной рукой за выступ и, перемещая ноги с одной каменной ступени на другую, полез за Хетом, который кинул на Гави взгляд, полный оскорбления – как его не спросили, хочет он нянчиться с одноруким или нет?!

Дождь тем временем всё лил, омывая вековые горы, казавшиеся друзьям уже не такими большими. Скорее всего под озером было ещё много этажей с каменными галереями и подобной лестницей, а они на самом последнем. Вот и небо близко...

Хет уже скрылся за поворотом, когда Эвион осознал, что ноги его неустойчиво стоят на ступенях. Влажные камни угрожающе продлевали движения, и сапоги Эвиона проскальзывали в сторону, а рука еле успевала тормозить, ухватившись за выпирающие булыжники. А вот и поворот...

Эвион обхватил рукой последний камень, торчащий из стены, нащупал следующую часть опоры на другой стороне поворота, перелез на эту часть и облегчённо вздохнул: одной ногой он уже стоял на широкой платформе, идущей от стены, а впереди – округлый тоннель и свет. Свет зелёного леса.

Глава одиннадцатая

Не на того напали

Эвион спрыгнул с каменного порожка и пошёл за Хетом к выходу, на ходу обернувшись. Гави успешно слез с «карниза», Тео показался из-за поворота и тоже спрыгнул на платформу.

Лёгкий свежий ветерок вырвался к ним навстречу, взлохматив и без того спутанные и взъерошенные волосы друзей. Эвион, вспомнив про «любимую», нашёл ей применение в виде резинки для раскиданных по плечам волос, Хету же ничего не оставалось, кроме как откидывать непослушные чёрные кудри назад. Зато Гави и Тео в этом вопросе повезло и причёски им вовсе не мешали.

Они вышли из полумрака расщелины прямо в Мезонский лес. Долгожданное тепло, на отголоски которого компания напала ещё в расщелине, наконец встретило их в полной мере. При малейшем дуновении ветра с обширных сочных зелёных крон летели капли прошедшего дождя. Свежий, наполненный разнородными запахами леса воздух радовал замёрзшие лёгкие.

– Куда теперь? – прервал шествие по траве Тео.

– Вперёд и только вперёд! – Эви распахнул промокшее пальто. – Кто в географии разбирается? Сколько до ближайшего города?

– Впереди есть деревня Леки. До неё день идти, если без остановок. – Хет последовал его примеру и расстегнул куртку.

– Может, пообедаем? Пора б уже... – подал голос Гави, до этого любовавшийся красотами леса.

– Выйдем на поляну – поедем. – ответил ему черноволосый, обгоняя компанию и задавая новый, быстрый темп.

– А почему бы не поесть на ходу?! – возмутился отогревшийся Гави и пошёл на обгон Хета. Тот позволил себя перегнать, но так и не ответил.

– Эй, алё!!! Я с деревом говорю? – Гави развернулся на 180 градусов и замахал перед носом Хета рукой, проверяя, в состоянии ли тот реагировать на происходящее. Хет с видом короля, чей чай неожиданно остыл и ему не подлили кипятка, уставился на Гави во все серые глаза.

– Кыш. – прошипел он и грубо отодвинул блондина.

– Ну и иди, а я есть буду! – Гави плюхнулся прямо посреди их «пути», перегородив дорогу Эвиону и Тео.

– Я тоже не прочь подкрепиться. К тому же, Хет, мы не знаем, кто водится в этом лесу, надо быть... в хорошей форме! – присел рядом с Гави Эвион. Тео, с ужасом осмыслив фразу «не знаем, кто водится», тоже решил остаться на перерыв.

Хет резко развернулся, швырнул увесистый рюкзак рядом с блондином и с негодованием выпалив «Прекрасно!» сел «за стол».

– Приятного аппетита. – как бы невзначай добавил Гави Хету. Черноволосый, к удивлению алхимика, ответил «вам всем... тоже приятного».

Подул ветер, быстро поплыли кучевые облака, закружились зелёные листья, несправедливо сорванные ещё зелёными, и понеслись над лесом в воздушном потоке.

Эвион, Гави, Тео и Хет снова топали по лесу, на этот раз сытые и в другом порядке – первым шествовал Эви, за ним перешучивались по поводу хищников здешних мест Гави и Тео (т. е. шутил Гави, а Тео прикидывал вероятность встречи с ними и поминал всех известных ему богов, моля о помощи). Последним угрюмо плёлся Хет, напоминающий потрёпанного волка, свергнутого с места альфы.

Впереди протекал ручеёк. Тихое, успокаивающее журчание и прохладная, чистая вода сморили уставших путников, и компания остановилась тут на ночь. От нечего делать Тео перепрыгивал через ручей, а Гави помогал Эвиону разжечь костёр. Хет ушёл за дровами – по крайней мере так ответил на вопросительный взгляд алхимика.

Первые звёзды проглядывали сквозь мелкие листья берёзовой рощи, солнце мелькало за деревьями на уровне горизонта. Аромат опавших, сгнивших листьев, лесной свежести и травы постепенно клонил ко сну.

Как настала ночь никто не понял – в этот момент все четверо давно уже видели сон эдак двадцатый. А темнота просто стала дополнением к умиротворяющей атмосфере. Изредка кое-где ухал филин, пробежал молодой кабан, за которым уже взяла след лисица. Луны и звёзды освещали ей дорогу, и вскоре рыжая охотница настигнет добычу и насладится ею в эту дивную ночь.

Утробные прерывистые стоны задыхающегося зверя разбудили бдительного Хета. Неподдалёку от их пристанища в кустах была неистовая возня. Хет быстро оглянул спящих – все ли на месте. Страдавшее существо с громким хрипом втянуло воздух, и шорохи прекратились. От хрипа проснулись Гави и Эвион. Хет прижал палец к губам, подавая им немой сигнал, и достал из кармана пистолет. Тихо ступая по сухому слою листьев, он подошёл к кустам. Из-за обширной листвы донёсся хруст. Сперва тихий, будто неуверенный, потом частый и прерывистый. В свете лун трое рассмотрели источник шума: за их укрытием сидела неестественно огромная коренастая лисица с длинной грязной шерстью, покрывавшей исхудалое костлявое тело. У её ног лежал мёртвый кабан, чьим мясом она жадно утоляла голод, периодически похрустывая костями.

Хет прошептал Эвиону:

– Уходим отсюда.

Эвион и Гави кивнули и стали отдаляться от оборотня. А на небе из пяти лун сияло два полных диска...

– Вы чего там делаете?! – от крика Тео все трое замерли, а хруст прекратился. Лиса оторвалась от добычи и потянула большим чёрным носом воздух, затем встала и, пошатываясь на своих четырёх, пошла прямо на кусты. Её размер превышал размеры растения, и она упрямо пролезла через него, вытянув шею вверх. Нижняя челюсть то примыкала к верхней, то безжизненно повисала, словно рыжая нехотя пережёвывала кровавый ночной ужин.

Тео отличил отделившуюся от куста громадину, медленно плетущуюся на мешающих её трапезе козявок. Точнее – на него. Тёмно-жёлтые глаза пристально смотрели на мальчика.

Все мысли в голове Тео перепутались. Он судорожно сунул руку в карман куртки, выдернул и раскрыл нож.

Тело лисы напряглось – она готовилась к прыжку, пригнулась к земле... Хет, не теряя ни секунды, сделал предупредительный выстрел в воздух, но оборотень не отреагировал. Лиса зарычала, оскалив острые клыки, и кинулась на Тео. Последовало три выстрела, но зверь даже не обратил внимания на пули, рассекающие шерсть и кожу. Тогда Хет прицелился в голову и прострелил оборотню ухо. Лис на полпути развернулся и ударом гигантской лапы сбил парня с ног. Пока Гави выскивал в складках куртки нож, а Хет рыскал по земле в поисках пистолета, всячески избегая переключившейся на него лисы, Эвион уговаривал талисман атаковать. Но тот даже не изменил формы.

Лиса, хрипло зарывав, клацнула зубами у самой головы Хета. Он тут же отскочил за дерево, продолжая вглядываться в темноту. Пистолет как в воду канул, а оборотень, между тем, пробуя ночной воздух, уже медленно подходил к парню. Из-за дерева, к которому прижался Хет, планировавший орудовать палкой, показалась морда хищника. Рыжая, облезлая, красная от крови своей и чужой.

– А ну отвяжись от него! – раздался отчаянный крик Тео, и оборотень подпрыгнул, заскулил и в смятении уставился на окровавленную лапу, в которую только что всадили нож.

Глаза зверя расширились ещё больше. Два жёлтых блюдца безумно уставились на Тео. Утробно рыча, лис поковылял к обидчику. На мгновение он замер, вновь прижался к земле и...

...сразу несколько ледяных острия вонзилось в шею Тео. Сперва стало тяжело дышать, через секунду горячий поток боли сменился ледяными струями крови. Тео вмиг перестал чувствовать, только видел перед собой два огненных глаза и сморщенный нос оборотня. Мальчик услышал хруст, от которого у него закружилась голова. Он беспомощно колотил лису рукой по огромной морде. Челюсти лисы сомкнулись, рука Тео опустилась, глаза закатились, и тело расслабленно подчинилось хищнику. До улетающего сознания доносились отдалённые, будто за набитой пухом стеной, выстрелы. Стальной зажим на шее раскрылся. Тео упал на колени, резко вдохнул воздух, но он так и не дошёл до лёгких...

...ещё несколько выстрелов...

Мальчик распахнул глаза, желая увидеть, что происходит. Перед ним предстал красный лес, красное небо, красный оборотень. Тео как обезумевший вертел глазами, перед которыми всё являлось в алом цвете, потом ещё раз бездумно попытался вдохнуть. Шея его, словно почти отрезанная, запрокинулась назад, он увидел красные, смеющиеся над его беспомощностью звёзды... и его бездыханное тело упало на мягкую землю.

Глава двенадцатая

Сладких снов

Тео бродил по своим мыслям, лёжа на холодной земле. «Что теперь? Что это за место? Я останусь навеки в темноте? Это ж надо... Целился бы в глаз, выжил бы... Нет, жалко лису... Плохо... Почему я тогда проснулся? Теперь умер я, умрёт оборотень... Или Хет, Гави и Эвион... Эви так и не освободится от проклятия... Талисман... Эвион будет жить, он жив. «Любимая» защитит. А воздуха-то... нету...» – Тео сглотнул, почувствовал привкус крови. – «Как? Вкус? Тут есть вкус крови? Ах да... Моя кровь... Я мёртвый! Труп. Лежу тут, на земле, как мои друзья. Я должен был быть под белым снегом, а не под...» – он втянул воздух. – «А не под кустом мяты... Запах? У меня, вроде, нет теперь горла, я не чувствую. Но я чувствую! Это мята!» – он ещё раз вдохнул воздух, выдохнул, замер. Собравшись с последними силами, Тео открыл рот и с хрипом втянул как можно больше кислорода. Тут же кипятком пролился на его измученные внутренности. По венам текли острые жгучие реки, сердце пульсировало как никогда громко, голова раскалывалась, кости ныли. Он всё вдыхал воздух. При выдохах боль затихала, но Тео снова принимался жадно ловить то, чего ему так не хватало. Было больно, он ощущал, как бьётся в конвульсиях на земле, то и дело накалываясь лицом и руками на ветки куста. Огонь дошёл до сердца. Огромная головешка загорелась вместо него, тело «вспыхнуло» несколько раз и мгновенно остыло. Мальчик остался лежать с раскрытыми, но ничего не видящими глазами на земле, по инерции хватая воздух.

– Живой... – в страхе с примесью удивления прошептал Гави, склонившись над Тео. Лежащий устался на блондина, медленно наклоняя набок голову. По лицам трёх друзей пробежал ужас – почти разорванная шея со всеми неровно перекушенными трубочками и сосудами, раздробленными костями предстала перед ними лучше, чем в учебниках анатомии. Брови полутрупа приподнялись вверх. Он открыл было рот, но из изувеченной гортани вышел лишь сдавленный хрип.

– Боги... – так же тихо, как и Гави, прошелестел Хет, указав на шею, часть которой уже не казалась такой безнадежно расшитой: кожа стягивалась, восстанавливались внутренние органы, и мальчик приходил в себя.

Тео заморгал от яркого света сверху. Как прозревший слепой, он вглядывался в непривычный утренний свет после бесконечной ночи. Над ним проступали мелкие листочки, ветки, нависали три фигуры. Чётче становилось изображение, вспоминались лица. Тео сузил веки, закрыл на мгновение глаза. Всё тело, прибывавшее в состоянии кубика льда, оттаивало. Он оттолкнулся руками и спиной от холодной, мокрой от росы земли и сел.

– С возвращением... – медленно проговорил Эвион, поддерживая мальчика под спину.

Тео посмотрел на него, рта не раскрыл, потом медленно обвёл всех троих взглядом, дотронулся дрожащей рукой до шеи, снял чей-то платок, которым его друзья пытались задержать кровь, – не осталось ни единого пореза, даже ранки от клыков, не то чтобы огромных дырявых проколов. Вдыхая полной грудью, Тео сглотнул, открыл рот и произнёс:

– С... сколь – ко в – врем – ени?

Ни один из сидевших вокруг не шелохнулся – этого вопроса друзья точно не ожидали. Вероятнее всего было бы, если бы Тео спросил «Где я», «Что произошло» или «Это Рай»? Но он спросил про время.

– Полшестого. – обрёл дар речи Гави, который счёл несколько странным говорить с живым мертвецом. Этого на курсах им не преподавали, хотя предупреждали, что иногда алхимикам удаётся вызвать души умерших.

– Спасибо. – Тео, пошатываясь, встал. На синей куртке остались капли крови. Он потёр их рукой. Поняв, что занятие бесполезное, мальчик сделал шаг вперёд.

– Ну вы чего сидите? – удивился он.

– Ты хоть понял, что с тобой было? – Гави смотрел на Тео как на сумасшедшего.

– Меня загрызла лиса, а что? – Тео осекся, пребывая в некотором трансе. – А где она? Где лиса?! Я думал, она вас убила!

– Успокойся, сбежала она. – кивнул в чашу Хет.

– Ты тогда на неё неистово накинулся... всё лицо ей исцарапал, она так взвилась! Еле оторвали. – добавил Гави. – Так до тебя не дошло? Ты – оборотень теперь.

– Да только из-за этого я и жив! Так я и не догадался, думаешь?! – сорвался Тео и тут до него дошёл смысл сказанного. – Ох, чёрт... Это же кошмар...

Он осел на землю, обхватив голову руками. Что теперь? Он будет оборотнем? Каждое полнолуние преобразаться в животное, бродить по лесу, выть на луны? На все пять лун! Две первые луны становятся полными в одно время, три другие через несколько дней. Два перевоплощения за месяц. Итого недосып, дикая жизнь, изоляция от общества... У него никогда не будет семьи. Кому нужен оборотень-неврастеник?

– Ой, да ладно тебе! – сел рядом Гави. – Зато сколько возможностей!

– Это тебе «да ладно»? Как я жить буду?! В лесу?! В шалаше до ближайшего полнолуния! – Тео резко встал и пошёл прочь.

– Тео, правда, в этом ничего такого нет. – шёл за ним Эви. – Я же без руки живу как-то. У меня лишение, у тебя – приобретение.

– Ты не понимаешь! Теперь я для вас опасен!

– Можем прерывать цикл превращений таблетками... – вспомнил Гави.

– Всю жизнь как наркоман будет... – встрял в разговор Хет. – Просто смирись. Что в этом плохого? Один минус – не выплывешь. И только.

– А ну умолкни! – Тео врезал кулаком по дереву и пробил ствол. – Видите?! И что дальше будет?!

– А ничего! – улыбнулся Гави, – Человек так силен только в первые часы после укуса оборотнем. Потом сила частично уйдёт и полностью будет пробуждаться лишь в образе зверя. Кстати... Ты теперь лиса?

– Видимо, да. А лиса – хорошее животное...

Одинокое солнце медленно плыло по небу, пуская лучи в листья выискивать новинку и докладывать ему. Горы сзади почти скрылись за деревьями. Стройные берёзы перемешались с дубами, клёнами, осинами... Сочные цвета радовали глаза, утомлённые серым камнем Мезонского хребта, мелодичное пение птиц вовлекало в забвение, свежий тёплый ветер успокаивал обветренные лица.

– Вот приду в город, сразу же куплю таблетки против перевоплощения. – твердил Тео.

– А может, тебе понравится быть лисой. – предположил Гави. – Этому сумасшедшему оборотню же нравится.

– Во-первых: он именно сумасшедший, во-вторых: я – человек! Был им...

– Первый оборотень тоже был человеком. – припомнил рассказ Офэна Эви.

– С чего ты взял? – Хет откинул назад непослушную прядь.

– Друг легенду рассказывал. Как-то раз гуляла прекрасная девушка по лесу, повстречала молодого лесника. Они влюбились... Но её родители запретили с ним встречаться – девушка из богатой семьи была, а он – бедняк. Она слишком любила родителей, чтобы им перечить, пошла к леснику рассказать, что им пора расстаться. Он сказал, что девушка будет или его, или не достанется никому и предложил уйти от родителей. Девушка испугалась и побежала в лес, лесник за ней. Она добежала до ручья, совсем выбившись из сил. На другом берегу сидела волчица. «От кого ты бежишь, дитя моё?» – спросила волчица, и девушка поведала ей свою

историю. Тогда волчица перепрыгнула ручей и при прыжке задела щеку девушки когтем, потом села и завывала. По её призыву наступила ночь и вышли две полные луны. На глазах пришедшего лесника девушка превратилась в волка, и он в ужасе убежал. На утро она вернулась к себе домой в истинном обличье. С тех пор в той деревне лесник больше не появлялся. Конец!

– Обязательно дай номер своего друга, есть о чём поговорить! – оживился Гави. Эвион кивнул ему. – Хотя оборотни и до этого, по-моему, существовали. Но легенда привносит в обряд романтизм!

– Ага, супер. – угрюмо ответил Тео. – Романтично убежать из дома по ночам, носиться по лесу... А если преобразишься дома – приберёшь кого-нибудь из семьи! Жить в вечном страхе и опасности я не хочу! Не хочу подвергать опасности родных!

– Таблетки... – пропел Гави.

– А потом в психушку от передозировки... – продолжил Хет.

– Вовсе нет! Таблетки безвредны!

– Посмотрим.

– Да что за жизнь?! – взбесился Тео, взвесив все «за» и «против». – Ни семьи, ни дома, ни спокойствия! – он с силой врезал кулаком по первому попавшемуся стволу, но тот не пробился, как в прошлый раз. Тео завыл от боли.

– Ну вот, организм уже приспособился и силы утихли, радуйся. – положил ему руку на плечо Гави.

– Меня это ой как радует... – прошипел ему мальчик, потирая ушибленный кулак.

Зашелестели кроны деревьев, несколько узких листиков закружилось в потоке ветра и улетело прочь сквозь коричневые ветви. Вокал птиц и шёпот листьев сливались в длинную, наполненную красками песню. Голоса то обрывались, уступая ещё не окрепшим соло, то вступали вновь, сплетаясь с другими или выбиваясь из общего строя свежей фиоритурой. Между строк этой оперы четверо друзей начинали различать новую волну. То не было песней леса, то была музыка деревни.

Глава тринадцатая

Цивилизация

Компания, прислушиваясь, ускорила темп. Из листвы невдалеке выступали низкие деревянные домики, слышался плеск воды. Друзья ещё не дошли до деревни, а земля под ногами уже сменилась каменной дорогой. Расчищенная от деревьев местность впереди была украшена низким фонтаном с тихо журчащей водой. Дальше по краям дороги были построены деревянные, плотно стоящие друг к другу, домики, некоторые с вывесками. Гави, Эви, Хет и Тео вошли в умиротворённую, пустую на первый взгляд деревню. Жителей ещё не было видно, хотя в домах из прикрытых окон слышался звон посуды и голоса. Из дальнего домика вышел мужчина, наспех завязывая в кривой хвостик русые волосы. Он пересёк улицу и стал отпирать дверь дома с вывеской «Ветклиника» как раз напротив своего дома. Гави отметил, что такое расположение работы и жилья весьма удобно. Мужчина отпер дверь, поменял на двери табличку «Мы закрыты» на «Мы открыты» и скрылся внутри, даже не заметив пришельцев у фонтана. Эвион спешно пошёл к ветеринарной клинике и постучал.

– Чем могу быть полезен? – дверь сразу же открылась. Приятно улыбающийся мужчина с хвостиком на затылке был удивлён, увидев новое лицо в своей деревне. – Здравствуйте... Вы тут... недавно?

– Да, несколько минут. Моему другу нужна помощь, не могли бы вы... – Эви указал на Тео.

– А... Конечно-конечно! – ветеринар помахал троим у фонтана рукой, приглашая войти.

Приёмная, скрывающаяся за дверью со стеклянным окном, была белой, чистой и прохладной. В нос Эвиону ударил запах свежести вперемешку с дезинфицирующим средством, цветочным ароматом, спиртом и бумагой. В комнате было две двери – входная и дверь в кабинет, окна плотно закрыты, на стеллажах до потолка теснились лекарства и склянки с цветной жидкостью. Было светло и чисто – от этого все четверо сильно отвыкли, поэтому топтались в дверях, побаиваясь испачкать белый пол лечебницы.

– Вы проходите, нечего там стоять. Сюда, пожалуйста. – приветливый доктор указал Тео на кушетку у стены. – Акион Аделист, рад знакомству! – ветеринар оглядел заляпанную кровью одежду Тео. – Подрался ночью?

– Да вроде того... На меня напал оборотень. – Тео прилип к стеллажам. – У вас есть лекарство от перевоплощения в полнолуния?

– Укусил-таки? – оптимистичный доктор сразу потух. – Лекарство есть, сейчас, где же оно...

Под дверью в кабинет вдруг вспыхнул белый свет и дверь резко распахнулась. Нервный Акион Аделист от неожиданности в мгновение ока растворился в окружившей его коричневой дымке, и через секунду на полу у стеллажа сидел весь ошетинившийся мангуст. Увидев причину шума во всей своей красе, доктор принял свой обычный облик и, поправляя халат, оглядел прибывшую девушку со светящимся миловидностью личиком в форме сердечка. Длинные чёрные кудри красавицы ниспадали из-под нежно-голубого ободка под цвет лёгкого развевающегося платья на стройном теле, большие тёмные смеющиеся глазки любопытно разглядывали пришельцев, преимущественно Хета.

– Здравствуй! – тут же оживился Гави. Девушка отвлеклась от Хета и глянула на блондина.

– Утро доброе! – прозвенел её весёлый лёгкий и приятный голосок.

– Лагора, наконец-то! – рассеяно улыбнулся своей помощнице доктор Аделист. – Где противополопоплощенческие таблетки?

– Как всегда... – девушка подплыла к стеллажу и сняла с полки прямо перед Акионом прозрачную баночку с жёлтыми таблетками в глазури. – Вот! – она победно вручила её доктору.

– Спасибо. Это вам! – Акион Аделист попытался вспомнить имя парня, интересовавшегося таблетками.

– Просто Тео! – отреагировал на взгляд тот и потянулся за баночкой. – Сколько с меня?

– Это за счёт клиники. Ах да! Не больше одной таблетки во время полнолуния. – доктор краем глаза увидел, что Лагора, со словами «как душно», открыла окно, и кинулся его закрывать. – Что ты! Простудимся!

– Параноик. – засмеялась Лагора, уступая окно взбурдаженному Аделисту.

Гави и Тео переглянулись и снова посмотрели на девушку, которая, почувствовав на себе их взгляды, улыбнулась парням.

– Вы здесь недавно? – поинтересовалась она. – Решили посетить Леки? – её свежий голосок заморозил Гави.

– Мы искали населённый пункт. В Квире сошла лавина и мы не успели эвакуироваться, поэтому прошли сквозь хребет в лес. Там нас и потрепал оборотень. Потом нашли вашу деревню. Это был светоч в темноте!... – вкратце объяснил блондин, покорив последними словами весёлую девушку.

– Акион, мы просто обязаны им помочь! – театрально воскликнула она. На вопросительно поднятые брови врача Лагора решительно кивнула. – Мой отец – мэр этой деревни, а мама владеет гостиницей, так что можете остаться у нас.

– Кстати по статье 35-ой Кодекса Леки, если на путешественников во время полнолуния нападает житель нашей деревни, то вся деревня несёт ответственность за жизнь пострадавшего и обеспечивает его первое время жильём и едой. – добавил Акион и рассмеялся. – Разумеется, в истории нашей деревушки редко бывали такие случаи, за исключением нападения на вампиров. Но то было только в целях самозащиты. Так что располагайтесь.

– Хорошие у вас законы! – обрадовался Гави и, чтоб особенно понравится Лагоре, добавил, – Только можно проживание в гостинице я... отработаю? А то деньги в Бефи остались...

Законы в деревне Леки были такими хорошими не всегда. Только после того, как во время Свободной войны 4013 года деревушка прославилась соседством с полем битвы войск Эсии и Ригены. Леки принадлежала первой стране и в войне также принимала её сторону. Эсия отстаивала права ферра и оборотней на свободу, утверждая, что они – не простые животные, на которых было разрешено охотиться ригенцам, а люди, лишь на время приобретающие другое обличье. Ригена же, будучи вампирской державой, утверждала, что если человек становится зверем, то вампир имеет право начать на него охоту и убить его.

На самом же деле целью вампиров была Яинапсия, страна-заповедник, на территории которой, без вмешательства других народов, жили обычные звери. Но путь к Яинапсии Ригене перекрывала Эсия и море Нарейя. Поэтому, дабы в дальнейшем наслаждаться бескрайними просторами желанной Яинапсии, бесконтрольно пить кровь её жителей, наслаждаться мягкостью их редких мехов, Ригене требовалось избавиться от Эсии. Та, в свою очередь, понимая, что стоит на пути вампирской державы, сразу сдружилась с Афтонией – соседствующей с Яинапсией страной, и описала той достаточно «весёлые» перспективы жизни при получении Ригеной Яинапсии. Огромная Афтония незамедлительно известила Ригену о том, что если та и дальше будет нападать на Эсию, то Афтония переместит свои войска в Эсию и вдвоём они сметут вампиров до их столицы. Ригена внешне утихла, но в лесах близ Леки до сих пор встречаются обескровленные тела оборотней и ферра или же растерзанные останки вампиров – доказательство скрытой борьбы наций.

Получив в подарок от расчувствовавшегося доктора ещё одну баночку таблеток и крема про запас, Тео, Хет, Эвион и Гави пошли за Лагорой, которая решила устроить им обзорную

экскурсию по уже пробудившейся Леки. Деревня в свете тёплых лучей солнца была приветливой и казалась защищённой от всех напастей окружающего её леса. Точнее такая там витала аура. Людей в деревне не было вообще, только оборотни или ферра, как Акион Аделист, по «второму» происхождению являвшийся зверем. Потому, учуяв запах человека, жители заинтересованно, но беззлобно глядели вслед трём друзьям. Тео не представлял для них интереса как существо, разве что как личность. От него теперь исходил аромат животного, лисицы, и в какой-то степени он был этому даже рад. Мысленно сравнивая своё положение и положение Эви, Тео приходил к выводу, что ему сказочно повезло.

Жизнерадостный Гави умудрился заболтать Лагору, Хет сохранял молчаливое спокойствие, хотя изредка пускал на алхимика косые взгляды со скрытым смыслом, понимаемые только им самим (видимо, ревновал). А тем временем их обступали принявшие людской облик звери и наоборот – на широкой улице места хватало, чтобы бок о бок шли и лошадь, и курица, и ребёнок.

Лагора подвела их к невысокому деревянному зданию. Снаружи у огромной двустворчатой дубовой двери стояли четыре колонны, издавдалека казавшиеся мраморными, но на самом деле сделанные из дерева искусным умельцем. Компания взошла по ступенькам в бежевое здание.

Внутри этот дом, а точнее – мэрия, была белоснежного цвета: белый мраморный пол, белые стены, а посередине широкая белая лестница на второй этаж. Светлое помещение, в котором туда-сюда ходили «люди», разбавлялось красными занавесками, красными коврами на лестнице, красными стульями у окон и красными цветами в белых горшках. Всё было чисто и симметрично: с двух сторон от лестницы стояли одинаковые горшки, у противоположных стен смотрели друг на друга стулья, подравнявшись, словно по линейке, двери являли собой точные копии друг друга.

От группы беседовавших в стороне людей отделилась девушка с зеленовато-чёрными волосами и направилась к Лагоре, выравнивая стопку бумаг в руках. Лицом девушка очень напоминала ящерицу: длинные узкие губы, курносый нос, большие внимательные глаза. Одернув свой серый пиджак, в которых ходила большая часть сотрудников, она кивнула Лагоре.

– Здравствуйте, госпожа Лайфелль, чем могу быть полезна? – глубокий полный голос сразу понравился компании, и новенькие принялись заинтересованно рассматривать ящеровидную девушку.

– Папа не занят? – простенько спросила Лагора, вмиг разрядив обстановку официально-сти.

– А... Нет-нет! Прошу. – девушка пошла впереди, хотя Лагора и так прекрасно знала дорогу к кабинету отца: центральная дверь после подъёма по лестнице.

Девушка постучала в дверь. Изнутри донёсся бархатный мужской голос, давший согласие на проникновение в его кабинет. Двери открылись, и ящероподобная удалилась, предварительно кивнув в знак приветствия сидевшему за столом мужчине. Он был улыбчив и на первый взгляд молод, однако пара глубоких морщин на его лице всё же имелась. У приятного мужчины были добрые и ласковые серые глаза, забавная козлиная бородка, нежная улыбка и статный вид. От него исходила уверенность и спокойствие, что располагало к мужчине собеседников. Но первое впечатление, которое он оставлял – счастливый семьянин.

– Лагора! Вот так сюрприз! – привстал он из-за тяжёлого стола, приветствуя дочь. В кабинете мэра вообще всё было массивным, выдержанным в стиле ампир: плотный резной шкаф у стены, весомое дубовое кресло с лаковым покрытием и мягкой красной спинкой в деревянной оправе, грузные, с подхватами, шторы на окнах, на стенах – оружие хозяина кабинета – несколько ружей и три изогнутых кинжала.

Отец девушки совсем не вписывался в этот кабинет: свободная серая рубашка заменяла строгий пиджак, русые волосы не были уложены, как у остальных работников мэрии. Его открытое доброе лицо никак не выдавало в нем мэра и несмотря на должность мужчина не выглядел сильно занятым.

Мэр окутал компанию весёлым взглядом.

– Твои новые друзья, дорогая? Рад знакомству! – он вышел из-за стола и протянул руку Гави, Хету, Тео. Эвиону он чуть было не протянул правую руку, но вовремя переменял её на левую, скрыв смущение за чуть было не совершённую ошибку.

– Моё имя – Латан Лайфелль. Как вы уже поняли я, – он с улыбкой взмахнул руками, – мэр деревни Леки.

– Я – Гави, это – Хет, Тео и Эвион. – первым заговорил блондин, почувствовав родственную душу с господином Лайфелль. Между ними сразу образовалась одна волна.

– Вы тут надолго или проездом заглянули? – поинтересовался Латан Лайфелль.

– Как отдохнём так и уедем. – ответил молчавший до этого Хет. – Мы из Квира, несколько дней... – но его сразу же перебил мэр:

– Весьма сочувствую. – мрачно произнёс он. – Лагора, милая, отведи их в гостиницу, пусть отдохнут. Разрешение на пребывание здесь занесу вечером. И ещё, передай маме, что сегодня в «Золотом павлине» будет встреча семьи Синоран.

Дальше всё было как во сне. Эвион просто повиновался стадному чувству и поплёлся вслед за Тео, Гави, Хетом и Лагорой. Как они пересекли улицу и оказались в гостинице «Золотой павлин», он не понял. Постоянно отключаясь, парень слышал какие-то слова, то ли за стенкой, то ли издалека. При упоминании его имени слова резко врезались в его мозги, и от этого он ещё сильнее уходил в себя, вяло реагируя на вопросы Гави, когда алхимик из милости заполнял за друга бланк за стойкой регистрации. При очередном оклике Эвиону показалось, что он шёл по ступенькам, одна сломалась и он ухнул вниз. То же произошло, когда они ехали в лифте, и Гави то ли обрадовал, то ли наоборот посочувствовал, сказав, что Эви живёт в одном номере с Хетом. Так или иначе, Эви падал сквозь ступеньки при каждом упоминании его имени и, когда добрался до номера, вообще ничего не соображал. Он только знал, что теперь можно наконец расслабиться.

Тео и Гави попрощались с дремлющим на ходу Эви и пессимистичным Хетом и скрылись за соседней дверью. Хет отпер дверь ключом, который повесил на крючок для одежды, и скрылся в ванной. До Эвиона долетел шум воды. Парень стянул с себя пальто, в котором уже запарился, повесил рядом с ключом и хетовой курткой и вошёл в просторную комнату с двумя кроватями по бокам. Кровать у окна он решил оставить Хету – мало ли, вдруг сейчас уснёт на ней, а кудрявый выйдет из душа и сгонит его? – а сам устался на свежую, аккуратно застеленную кровать у стены. От неё исходил свет, белизна, аромат чистоты, а Эви явно не вписывался в общую картину...

Ждать, пока сосед освободит душ и сам решит, какую кровать занять, сил почти не было. Оттягивая момент сна, парень подошёл к окну и рассеянным взглядом уставился на улицу. Деревянные домики напротив казались чем-то нереальным. Каменная дорога слишком аккуратная. Невдалеке уже теснились деревья, лес...

– Ванная свободна. – резкий, но после ледяной пустыни даже приятный голос Хета прозвучал сзади. Эвион повернулся и, проследив, на какую из кроватей сядет Хет, выжимающий длинные кудри полотенцем (сел на кровать у стены), удалился мыться.

Глава четырнадцатая

Остановка

«Быстро же он...» – промелькнуло в мыслях Эвиона – «Спасибо ему. А чем Хету кровать у окна не понравилась? Или он мне по доброте душевной решил уступить? С неё же такой вид на улицу красивый... Надо же, какой Хет добрый! Жалеет меня, небось! Плохо дело... Хм, странную тему для раздумий я выбрал. Но всё же почему он выбрал кровать у стены? А если он просто так занял её? Ха! Я – философ... Надо выспаться. Надо, надо, надо...» – парень стоял под струёй тёплой воды. – «Всё равно приду в себя и расстанемся с друзьями. Из-за меня они и так дорого заплатили, не хватало ещё, чтобы граф... как его там... сделал их своей мишенью...» – в голове мысли постепенно таяли. Всё, что крутилось вокруг расставания с Тео, Хетом и Гави, растворилось, оставив только одну мысль – дальше путешествовать он будет один.

Закрыв глаза, он хотел прислониться головой к холодному кафелю, но не рассчитал силы и громко врезался в стену лбом. Боль вспыхнула, словно потревоженная кобра, и плавно отлетела в сторону – за стеной послышался стук. Это не просто стук, он адресован именно ему, Эвиону.

– Эй, привет! Меня слышно?! – закричал из-за стены Тео.

– Да, слышно! – крикнул в ответ Эвион.

– Как вы там устроились?!

– Отлично!

– Как Хет себя... Гави, уйди!

– Я тоже хочу поговорить с Эви! Приём! Меня слышишь?! – теперь уже кричал Гави, сопровождая свой вопль постукиваниями по стене.

– Да!

– Идёте на обед?!

– А когда он?!

– Через час!

– Постараемся! До связи!

– До связи!

«И что это значит?! «До связи»! Кто-то вообще хотел порвать с ними всякие связи!» – отругал себя Эви, сползая в ванную. – «Почему они постучали? Волновались? Или приняли мой стук за игру? С ума сойти... Увяжутся ведь следом... Нет! Надо сбежать от них! Пока не привязался... С друзьями хорошо, а без друзей – лучше? Я уже путаю поговорки. Верно: «С другом хорошо, а с друзьями лучше». А зачем друзья вообще нужны? Зачем мне нужен Офэн? И они тоже? Ладно, я потом подумаю...» – он принял контрастный душ, который не возымел на его подавленное душевное состояние никакого эффекта, и выполз из ванной, выискивая взглядом бежевый халат, такой же, как на Хете. В сушилке висел один, и Эвион тут же взял его.

Хет спал или умело изображал сон в кровати у стены. Эви тихо прошёл к предоконной ложе. Наконец голова его коснулась мягкой, пуховой подушки, в которой буквально утонула.

«Какое счастье лежать на нормальной подушке... Свежая, с пухом, белая... Не камень, не земля, а настоящая подушка...» – Эвион не мог перестать восхищаться этим творением человеческих рук, которого ему смертельно не хватало во время путешествия из Квира. Такая мелочь, а сколько дарит счастья!

А ведь с подушки, кинутой богиней, всё и началось, только он этого не знал.

...ему казалось, что он слышит стук собственного сердца. Это напомнило юноше тишину после лавины, когда он уже решил, что умер.

Эвион вновь начал бояться за жизни друзей. Потихоньку мысли о побеге снова стали одолевать его. На этот раз из раздумий парня выдернуло опять же происходящее за стенкой.

– Я первый сюда лёг! Моя кровать! – различил он голос Гави. – Ляг у стены!

– Я не засну, если не буду смотреть в окно! – негодовал Тео.

– Ага, чтоб ночью на луны выть?!

– ...

– Я попал в точку! Иди к стене!

– И ничего я не вою на луны!

– Это ты сейчас так говоришь... – дальше споры о трелях к лунам Эви не слушал. Он упал в объятия своей мелодии, навеянной криками за стеной, стуком сердца, шуршанием подушки под головой и приглушённым шумом на улице...

Кап. Кап кап. Кап. Кап. Эвион очнулся от ударов капель в козырёк балкона, но глаза сразу не открыл. Ловя последние видения, он окончательно проснулся, додумывая бредовую идею своего рисунка на холсте во сне. Хотя он уже и не помнил, что нарисовал, но счёл, что неплохо бы смотрелся синий канат на скамейке, или то была лестница? Дождя за окном не наблюдалось. Наверное, он только что прошёл, а капли просто падали с крыши. Эвион перевернулся на спину, уставился в белый потолок. Ровным счётом ничего в мыслях нет.

Стоило об этом подумать, как засосало под ложечкой, и в голову врезались десятки проблем: избавиться от талисмана, что в общем-то и являлось главной целью, сбежать от назойливой двойки, хотя, кто знает, может у Хета тоже есть желание присоединиться к его путешествию в Дестан? Затем надо запастись провизией и, самое необходимое на данный момент: позвонить маме.

Под дверью номера Эвион нашёл просунутый ранее ушедшим Хетом ключ.

«Предусмотрительно» – подумав про себя, он вышел из номера и закрыл его. Дальше для Эви открылась интересная картина: слева длинная винтовая лестница вниз, справа – лифты, впереди – коридор с развилкой. Выбрав из этого лестницу, он пошёл вниз на голоса. Память даже не старалась найти и малейшего намёка на то, как парень добрался днём до номера. Всё было незнакомо.

Сейчас был вечер. Из окон струился тусклый свет. Обед Эвион точно проспал.

Холл гостиницы был приятного персикового цвета, ярко освещённый электрическими канделябрами. Большая стеклянная стена отгораживала улицу, по которой гуляли жители. У стеклянной стены стояло несколько мягких кожаных кресел бежевого цвета, на которых расположилась группа оживлённо беседовавших постояльцев. Дальше по коридору через стойку весёлого бармена, самозабвенно болтавшего с миловидной девушкой, были двери в столовую. Туда стекалась большая часть народа, и Эвион пошёл следом. Столовая встретила его сладковатым запахом жареной картошки и шумной речью немногочисленных постояльцев. Шесть больших компаний, из которых выделялась семья рыжеволосых парней и, видимо, их бабушки, разодетой в розовое платье и крупные жемчужные бусы, три ничем не приметные компании, ферра, празднующие какую-то годовщину и Лагора, господин Лайфелль, Тео, Гави, Хет и высокая женщина, как две капли воды похожая на Лагору, только старше. Эви прошёл за стол к своим.

– Наконец-то! Мы тебя уже заждались... – сказал Тео, распиливая зажаренное мясо.

– Познакомься, Эви, это моя мама. – Лагора кивнула в сторону своей взрослой копии.

– Касси Лайфелль. – мягко улыбнулась женщина, и на душе у Эвиона стало уютно и спокойно.

– Приятно познакомиться, Эвион Пелуа. – он извинился и ушёл к общему раздаточному столу за своим ужином. Наконец он может съесть столько, сколько хочет, и не надо думать о завтра.

В то время, пока Гави и Тео поперебой рассказывали об их злоключениях в горах, Эви с любопытством разглядывал соседний стол с постояльцами, преимущественно состоявшими из огненно рыжих. Рядом с тремя парнями и их родственницей сидел плотный темноволосый парень, несколько напоминавший лицом Гави, по левую его руку сидел другой, с копной длинных каштановых волос, разделённых зелёной прядью.

В столовую вбежала бледная как смерть блондинка с перепуганными глазами. Она отыскала взглядом плотного шатена за столом с рыжими и нерешительно двинулась к нему.

– А! Ещё члены нашей семьи. – заметила девушку Лагора. – Это Эрика, а тот кучерявый, – она махнула своей тоненькой ручкой в сторону темноволосого парня, к которому шла блондинка, – Теан. Мои брат и сестра.

Плотный шатен повернулся на голос сестры и поздоровался с гостями.

Эрика подошла к Теану и что-то шепнула. Эвион наблюдал за ними, с интересом наострив уши, но вдруг его прервал глава семейства.

– Эвион, ваш пропуск. – протянул через весь стол маленькую белую бумажку Латан Лайфелль. – Теперь ты под защитой нашей мэрии, впиши потом сюда своё имя. И, пожалуйста, не покидай без моего ведома Леки. Лес слишком опасен. Кстати, проживание в гостинице вы все можете не оплачивать.

– Я всё равно отработаю. – перебил его Гави и бросил беглый взгляд на Лагору.

– И мы тоже. – ответил за остальных Хет.

– Тогда мне нужен доброволец на тайную миссию! – отклонился на стуле Теан. – Кто хочет? Под грифом «секретно»!

Напуганная Эрика подняла на брата полные ужаса глаза, но промолчала. Эвиону стало неудобно, что он пытался их подслушать, но дело было неладно и юноша решил спросить у скромной девушки после ужина, что её так пугает.

– Тебя тут вообще никто не спрашивает! – толкнула стул Теана обратно Лагора. – Никаких тайных миссий! Они на ногах еле стоят!

– Почему? Я в полном порядке... – сверкнул зелёными, словно два яблока, глазами Гави.

– Тогда поможешь мне на кухне? – с надеждой спросила Касси Лайфелль.

– Запросто! – опять многозначительный взгляд на Лагору, но та увлеклась содержимым тарелки и напрочь игнорировала позывные Гави. Юноша был уязвлён таким пренебрежением к своей персоне, но решил во что бы то ни стало добиться взгляда Лагоры.

Еда в гостинице «Золотой павлин» была чудесной. Хотя измученная компания была бы рада любой съедобной лепёшке, засохшей или свежей. Наевшись до отвала и наслушавшись рассказов про то, как в лесу орудуют группы вампиров, каждый из четырёх дал клятву, что без ведома мэрии не покинет деревню Леки. Эвион за время ужина в мыслях нарушил эту клятву раз пять. Он немного передохнул, пора двигаться дальше. Но как ему идти через лес, не зная дороги, в другой город или деревню? Как избежать вампиров? Подействует ли на живых мертвецов талисман? Снова сотня вопросов в голове и ни одного вразумительного ответа. И самое ужасное: никто не сможет подсказать этих ответов!

Несмотря на все надежды Эвиона, на вопрос «а есть ли в деревне интернет» господин Лайфелль однозначно ответил «Сегодня какие-то сбои, он не работает». Про графа узнать ничего не удастся.

Эрика поднялась из-за стола, пожелала всем приятного вечера и двинулась к выходу.

– Простите меня, я сейчас! – Эвион встал из-за стола и достал из кармана мобильный. – Звонят!..

– А, конечно! – Лагора метнула любопытный взгляд на телефон, надеясь увидеть, кто звонит, но Эвион быстро удалился.

Эрика шла по коридору к выходу, когда Эвион нагнал её.

– Прости, пожалуйста!

Эрика повернулась к нему и виновато улыбнулась.

– Эвион, верно? – спросила она, растерянно глядя на юношу.

– Да, именно так! – он улыбнулся её внимательности. – Я знаю, это невежливо, что я вмешиваюсь... За ужином вы выглядели очень испуганно. Я мог бы чем-нибудь помочь?

– О, нет-нет! – она отступила на шаг. – Пустяки! Спасибо, но не стоит!

– Точно?

– Да! Просто кабель... – она закусила губу. – О, нет!..

– Всё нормально, я не... Не буду допытываться, прости. – Эвион, глядя в её наводнившиеся глаза, понял, что сделал только хуже. – Простите меня!.. – он развернулся и быстро пошёл по коридору обратно, как вдруг Эрика окликнула его.

– Умоляю, не говори никому про кабель! – она подбежала к нему и заговорила быстро и тихо. – Это наша связь с миром. Кабели проходят по лесу, и так получается, что иногда то ветер, то звери обрывают провода. Раньше старшие ходили их чинить, папа собирал отряды. – она схватилась за голову, судорожно выдохнула и продолжила. – И часто на них в лесу нападали... В общем... Мы уже потеряли столько отцов из-за войны. Настало время нам им помогать. Поэтому молодёжь отслеживает поломку кабелей, и Теан с группой ходит их чинить в лес, пока родители не поняли, что проблемы со связью – это не просто лёгкий сбой, а порванный кабель. Папа, наверное, уже заметил, что...

– Он говорил про сбой с интернетом. – кивнул Эвион, чувствуя сильные уколы совести перед этой несчастной честной девушкой.

– Об этом я и сообщила Теану... Про повреждение кабеля. Прошу... Не... – она попыталась улыбнуться, но улыбка вышла слабой. Девушка никак не могла попросить Эвиона прикрыть опасные вылазки, ведь это значило врать её отцу.

– Я никому ничего не скажу. – догадался Эвион, – Прости ещё раз, что из-за меня пришлось рассказать. – он сам улыбнулся ей, и улыбка получилась всееляющей уверенностью. – Но я буду молчать, обещаю. А Теану передай, что он – классный парень!

Как только голова Эвиона вновь коснулась подушки, он закрыл глаза, ожидая мгновенного сна. Но не тут то было! Темнота выкачала из него весь сон, оставив только усталость. Режим дня разрушился вконец, и часа два парень глядел в потолок, считая стук своего сердца.

«Теан пойдёт чинить кабель. Кабель в лесу, в лесу вампиры. Значит, Теан не боится ходить туда и знает безопасные пути. Надо предложить помочь в починке кабеля. А когда

работа будет закончена, спросить у брата Лагоры, далеко ли до другого города, и отправиться туда...»

Время не стоит на месте, как бы этого ни желали. Оно тонкой, ядовитой струйкой капает на сердце, отравляя его существование, отбирая дорогие секунды. Чем больше его проходит, тем меньше остаётся сердцу. Но не догадывается орган жизни о том, что яд времени – лекарство. Лекарство не от жизни, а от смерти. И не понимает разум, напряжённый сердцем, что время не стоит пускать сквозь пальцы, словно песок. Надо ссыпать его в стеклянную бутылку, приглядеться и найти ответ на главный вопрос: как остановить время? Но разум и сердце не знают этого, они просто пускают время бежать от них, чем дальше – тем меньше жить. Яркой вспышкой света время улетает вдаль, прощаясь с упустившими его. Яркой вспышкой в темноте озаряет оно путь, словно шепча «иди, иди за мной, догони». Но кто слышит голос времени? Это не монотонное тиканье часов, не раздражённый и абстрактный звон будильника, это – песня жизни, которую не различить даже чуткому слуху дельфинов. А время твердит: живи, не думай, что можно сделать завтра! Сегодня – твоё всё! Сегодня живёшь и сегодня успеешь! Лови меня, не отпускай же!

Яркая вспышка всё ещё убегала от Эвиона, когда он понял, что не спит. В кои-то веке его разбудил не стук падающих капель!

Перед глазами что-то ярко сияло. Он приподнял веки. В большое окно прямо на него светило с облачного неба солнце. Эвион глянул на спящего у стены Хета, сел на кровати, потянулся. Неприятно хрустнула кость в единственной руке. Натянув постиранную одежду, он кинул взгляд на просыпающегося Хета, явно осознанно повернувшего голову к окну, встал и вышел. Заперев дверь, он сунул под неё обратно в номер ключ и пошёл по коридору, минуя лестницу и лифты, встречая редких постояльцев, спускавшихся на завтрак. Изведав тусклые коридоры своего этажа, он завернул на лестницу и спустился в столовую.

На вчерашних местах сидели Эрика, Лагора, Гави и Тео. Светлоголовый не был похож на недавно проснувшуюся сомнамбулу, словно уже успел перемыть горы посуды на кухне.

– Доброе утро. – поставил тарелку с яичницей и беконом на стол Эвион и отодвинул стул.

– И тебе! – повернулся к нему Гави. – А где Хет?

– Спит ещё. Я не стал его будить.

– И правильно, а то ещё пристрелит. – усмехнулся Гави.

– Ну почему же? Нет, не пристрелит, просто когда я уходил, он уже вроде как вставал, так что скоро придёт. – Эвион изучил чашку чая и сделал несколько глотков. – Лагора, а где Теан?..

– Ой... Наверное тоже спит. – лучезарная улыбка девушки словно солнечным светом озарила столовую. – Он проснётся не раньше чем через час. Ему что-нибудь передать?

– Да нет, спасибо. – Эвион погрузился в трапезу, а сам продумывал, где можно подкараулить Теана.

– Ладно, пойду. Всем приятного аппетита! – после недолгого молчания Лагора встала из-за стола. – Если что – я в ветеринарке.

– Слушай, а я... это... – поднялся следом за ней Гави, почёсывая в затылке и потупив взгляд. – Я на кухне закончил, может, вам там помощь нужна?

– Лишние руки Акиону не помешают, а уж лишние глаза – тем более! Пошли! – она ухватила Гави за руку так быстро, словно только и ждала его сигнала к действию, и потащила из столовой.

Всё это время Гави чувствовал себя как-то непринуждённо свободным. Раньше в общении с девушками ему иногда, но приходилось продумывать сказанное, а теперь он просто говорил, не боясь за свои слова. Парень был уверен, что говорит нужное. Вот сейчас, например, девушке нужна помощь – он тут как тут и мгновенно выручит! Это заставляло его гордиться собой, хотя ничего великого он и не совершал. Просто на душе было спокойно. Леки на него так действовала.

– Слушай, а можешь мне деревню показать? После работы, конечно. – спросил Гави, когда они отошли от «Золотого павлина».

– Зачем ждать? Я тебе сейчас всё быстро покажу! Ты только не отставай. – с этими словами девушка выпустила его руку, и воздух вокруг неё засветился белым, становясь плотнее. Мгновение – и вместо Лагоры в воздухе парила белая чайка.

– Вот ты как... – улыбнулся Гави. – Ну ладно, лети! Я всё равно тебя догоню! – он понёсся за летящей впереди птицей, перепрыгнув на ходу тележку с фруктами.

Юноша словно сам взлетал за ней, но только без материальных крыльев. Устремив взгляд вверх, на свободную птицу, на небо и солнце, Гави бежал по каменной дороге, где кипела жизнь. Торговцы выставляли свои палатки на рынке, бегали детишки, громко крича и играя в придорожной пыли. Некоторые принимали свои истинные звериные обличья. Гави подивился тому, сколько в деревне живёт щенят и лошадей, однако на первом месте у него была чайка, проворно ускользавшая за очередным поворотом от его ясного взора.

Лагора не старалась скрыться от него, наоборот, летела с привычной небыстрой скоростью. У очередного дома она резко свернула налево, вдоль деревянных построек, и пролетела над невысокой стеной по пояс обычному человеку. Гави был слишком увлечён «добычей» и, не заметив стены, налетел на неё. Лагора, заливисто смеясь, перевоплотилась в девушку прямо на деревянной перегородке.

– Не ушибся? – с искренним сочувствием в больших чёрных глазах спросила она, поправляя длинное белое платье.

– Не-а! – улыбнулся в ответ парень, сам толком не понявший, как ему удалось налететь на стену, так очевидно стоявшую между домами. – Продолжим?

Тем временем Эвион звонил домой. На мобильном у него было свыше 150 пропущенных звонков от мамы, отца, Офэна, Ирен и, что его особенно удивило, от Майи. Трубку взяла его мама. Голос был приглушённый, болезненный.

– Привет, мам! Это я, Эви. – представился он, ожидая, что она его и не узнает.

– Эви? Сынок? Это правда... Ты?.. – прерывистый голос, полный надежды, спросил с другого конца провода.

– Да, мам, я! – не сдержал радостного восклицания юноша. – Со мной всё в порядке, я в деревне Леки.

– А как же лавина?..

Эвион решил, что маму ни к чему лишний раз волновать, рассказывая, что его всё же замело, поэтому он через силу сообщил ей, что в этот момент был далеко от Бефи. Зато насчёт выключенного звука на мобильнике врать не пришлось. Уверив маму, что с ним всё хорошо и что он будет как можно чаще ей звонить, парень повесил трубку. Затем он вышел из гостиницы на оживлённую улицу. Прохладный ветерок залетал ему под майку, правый рукав которой трепетал на летнем деревенском воздухе. Юноша пошёл вперёд по улице, озираясь по сторонам. Сзади доносилось журчание фонтана, со всех сторон пели птицы. Иногда по каменной дороге шли лошади, таща тележки с глиняными горшками или фруктами, но в большинстве своём по Леки расхаживали ферра в своём человеческом обличье. Эвион периодически заглядывал за заборы и деревянные изгороди, рассматривая бельё, висевшее на протянутых между деревьями верёвках, маленькие огородики, играющих детей и аккуратные домики с цветными ставнями. Дорога завернула, Эвион очутился на опушке леса. Последним из завершающих вереницу строений был магазин. За пустыми витринами юноша разглядел несколько стоек с одеждой, стеллаж с игрушками зверюшек и огородные принадлежности. На другой стороне улицы была лавочка с видом на душисто пахнувший проснувшийся лес. Эвион опустился на неё и стал изучать зелень впереди, потом закрыл глаза и предался мечтам. В голове крутилась старая мелодия, услышанная по радио.

В магазине над дверью прозвенел колокольчик и вошёл покупатель. Эвион сразу очнулся и стал напряжённо вглядываться внутрь. Но как бы он ни старался, разглядеть вошедшего юноша не смог. Он снова прикрыл глаза. Когда же колокольчик зазвенел, оповещая об уходе клиента, Эвион был наготове.

Вышел Хет с покупкой в белом бумажном пакете и направился обратно к домикам. Удобно расположившийся на скамейке Эви сгорал от любопытства – что купил его сосед? Подойти и узнать? Лучше не надо... Или подойти? Всё равно делать нечего!

Парень поспешил к завернувшему за угол Хету. Черноволосый не спеша шёл по направлению к гостинице, не замечая преследования. Эвион не скрывал своего присутствия и шёл на расстоянии нескольких метров. Вдруг Хет обернулся.

– И? – спросил он у напрочь сбитого с толку Эвиона.

– Что «и»? – не понял вопроса тот.

– Долго ты за мной идти будешь?

– Да не очень... Я в гостиницу. Нам по пути?

– Ещё бы.

Эвион присоединился к Хету с той стороны, с которой тот держал пакет с покупкой.

– Эм... А что ты купил? – робко поинтересовался парень.

– Вечером увидишь. – первый раз на губах Хета заиграла улыбка. Увы, это была скорее жалкая гримаса, ухмылка, но хотя бы новое выражение лица. Дальше они шли молча.

Пройдя с Хетом до дверей «Золотого павлина», Эвион продолжил скитаться по оживлённым улицам, изучая их расположение и теряясь в отвлечённых мыслях. Думал он преимущественно об окружающем его месте, но в голову то и дело лезли мысли о графе, о талисмани и о долгожданном моменте избавления от «любимой». Вот он заходит в храм Морьенте, вот талисман слетает с его руки и нет никакой боли в голове, он не умрёт, проклятие снято, можно идти домой... А сзади стоят Гави, Хет и Тео, довольные, как тараканы, сопровождающие его на протяжении всего пути. Все трое счастливые, а он, Эвион, загадывает желание. Загадать, чтобы умер граф? Или чтобы у Эви снова была рука? Но Гави пообещал ему сделать её... А вот и сам Гави!

На горизонте показался алхимик, а за ним и Лагора, выпорхнувшая из ветклиники Акиона Аделиста.

– Какие люди! – крикнул ему блондин. – Ты куда идёшь?

– Да так, никуда... – вздохнул Эви, направляясь к друзьям. – Просто гуляю.

– Тогда пошли! У нас на завтра поход в лес! – предупредила Лагора. – Надо остальным сообщить, вдруг захотят с нами?

При упоминании о лесе Эвион загорелся. Вот уже несколько часов он думал о нём. О нём и о том, что друзьям с ним будет опасно. От них нужно бежать. У него есть тысяча и одна причина, по которым ему лучше с ними расстаться. Первая – граф. Вторая – он легко может к ним привязаться.

Интересно, зачем им понадобилось в лес? Про кабель Теан вряд ли бы им рассказал – раз это опасно, он бы не впутывал Лагору. В любом случае лучше узнать про этот поход побольше и по возможности побыстрее.

В столовую, как и утром, уже стекались постояльцы, да и не только они: жители деревни тоже посещали чуть ли не единственный ресторан Леки. За столом семьи Лайфелль уже ужинали Эрика, Теан, их родители и Тео с Хетом. На последнем блистала белая куртка вместо старой синей от униформы. Эвион кивнул Хету и указав глазами на покупку, одобрительно улыбнулся. Черноволосый оценивающе оглядел старый прикид друга и перевёл взгляд, не найдя, что одобрить в отместку. Подошедшие отправились к общему столу со съестным.

– Всем приятного аппетита! – Лагора принесла тарелку с горячими макаронами в густой багровой помидорной подливке.

– Спасибо, дорогая. Как на работе? – поблагодарила её мама.

– Отлично, только нужны грибы для лекарств. Завтра мы с Гави идём недалеко в лес, кто-нибудь желает присоединиться? – девушка внимательно оглядела присутствующих, как бы подталкивая на согласие. Лицо её при проникновенном взгляде оставалось неизменно милым.

– Я, пожалуй. – решил помочь сестре Теан. – Эри, пойдёшь? – он повернулся к светло-волосой девушке с вечно провинившимся, испуганным лицом.

– Да, да конечно... – пролепетала Эрика, опустив глаза. – А во сколько?

– Где-нибудь часиков в восемь. – подбадривающе ответил Гави. – Кто ещё?

– Я пойду. – послышался голос Хета в конце стола.

– Я тоже! – подхватил Тео. – В лесу небезопасно, мы с Хетом вас защитим.

Все засмеялись, за исключением Хетари.

– Потому-то и идём так рано и недалеко, чтоб ни на кого не наткнуться. – объяснила парню Лагора, перестав смеяться своим звонким, райским голоском.

К столу подошёл Эвион.

– Ну и очереди у вас за колбасками. – с улыбкой сообщил он. – Минут пять стоял, так и не успел себе взять.

– Это ещё ничего! На чизкейки тоже охота ведётся! – откинулся на стуле Гави, высматривая на общем столе долгожданное появление пирожных. – Эх... Всё-таки кончились...

– А мне везёт! – довольно уплетал салат Тео. – Вы бы тоже побольше времени на кухне проводили – и не ходили бы голодными! Хет там и начинает обед, дегустируя блюда...

– Я бы попросил тебя помолчать. – смерил мальчика ледяным взглядом черноволосый, и Тео словно провалился в лунку посреди реки – так ему стало не по себе от взгляда. Присутствующие лукаво посмотрели на Хета.

Цвет неба за окном из серого стал синеватым, проступили первые звёзды, отвечая блеску уличных фонарей. Вчерашние полные луны сегодня были прикрыты ночной пеленой, как и их сёстры. Сквозь вечернюю мглу проглядывали нечёткие, но пока не сливавшиеся с темнотой силуэты деревьев, окружающие деревню. Дома приняли тёплый коричневый оттенок в свете огня. Цветы у некоторый крылечек спрятали свою красоту, пуская в ночь таинственную тёмную окраску. Птицы разом замолчали в вечернем лесу. Изредка где прокричит сова, а то и вовсе повиснет тишина, нарушаемая лишь стрекотом сверчков или роющим землю у дуба кабачком. Ветер, как и днём, пел с листвой, дирижируя её шелестом. Ныне это больше походило на аплодисменты к последнему акту, чем на утреннюю прелюдию.

Глава пятнадцатая

Вторжение

Эвион беспрестанно ходил взад-вперёд по светлому и уютному холлу гостиницы, поджидая друзей. За завтраком он с ними разминулся, потому решил подкараулить их тут. Шествуя в очередной раз по холлу, он дошёл до мягкого кресла и сел. Никто по-прежнему не появился, и юноша пошёл на кухню. Отворив лёгкую белую дверь, он вошёл в просторное помещение с несколькими весьма устрашающими посудомоечными машинами и тремя плитами. Шкафы по бокам кухни были переполнены посудой. На отдельной полке вместо обычных белых тарелок стояла разукрашенная позолотой посуда, видимо для определённых персон или при заказе в столовой столика для конференций. В воздухе витал сладковато-едкий аромат. За одной из плит стояла госпожа Лайфелль и старательно оттирала от её поверхности сбежавшее молоко.

– А, Эвион... Пришёл помочь? А мы уже закончили. – улыбнулась она точь-в-точь как и её дочь, последний раз проводя по плите тряпкой.

– Вы не знаете, где мои друзья?

– Ушли за грибами. Примерно часа два назад, а что случилось?

– Да нет, просто интересно. Спасибо. – он поспешил к выходу.

Почему они его не взяли? Ему же так нужно в лес! Нет, его предупредили, но не сказали, во сколько встреча. О чём он вчера только думал?!

Эвион вышел из гостиницы и, рассерженный, двинулся по направлению к лесу. Вокруг людей почти не было. А те, кто всё же ему встречались, были взволнованы и напуганы. Леки потеряла привычный уют, в воздухе витало напряжение. Когда он проходил магазин на опушке, к нему подошли трое высоких мужчин, до этого сидевшие на скамейке.

– В лес собрался? – пробасил один из них.

– Да. – однозначно ответил юноша и хотел было пойти дальше, но мужчины загородили ему дорогу.

– Неподальёку отсюда были найдены тела двух оборотней обескровленными. Сейчас лес обследуют, ищут новых жертв. Не суйся туда, если не хочешь быть закуской.

– Но там мои друзья! – попытался прорваться между ними Эви, судорожно представляя, что может случиться в лесу.

– Им не повезло. Наши люди обыскивают лес и, если они живы, их найдут. – грубо ответил мужчина с седой бородой. – Будешь мешать – им точно не вернуться из леса! Вали отсюда, пока живой. – мужчина оттолкнул Эвиона, а тот с опаской покосился на талисман на руке. Украшение не подавало признаков жизни.

Юноша прошёл по деревне, выискивая не закрытые охраной тропинки в лес. Но тщетно – вокруг деревни, словно барьер, выросли защитники своих земель. У каждой тропинки к лесу стояло не меньше трёх человек. По некоторым было понятно, что они справятся и без оружия, стоит только им перевоплотиться в медведя или ягуара. Мелкие животные ждали нападения в человеческом обличье с ружьями наготове. Прорваться в лес не удастся, если не применить талисман. Но тогда погибнут невинные существа.

Эви в напряжении брёл вверх по улице. Справа был красивый, медового цвета дом, рядом с ним сарай, а впереди, на холме, за которым скрывалась остальная часть деревни, стояла табличка «Природные ванны Синоран». Эту фамилию Эвион где-то слышал, но память наотрез отказывалась выдавать ему подсказку «где». Он уже решил взойти на холм, как его окликнул знакомый голос.

– Тео?! – резко повернулся Эвион. – Вы что здесь делаете?

– Мы? Отвечали на вопросы следователя. Мы в лесу два трупа нашли... – Тео выходил из неприметного, явно нежилого дома у дороги.

– Да, я слышал. С вами всё в порядке?

– Вроде да. – Тео отошёл от двери, пропуская остальных.

– Привет, Эви. – беззаботно, словно ничего не произошло, поприветствовал его Гави.

Тут нервы Эвиона не выдержали. Как только младший в их компании сообщил, что с ними всё хорошо, на него тут же накатил поток гнева и обиды.

– Почему вы меня не предупредили?! Я думал, вы всё ещё в лесу! Почему вы не взяли меня с собой?! – вопли парня не оставили равнодушным даже Хета.

– Ты спал... – стал оправдываться Гави.

– К тому же у тебя... ну... – Тео сам пожалел, что хотел сказать про недостаток Эвиона. – Нет руки... Тебе за грибами сложно ходить будет...

– А не всё ли тебе равно?! Это моя проблема! – взъелся ещё больше однурукий. – А если вспомнить, кто тебя из снега вытащил?! Я единственный, кто смог выбраться из-под завала в Бефи самостоятельно! – тут Эвион немного приврал. В спасении ему помогала «любимая». Но он-то нашёл в себе силы двигаться дальше, как они про это забыли?

– Извини, мы правда не хотели тебя обидеть. – заговорила Лагора, прижимая к себе плетёную корзинку с грибами.

– Извиняю, а что толку? – Эвион прошёл мимо друзей, даже не взглянув на них, и скрылся за домами.

Спортивная машина цвета алой зари неслась по ухабистой, с многочисленными трещинами дороге. Впереди всплывал большой город, высокие дома которого водитель заметил уже давно.

– Подъём! – скомандовал он своему брату, развалившемуся на переднем сидении. – Подъезжаем, приведи себя в порядок.

– Валеит, ты б меня ещё вчера предупредил! Мы ж далеко... – сонно пробормотал Тито, пытаясь потянуться, насколько позволял салон авто.

– Зная тебя, и за неделю предупредил бы – толку не было. – саркастически улыбнулся аристократ, откинув назад непослушную кудряшку, упавшую на идеальное лицо.

– Зачем нам тащиться в такую даль? Сидели бы по домам, или лучше в клубе... А давай зайдём в местный клуб, а?

– Тут не такие клубы, как в Гвесте.

– А мы вообще где? И чем это здешние клубы от наших отличаются? – обиделся Тито, разглядывая приближающийся город.

– Думаю, мы сейчас в Афтонии. Впереди, если мои предположения верны, Пенюя. – Валеит укоризненно посмотрел на сломавшийся навигатор в углу лобового стекла. – Взял бы карту, что ли...

– Я в картах не разбираюсь. – сказал его брат, открывая бардачок и извлекая оттуда вытянутую книжечку в зеленоватой обложке с толстым слоем пыли. – Как это мило... Ты сюда никогда не лазаешь?

– Это твоя машина, с чего бы мне шарить по твоим ящикам?

– С того же, с чего ты сейчас за рулём. – Тито полистал книжонку, задержавшись на нескольких страницах. – В Пенюю ведёт одна дорога. Тут вообще лишь одна дорога. А вон тому подтверждение. – он указал на дорожный знак «Пенюя – 2 км».

– А раньше они этих вывесок поставить не могли? – вздохнул Валеит, снова убирая со лба кудряшку.

– Раньше мы ехали по чужой земле, а там о километрах до Пенной думать некому.

«Хороши друзья, нечего сказать. Кинули одного, будто бы не знают, что меня хотят убить. Да и какое им теперь до меня дело? Выжили, в тепле, с кровом. А я им зачем? К тому же калека». – Эвион опечаленно выискивал место преткновения. Идти в таком понуром состоянии на глазах у всех ему не хотелось. Он желал спокойно посидеть в закутке и без лишних зрителей всё обдумать.

Расценивать уход за грибами как предательство? Запросто, если только не вспоминать, как Эвион переполошился, узнав про убийства. Он за них переживает, а значит забыть друзей будет трудно. Но попробовать можно... И так слишком много нервов за последние дни. Хотя они же просто пошли за грибами! Не покинули его навсегда, не выдали неприятелю! А только ушли... Но он потерял один из шансов просочиться в лес! Поэтому так болезненно и переживает из-за произошедшего.

Между двумя одинаковыми домами из светлого дерева примостился дубовой наружности кабак с маленькими окошками, из которых выходил тонкой струёй дым. Над тяжёлой дверью висела табличка «Слепой пёс». Эвион поднялся по трём ступенькам в кабак и с небольшим усилием толкнул дверь. В нос и глаза тут же ударил едкий табачный дым. Духота стояла невыносимая, и Эвион, прежде чем войти, ещё немного подумал – стоит ли? Но лучше выпустить пар в этом богом забытом месте.

За грубо обтёсанными, похожими на пни, столами сидели мужики не первой свежести, грузные, со свинцом под уставшими глазами, с сигаретами, либо те, кто попримичнее, с трубками и сигарами. Большинство играли в карты. Из-за столов то и дело слышалось «бито», «мухлюешь, куда кладёшь!» Бармен наливал развалившимся у барной стойки клиентам выпивку в почерневшие снизу стаканы. Эвион разглядел сквозь завесу дыма несколько столов в конце зала с вывеской «Для некурящих». Таких столов было всего два – звери без вредных привычек сюда, по-видимому, не заходили. А если и заходили, то вредные привычки у них выявлялись тут же. Юноша тенью прошёл мимо столов, оставшись незамеченным, и, прикрыв лицо от дыма рукой, сел за стол в углу. Рядом с его местом было запертое окно. Эви несколько раз подёргал его ручку, присохшую к раме ещё с момента покраски. Рывок на пятый она поддалась, и в лицо ему дунул свежий уличный ветер.

– Кто там сквозит? – послышалось из-за одного из столов. Эвион поспешно прикрыл окно – не хватало ещё и потасовки с пьянью. Будет сидеть в духоте. Хуже уже не станет.

Чуть ли не засыпая от гнетущей атмосферы и тошнотворно пряного запаха табака, Эви переключался с одной мысли на другую, но все они становились слишком яркими в его представлении, и юноше казалось – всё происходит наяву. Иногда в голове взрывались сполохи света вместо того или иного объекта раздумий и растекались по краям, словно бензиновые пятна.

«Почему... почему они не предупредили?» – Эвион пытался собраться с мыслями. – «И Гави... Что-то с ним не так. Почему он не пострадал тогда ночью? Хорошо, что оборотень его не ранил, но почему он вечно целый? Я перенимаю все удары судьбы, что ли? Или Гави – зачинщик? Приспешник графа...» – тут Эвиону совсем стало плохо. Мысль добила его, и юноша, шатаясь и случайно опрокинув стулья, вылетел наружу. Жадно глотая свежий воздух и захлёб кашляя, он пошёл прочь по каменной дороге.

– Эй, эй! С тобой всё в порядке? – с другого конца улицы к нему поспешила девушка с ярко-красными волосами, кончики которых были окрашены в голубой цвет. Но из кабака, из которого только что выбежал Эви, выкатились два мужика, прокуренные, пьяные в стельку и, шатаясь, пошли в её сторону. Она на бегу подпрыгнула вверх и в свете лучей, исходящих от

её тела, превратилась в попугая ара. Перелетев пьяниц, птица чуть ли не у самого носа Эвиона приняла человеческий облик.

– Ну, как ты? – она нагло схватила Эвиона за плечи и поправила его майку. – Фигово ж ты выглядишь! – девушка покачала головой, а Эвион чуть ли не зомбировано протянул к ней руку.

– Как это мило... – она взяла его под руку и потащила подальше от кабака «Слепой пёс». – Гиблое тут местечко, дружок, зря гуляешь по этим закоулкам. Тут тебе и пьянь, и картежники... – она бы перечисляла и дальше, несколько картавя и по-птичьи заглядывая ему в лицо карими глазами, но Эви её перебил:

– А ты-то что тут делаешь?

– А я мимо пролетала. Точнее – собиралась взлететь, но ты шуму поднял! В следующий раз не выбивай так дверь. – она его хорошенько тряхнула, чтобы юноша не отключался. – Да что с тобой?! Эй! Приём, чего ты пил?

– Ничего не пил...

– Тебя подружка бросила?

– Нет... Просто встал не с той ноги...

– Ничего себе: не с той ноги! Да ты и не вставал, до сих пор спишь! Ты ночью что делал?! – на этот вопрос Эвион отреагировал взглядом непонимания, но более осознанного, чем все предыдущие его эмоции. Девушка своего добила.

– Так то! Живой, значит. – она пихнула его на скамейку. – А теперь выкладывай, кто ты? Ты ж не местный! Я б тебя знала.

– Недавно из... Из Квира... – Эвион сглотнул, постепенно возвращаясь в сознание. Глаза на мир смотрели уже без завесы дыма. Открывшийся вид его порадовал: красивая девушка в облегающем коричневом платье, длинные, цветные кудри до плеч, загорелая кожа... И девушка ни на секунду не умолкала, что-то пытаясь вдолбить Эвиону.

– Тебя звать-то как? – наклонившись к его лицу, спросила она.

– Эвион, а ты...

– Виллура, попугай, если ты не понял.

– Понял. Как отсюда пройти к гостинице... Не помню названия...

– Тут только одна гостиница и есть. «Золотой павлин»?

– В точку...

– А! У чаек обосновался!

– У кого? – не понял Эвион.

– Ну... Лайфелль – чайки... Хотя у них там кого только в семье нет! – Эви посчитал эту информацию слишком заумной для нынешнего состояния и просто поплёлся за проводницей, оставив позади злосчастный кабак и удобную скамеечку.

Проведя Эвиона по паре скрытых между домами лазеек, она без труда вывела его к гостинице.

– Спасибо. – только и мог ответить ей парень.

– Ничего! Обращайся! Если хочешь обследовать деревню – я к твоим услугам. – она лукаво подмигнула ему, на что он не мог не ответить улыбкой.

Двери гостиницы шумно отворились, и вышли три рыжеволосых юнца, которых Эвион уже видел здесь в первый день в столовой.

– Виллура! – обрадовался один из рыжих. Эвион пригляделся – все трое – близнецы, только рисунки на однотонных кофтах и степень растрёпанности волос разные.

– Кристис! Как я рада! И вам привет! – девушка поздоровалась, перевоплотилась в попугая и села к окликнувшему её на плечо, распушив красные и голубые перья.

– Привет! – помахали братья Эви.

– Выглядишь не очень... – заметил один из них, проходя мимо. – Надеюсь, это не Виллура тебя так потрепала?

– А? Нет-нет! Это я сам. – ответил Эви и, пока братья смеялись, скрылся в дверях «Золотого павлина», бросив им короткое «пока».

В вестибюле гостиницы он лицом к лицу столкнулся с Касси Лайфелль. Женщина выглядела запыхавшейся и уставшей.

– Извините, я хотел у вас работать, ну... за проживание платить... Но так и не узнал, что мне делать... – напомнил он.

– Да нет, что ты! – она с сочувствием посмотрела на отсутствующую руку. – Ну как мы можем заставить тебя работать? Мало тебе, что пострадал от наших в лесу! Нет, нет и нет! – она села на кресло у стеклянной стены.

– Ну хоть что-нибудь! Я с ума сойду без работы. – честно признался он. – Умоляю! У меня есть опыт работы курьером, также я с детьми сидеть могу, номера убирать...

Госпожа Лайфелль со смятением посмотрела на сидевшего перед ней юношу.

– Хотя да... – понял её намёк Эвион. – Стелить постели с одной рукой займёт много времени. Что насчёт швейцара?

– Ты замучаешься открывать дверь! К чему нам такие церемонии? Ты лучше помоги Тео, он такой забывчивый! – она хохотнула своим нежным, материнским голоском. – То тарелку на столе забудет, то стаканы в посудомойке оставит. Проконтролируй, а?

– Есть! – Эви шутливо отдал ей честь и пошёл на кухню. Этого то он и опасался – быть наедине с кем-то из Квирской компании. Но Тео – это не самое страшное. Хет тоже терпим со всеми своими выкрутасами. Самый опасный – везунчик Гави. Или же Эви просто завидует? Нет, тут действительно что-то не так. Ну не может человек столько раз выходить сухим из воды! «Стоп! О чём я только думаю?» – ужаснулся себе юноша, пересекая зал столовой. – «Гави... Тео, Хет – все они – мои друзья! Мы помогали друг другу, и один день не может помешать нашей дружбе. Но Гави... Какой же ты подозрительный! Не хочу об этом думать, но может, ты заодно с графом?! Глупости, Эвион. Одиночество тебя съедает. Где Тео?!» – Эвион озирался по сторонам в кухне. В конце концов он услышал сквозь шум воды в кранах звон посуды и пошёл на него, обходя огромные печи.

– Помощь прибыла! – объявил он Тео, который с испугу чуть не выронил тарелки.

– Эви! Нельзя ж так! Я чуть в обморок не хлопнулся... – с облегчением выдохнул подросток, убедившись, что присутствующий не опасен.

«Кто бы говорил!» – подумал про себя Эвион, оглядываясь вокруг.

– Ты из посудомойки всё вынул?

Брови Тео причудливым образом изогнулись и он поглядел на Эви с лёгкой насмешкой:

– Спасибо, мамочка! – подросток снова повернулся к крану, из которого хлестала во все стороны вода.

Повисла минута молчания.

– Ну а что мне ещё делать?! – возмутился Эвион и плюхнулся на деревянную табуретку у стены.

– Туда не садись, сейчас обед будем готовить и туда кастрюли поставим! – по-хозяйски распорядился Тео, жонглируя тряпками и стаканами.

Эвион тяжело вздохнул и вышел. Меньше всего ему сейчас хотелось выслушивать нравоучения мальчишки. Обед готовить? Пусть готовят, он только мешается. Почему он вечно мешается?! Он же многое умеет... Умел, до потери руки. Но нельзя сдаваться.

«Будь ты проклят, граф!»

Эвион вышел из кухни и направился в дальний угол гостиницы – за дверь в конце холла. Там он как раз не был, и жажда изведать новый маршрут заполняла пустоту в его мыслях.

Светлые стены, запах свежего постельного белья – видимо где-то тут прачечная – и тишина. Темно. Лампочки на потолке зажигали только вечером. Коридор без окон. Холл завершался сдвоенной дверью с занавесками. Эвион открыл двери. За ними располагался большой

танцевальный зал. В углу стояло пианино, пыльное, как понял Эвион, приблизившись к любимому инструменту. Стены подпирали стулья с серыми спинками, тоже пыльные. На некоторых развевалась от малейшего дуновения такая же заброшенная паутина. За огромными окнами был внутренний сад гостиницы – там юноша тоже никогда не был. Он сел за пианино и единственной рукой стал наигрывать любимое произведение. Сначала немного фальшиво – сколько времени прошло, а он так и не играл. Да и как? Когда? И сейчас это глупо выглядит, но шанс упускать нельзя...

Следующий аккорд с си-бемоль вышел более звучным, тихая мелодия заструилась быстрее, выделявая повороты в душном зале, затихая, врываясь в сознание юноши, возрождая прошлую жизнь, зажигая память и сердце, и чувства...

– Ого... Ну ты и... – прервал его Гави, который стоял по ту сторону окна. Ошарашенный, он так и «повис» на одном из вишнёвых деревьев.

– Мастер! Как ты так играешь? – к другой стороне дерева прислонилась восторженная Лагора.

– Вы что тут делаете? – отпрыгнул от пианино Эвион, глядя в большое приоткрытое окно напротив музыкального инструмента.

– Мы тут обеда ждём. Почаще тебе на воздухе быть надо! – Гави оглядел решётку на окне. – Давай, выходи сюда!

– Ладно, я сейчас! – Эвион вышел из зала и, быстро миновав коридор, повернул к стеклянным дверям под лестницей на второй этаж.

– Тут действительно очень здорово. – огляделся Эвион, прогуливаясь по зелёной траве внутреннего дворика вместе с Гави и Лагорой.

– Мама придумала этот дворик во время войны. Тут детям односельчан было безопасно. Мы ж с ранних лет привыкли по лесу, по траве ходить... А тут на тебе: в лес нельзя, без присмотра опасно! Вот и сделали такое местечко. Уютно, со всех сторон стены, несколько выходов и постоянное наблюдение. Одним словом – находка! Надземный бункер. – объясняла Лагора, мягко ступая своими тонкими ножками в атласных белых туфельках по душистой зелёной траве.

– Не больно-то роскошно, а? – Тито поправил бандану, разглядывая в отражении маленького зеркала в треснутой рамке на стене пустую комнату гостиницы с бледно-зелёными обоями с выцветшими разводами, некогда бывшими цветами. Комнату разбавляли две койки у стен и длинный комод со стулом и телефоном с оторванным проводом. Тито покосился на него. – А это что? Для красоты?

– Чтоб не беспокоили. – мечтательно улыбнулся Валеит, стоя у окна, подобно своему дяде. Тито заметил это сходство и нахмурился.

– Отойди от окна. Или хотя бы физиономию смени. – посоветовал он брату.

Валеит медленно повернулся к Тито, глаза аристократа из багровых приняли золотой оттенок. Как только взгляды братьев соприкоснулись, Тито исчез. По комнате понёсся его надменный смех и где-то у ванной прозвучали слова:

– Теперь попробуй загипнотизировать, неумеха!

– Ах так?! – глаза Валеита расширились. – От меня не спрячешься, братец! – юноша на ощупь затолкал невидимку в ванную и закрыл за ним дверь. Пространство ванной комнаты стало уменьшаться. Затряслись тюбики с шампунем, стали раскачиваться полотенца на вешалках, капли воды при движении стен сорвались из крана в раковину.

– Так, стой! А ну открой! – забарабанил в уменьшающуюся внутри дверь Тито. – Ты хочешь меня раздавить?! – он с ужасом наблюдал за уменьшением комнаты. Стены, соприкасаясь друг с другом, глухо скрежетали, с потолка падала штукатурка, затем дикий хруст – треснула и стала складываться под давлением стен ванна. – Что мы владельцу этого чулана скажем?! Одумайся, нас в розыск объявят!

– А мы что, имеем хорошую репутацию?

– Ты-то уж точно! Да и я... Хватит! Меня сейчас в мясной кубик превратишь!

– Но учти: в следующий раз...

– Да-да... Ты мне это уже раз двадцать говорил! – стены начали двигаться быстрее. – То есть ладно, на всё согласен!

Валейт отошёл от ванной. Она, скрываемая от его гипнотических глаз дверью, вернулась в свои обычные размеры. Оттуда вышел взъерошенный видимый Тито.

– Какое хамство. – бросил он брату. – Да как тебе удалось трещину в ванной устранить?

– Сила мысли.

– Это не ответ! Когда я в уменьшении практиковался, у меня при возвращении объекту стандартного размера расположение вещей в нём менялось, а уж дефекты при урезке тем более оставались.

– Плохо стараешься. – печально ответил Валейт. – Давай о деле?

– Дело меня интересует меньше всего! Тащиться неизвестно куда, искать неизвестно кого... И ради чего?!

– Ради дяди...

– Да на кой чёрт он нам сдался? – Тито принялся расхаживать туда-сюда по пустой комнате.

– Следя за обладателем талисмана, мы выразим дяде свою благодарность. А уж если прикончим обладателя!... Дядя же нас вырастил, когда мама... – Валейт запнулся и сел на кровать. – К тому же ты знаешь, у него сейчас туго с наёмниками... Мало кому можно доверить такое дело. Да и мы развеемся. Плохо, что ли? Правда, он не хочет, чтоб мы вступали в бой с обладателем талисмана, а лишь наблюдали... Он защищает нас...

– И что? Теперь нам до конца жизни на него горбатиться? – Тито отвернул к стене зеркало. Поймав удивлённое лицо брата, он пояснил, что это на случай, если граф Спеода (фамилию он произнёс с отвращением) соизволит смотреть за ними через зеркало, применив магию и наблюдая за их отражением в своём зеркале.

– Тогда лучше вообще не говорить в присутствии зеркал...

– А ещё лучше не думать. – Тито намекнул на предполагаемую способность их дяди читать мысли и сел на стул. – А может, ну его? И махнём в Дестан? Там жарко сейчас...

Валейт лениво покопался в своём рюкзаке у кровати и извлёк тонкую папку.

– Именно в Дестане храм, в который намылилась наша жертва. – он пролистал немногочисленные бумаги.

– Дай угадаю? Нам и так, и так с господином Пелуа встречаться?

– Угу. Кстати, вуаля! – Валейт выудил из стопки небольшую фотографию Эвиона из школьного похода и показал Тито. – С сайта скачал. Это – наш объект охоты. – у Тито было такое лицо, словно он только что откусил приличный кусок от свежего лимона. – Только без руки. – Тито скис ещё сильнее.

Хет стоял в магазинчике «Кофейный этюд». Ароматы кофе и шоколада, ванили, молока – всё смешалось в один большой коктейль. Стоявшие на витрине чашечки, выполненные в

тёплых коричневых тонах, казались чем-то волшебным. Магази́нчик словно сошёл со страниц сказки: маленький, уютный и вкусно пахнущий ароматным отборным кофе.

Помимо Хета в магазине была милая продавщица в белой блузке и кофейного цвета юбке, с собранными в пучок волосами, а также маленькая кудрявая девочка, с обожанием смотрящая на баночку с карамельками в виде маленьких яблочек.

– Лисида, – малышка позвала продавщицу, – а сколько сегодня стоят эти яблочки?

– 10 синаплас. Мари, они не поменяют цену и завтра. – с сожалением ответила ей продавщица.

– А... – печально протянула девочка и порылась в кармашках салатового платяца. – У меня только 5 синаплас, не продадите ли...

– Не могу. Выгонят же...

– Дайте килограмм этих... – Хет поджал губы от непривычного слова, – ...яблочек... – и опустил продавщице в изящную руку 10 синаплас. Девочка посмотрела на него большими зелёными глазами, полными благодарности, а когда он отдал ей красивый пакетик со сладостями, не могла вымолвить ни слова и, кивнув, удалилась, крепко прижимая к груди заветное сокровище.

Продавщица Лисида склонилась из-за кассы к Хету.

– Вы так великодушны, сэр... Я знаю, вы из Квира...

– Ещё бы не знать... Тут же деревня. Через минуту все всё знают. – такому резкому ответу девушка немного смутилась, но тут же заговорила вновь:

– Жутко, должно быть, пришлось вам. – она поправила светлую прядку волос и поспешно сменила тему, видя, что молодой человек не особо хочет вспоминать катастрофу. – У этой девочки... У Мари родители – дантисты. Ей запретили есть сладости, бедная. Говорят, что как только коренные зубки окрепнут, тогда купят ей шоколаду, а ведь остался то только один молочный! Что вы об этом думаете?

– Предрассудки, госпожа Лисида. – Ответил Хет, вдохнув аромат кофе. – Хотя мои родители не были дантистами, но мне тоже много чего запрещали...

Непродолжительный разговор спугнула воркующая парочка, зашедшая в «Кофейный этюд». Под шумок Хет покинул магазинчик. На улице его поджидала Мари. Её рыжие волосы переливались в лучах палящего солнца, как язычки пламени.

– Спасибо... – она протянула ему одно карамельное яблоко в прозрачной упаковке. – Возьмите, пожалуйста.

Хет покорно протянул руку за угощением и, обменявшись благодарностями с малышкой, зашагал дальше по улице, попробовав соблазнительный плод леденца.

Ветерок согнал с дороги пыль, забив ею щели между ступеньками и порогами домов. Одно из разлучённых солнц-близнецов палило эту сторону планеты Анвирии, склоняясь всё ниже и ниже к земле. Наступал вечер, и на небе уже выступило два месяца и три, почти целых, луны.

Супруги Лайфелль, Эвион, чем-то очень довольный Хет, Теан с Эрикой и Тео сидели в оживлённой столовой, когда к ним подбежали красные и запыхавшиеся Гави с Лагорой.

– Цирк приехал! – еле дыша, сообщила девушка. Эрика, сидевшая дальше всех, засияла, и Теан отметил это мягкой улыбкой.

– Отлично! Давайте сходим? У меня как раз остались чаевые. – похвастался Тео.

– А как цирк смог добраться сюда через лес? – настороженно спросил Эвион.

– Ой... – Лагора опустила на стул, отодвинутый специально для неё Гави. – Они колесят большой компанией. Да и среди них есть маги, заклинатели... С такими ничего не страшно.

– Тогда хорошо... – Эвион сразу захотел присоединиться к цирку и доехать до другого города. А потом сбежать от циркачей... «Да что ж я вечно бегаю-то?» – возмутился он сам себе и ненароком посмотрел на собравшихся за столом: зажиточные Касси и Латан, только-

только успокоившийся Тео, вроде как подобревший Хет (или же это на него так светлая куртка действует?), Гави и Лагора, Теан и Эрика. – «Бегу, чтобы их в опасность не вовлекать» – ответ пришёл сам собой, и энтузиазм от мысли про очередной побег как ветром сдуло. Эвион закрыл глаза, не в силах смотреть на друзей.

– Тео, сгоняешь за билетами? – подтолкнул парня Гави.

– Без проблем!

– Только ты с самого утра к кассам иди: там очередь потом такая набежит! – посоветовала Лагора.

– А сразу сказать не могли? – растерялся оборотень. – Я завтра отоспаться хотел... Нашли крайнего. Ладно!

В течение всего оживлённого ужина Эвион поглядывал на Теана и на содержимое его тарелки и гадал, когда тот предпочтёт встать из-за стола. Поэтому ещё в начале трапезы наелся до отвала, чтобы не ходить голодным, если брат Лагоры рано покинет столовую, и Эви тоже придётся удалиться. Но Теан как на зло копался с едой, а когда пошёл за добавкой, Эвион буквально подавился грейпфрутовым соком от досады.

– Ладно, всем спасибо, я пошёл! – долгожданные слова, произнесённые Теаном, в миг вернули застывшего над пустым стаканом Эвиона к жизни. Он подождал, когда юноша выйдет из столовой, и тоже покинул пирующих под предлогом усталости.

Выйдя в холл, он огляделся и за стеклянными дверями, ведущими на улицу, разглядел светлую кофту Теана, почти померкшую в ночном полумраке.

– Теан! – окликнул его Эвион, догоняя парня на полупустой, освещённой лунами и высокими фонарями улице. – Слушай, а вы кабель в лесу ещё не заменяли?

Парень развернулся на ходу. Лицо его было таким же свежим и весёлым, как и утром за завтраком, на нём не читалось ни признаков усталости, ни приближения сна.

– Не, пока нет... А откуда ты узнал? – на лице юноши не было враждебности, что обрадовало Эвиона.

– Я случайно услышал. И хотел бы помочь вам в этом. – как можно убедительней сказал Эвион.

– Отлично! Чем больше – тем лучше. Хотя нет...

– Что «нет»? Нельзя? – Эвион даже немного испугался. Теан нахмурился, явно напряжённый этим разговором.

– Понимаешь, у нас чем меньше ферра... то есть людей в этом деле, тем лучше. В лесу приметную компанию задерут в два счёта.

– У меня есть оружие...

– Да у нас есть кое-кто похлеще оружия, но толку-то? Если нападёт группа вампиров или одичавшие ферра – нам конец, а в прошлый раз задрали двоих... – Теан опустил голову, выдержав несколько секунд, и продолжил:

– А зачем тебе в лес?

– Помочь вам...

Теан отрицательно покачал головой, то ли не веря, то ли запрещая идти. Эвион решил раскрыть истинные намерения.

– Понимаешь, за мной охотится один... Мафиози. И чтобы не подвергать друзей опасности, мне надо от них отдалиться, оставить их и уйти как можно дальше. Из-за меня они и так сильно пострадали, а ни в чём не повинные люди погибли. Только всё начало налаживаться... – тут он не выдержал и крикнул. – Я не хочу потерять их!

Теан заламывал руки, глядя на еле заметную в темноте землю.

– А как ты намерен отделаться от мафиози?

– Ну... Есть один способ, но пока не обдуманый. – Эвион вдруг подумал о желании, которое он может загадать по прибытии в храм Морьенте. А ведь это и правда выход – загадать,

чтобы граф от него отстал! Ещё лучше: чтоб тот кончил свою грязную жизнь в тюрьме. Или прямо сейчас! За всех убитых им людей...

– Что ж... Хорошо. – согласился Теан, чувствуя, что парню просто больше не к кому обратиться. – На этой неделе вряд ли уже пойдём, опасно. А вот на следующей... Наверное на следующей. – он медленно пошёл по каменной дороге вверх. – Я тебе сообщу. Только выходим мы вечером. Один из нас в облике ферра очень крупный и в темноте будет не так заметен... Ладно, удачи!

– И тебе.

Эвион развернулся к гостинице.

На маленьком балконе многоэтажного дома стоял мужчина 30-ти лет, в синем, идеально сидящем на нём костюме. Он нервно выкуривал сигарету за сигаретой. Луны вышли из-за облаков, осветив его белые волосы и лицо со шрамом. В этом взволнованном человеке смутно угадывался главный союзник графа Спеода – генерал Линс. Обычно и тени тревоги нельзя было вызвать на его лице. Вечно надменный, он смотрел на окружающих с неприкрытой неприязнью. Но что-то в одночасье надломилось, когда он встретил Олимпию, девушку с пышными кудрями, смуглой кожей и дерзкими чёрными глазами. Она походила на диковинное лесное существо, и генерал Линс влюбился в неё до беспамятства.

Осознание ответственности за её жизнь, ограничение свободы, внезапно возросшие беды – всё появилось неожиданно и навечно привязало Гертама Линса к графу. Теперь не он был полноправным хозяином своей судьбы. Рай, в котором раньше жил Гертам, закрыл перед ним свои двери. Должность генерала стала не любимой работой, а наказанием: массовые потасовки в отряде, убийства мирных жителей, потеря родных и долги – всё это, словно раны от не перестающей резать сабли, снова и снова атаковало его.

Из большого дома он переехал в небольшую однокомнатную квартиру на окраине. Продал машины, фабрику покойного отца, завещанную ему. Олимпия рассталась с фамильными украшениями. Но и этого не хватило, чтобы расплатиться с долгами. И тут появился Белиан Спеода. Добрым благодетелем соглашается он помочь влюблённым обрести счастье и финансовое равновесие, всего-то запросив у них два года службы. Пятый год подходит к концу, а граф не погасил их долги, не дал жениться, не отпустил на волю. Они словно птицы в клетке. Но это уже не та золотая клетка, стены которой вначале рисовались Олимпии и Гертаму. Это скорее заброшенный птичий вольер. Положение Гертама в политической сфере и Олимпии в социальной, восприятие их власти в обществе, беспроигрышное влияние на народ слишком приглянулись Белиану и расставаться с приобретением ему не хотелось.

На балкон вышла Олимпия в голубом халате. Она обняла любимого сзади.

– Я тебя сколько раз просила? – протянула она, медленно вытаскивая сигарету из его пальцев.

– Прости. – тихо ответил ей Гертам. – Сам знаю, самому-то мерзко... Но это, чёрт, помогает ведь!

Девушка затушила сигарету в пепельнице и ловко развернула к себе и не думающего сопротивляться генерала.

– А я, значит, уже не способна тебя расслабить? – игриво спросила она, следуя взглядом от его глаз к вороту рубашки. – Тебе надо чаще обращаться ко мне за помощью, Табакерка.

Он хохотнул и притянул девушку к себе. Впившись в её вишнёвые губы страстным, необузданным поцелуем, генерал поднял женщину на руки, и они скрылись в тёмной комнате от любопытных взглядов заинтересованных звёзд.

Глава шестнадцатая

Факиры, эльфы, духи

Ещё с раннего утра Тео топтался в огромной очереди за билетами в цирк. Люди создавали праздничный ажиотаж в ожидании интересного представления и взволнованно переговаривались. Наконец подросток купил шесть билетов, но настала новая проблема – вокруг касс было столпотворение и возможность выйти улетала так же стремительно, как закат на экваторе. А зади касс уже ставили шатёр.

Еле-еле просочившись сквозь возбуждённую толпу, он побежал в пустой переулок. Через несколько поворотов подросток добрался до «Золотого павлина».

На скамейке у дверей сидел Хет, разморённый солнцем.

– Твой билет! – протянул ему длинную расписанную в красных и рыжих тонах бумажку Тео. – Видел Теана, Эрику или Гави с Лагорой?

– Гави и Лагора ушли вверх по улице, Теан с Эрикой, кажется, ещё в гостинице. – ответил Хет, читая надпись на билете.

– Спасибо! – мальчик вбежал в «Золотого павлина» и нос к носу столкнулся с братом и сестрой.

– Ваши... – Тео протянул Эрике и Теану билеты.

– Спасибо. – слегка улыбнулась Эрика, принимая из рук Тео пропуска в цирк. – Ой, Теан, через 20 минут начало... Не опоздать бы...

– Успеется!

Тео выбежал из гостиницы и припустил по дороге наверх, бешено мотая головой по сторонам. Ни Гави, ни Лагоры и близко не было. Мальчик добежал было до вывески «Природные ванны Синоран», но из близстоящего сарая до него долетел девичий смех, и он так и не заглянул дальше вывески.

– Гави? Лагора? Вы тут? – Тео осторожно приоткрыл дверцу сарая и тут же получил комком сена по лицу.

Смех утих, Тео отряхнулся от сухих травинки и удивлённо оглядел присутствующих: по пояс утопленные в сене сидели Гави и Лагора, растрёпанные и покрасневшие от «войнушки».

– Ну? Чего ты ждёшь? – заигрывающе спросил Гави, а Тео схватил кучку сена и запустил в алхимика. Жёлтый комок разлетелся в стороны, не попав в адресата, а троица рассмеялась.

– 10 минут до начала спектакля! – объявил Тео, вручая им билеты.

– Спасибо, вперёд! – Гави вытянул из соломы Лагору и они убежали из сарая.

– А убираться тут кто будет?! Чей это вообще сарай? – догнал их Тео, на бегу вытаскивая из волос длинные сухие палки.

– Да без разницы! – ответил разгорячённый Гави, ловко лавируя между прохожими.

У большого полосатого шатра собралась толпа народу. Несколько девушек в длинных малиновых платьях и с измождёнными лицами накальвали билетки на длинные шампуры, некоторые из них гоняли сорванцов-безбилетников, норовивших пролезть под тканью шатра внутрь. Гави, Лагора, Хет, Тео и Теан с Эрикой вошли под купол цирка.

Атмосфера ожидания витала в цирковом шатре. Зрители рассаживались на тесно поставленные друг к другу стулья, стоявшие вокруг большой круглой арены. Под куполом цирка на столбе висели софиты и два больших прожектора. Под потолком были установлены тонкие канаты и брусья. Заиграла тихая арфа в углу шатра. Свет софитов устремился на центр сцены. Вышел мужчина в коричневом, блестящем орденами сюртуке. Его золотые кудри были

небрежно собраны рыжей лентой в пышный хвост. Мужчина остановился и заговорил в небольшой микрофон:

– Добрый день, дамы и господа! Вас приветствует директор цирка «Билеклиум», Эстер. – в знак приветствия дети и взрослые зааплодировали ему. – Уверяю вас, что представление вам понравится! Также мы уже приготовили для вас подарки!

В шатёр вошли акробатки лет 11-ти. Одни – в облегающих розовых костюмах с блёстками, другие – в оранжевых, с россыпью стразов. В руках у них были корзинки с карандашами и листочками бумаги.

– Итак! – Эстер кивнул девочкам. – На этих листках напишите название желанного подарка! Предупреждаю, подарок не должен превышать размер котёнка и по стоимости не должен заходить за 250 синаплас! А то цирк разорится...

Присутствующие засмеялись, из колонок пошла прерывистая электронная музыка, и девочки забегали по рядам, раздавая листочки и карандаши. Некоторые дети тихонько спрашивали у склонившихся над ними родителей, как пишется «щеночек игрушечный» или «красная машинка» и тронутые родители предлагали написать за детей их пожелания.

В это время на арену вынесли вёдра с водой.

Девочки закончили с листками и исчезли за кулисами. Под куполом стало темно, громкая музыка сменилась на тихую, романтическую мелодию. На сцену вышли два парня одинакового роста, в белых свободных штанах. У одного на лице была борода, другой имел зачёсанные назад волосы.

Один из прожекторов засветил тусклым белым светом над вышедшими юношами. Арена погрузилась в полумрак.

Под лирическую музыку они опустили руки в воду и, когда подняли, за ними по воздуху медленно проскользили струи воды. Прозрачная жидкость блестела в свете единственного горевшего софита, и казалось, что это вовсе не вода, а два Млечных Пути. Парни подняли руки вверх и два потока столкнулись над их головами.

Зрители были прикованы к картине, в которую сливалась вода... Вот она приняла вид рыцаря...

Рыцарь шёл по лесу, минуя образованные из воды деревья. Впереди ему открылась башня. Башня и рыцарь столкнулись, и в воздухе повис большой водяной холст. Он преобразовался в девушку, сидевшую у окна.

Ещё один всплеск – и перед зрителями снова рыцарь, смотрящий на принцессу в башне. Ещё всплеск – и башня перетекает в злого колдуна огромных размеров. Начинается схватка. Колдун трясёт над рыцарем посохом, но тот сражает злодея ударом меча. Рыцарь открывает дверь внизу башни и к нему выходит принцесса в длинном платье из перетекающих капель. Рыцарь и принцесса сливаются в поцелуе, и вода, по велению двух мастеров водных искусств, разделяется обратно по вёдрам. Музыка кончается, зажигаются остальные прожектора, освещающая парней. Им громко хлопают, особенно маленькие дети, и они, поклонившись в пол, забирают свои вёдра и уходят.

Под яркую, весёлую музыку выбегают две юные акробатки в блестящих костюмах. Свет снова гаснет. Вдруг от их костюмов отделяются блёстки, и зрители узнают в маленьких жёлтых огоньках фей.

– А я думала, феи не дрессируются... – послышалось с задних рядов.

Огоньки сгруппировались над зрителями и, когда музыка заиграла быстрее, разлетелись в стороны и снова собрались, потом опять в стороны, но уже не кучно. Феи стали похожи на звёздное небо. Но вот они вновь слетаются вместе...

В воздухе феи вырисовывали разные фигуры: сперва это было солнце с длинными лучами, потом огоньки соединились в очертаниях птицы, паука, в виде лошади и, напоследок блеснув так ярко, что некоторые заморгали, опустили на костюмы девочек. Акробатки стали

танцевать под музыку, а феи на костюмах продолжали светиться. Затем феи отделились от девочек. Сделав очередное синхронное сальто назад, девочки подпрыгнули, и в воздухе превратились в таких же фей и под овации зрителей улетели за кулисы.

Наконец сцену осветили все прожектора. На неё неторопливо вышла высокая длинноволосая красавица с продолговатыми ушами – чистокровная эльфийка. Небольшой септет заиграл в углу тревожную музыку, и девушка запела дивным голосом грустную песню. Сначала медленно, нагнетая обстановку, а потом на припеве взяв удивительно высокие ноты своим лёгким, чарующим голосом. Она резко обрушила песню поверх аккомпанемента и снова взяла высокие ноты. Её голос не дрожал, эльфийка любовно исполняла песню из какой-то знакомой всем оперы и блестяще закончила, заставив зрителей выкрикивать «браво» от блаженства.

Из колонок вырвалась неудержимая громкая дикая музыка, на сцену выбежали шесть человек: четверо мужчин и две девушки в белых развевающихся одеждах. Точнее кто-то выбежал, кто-то перекувырнулся в воздухе. Они, танцуя, расположились на сцене в шахматном порядке. Вдруг девушки вспыхнули алым пламенем и через секунду превратились в пепел, пока мужчины неистово плясали неудержимые танцы на заднем плане. Пепел снова вспыхнул, и перед испуганными зрителями девушки предстали в огненном обличье. Теперь вспыхнул задний ряд танцующих. Все шестеро размытыми пылающими фигурами летали в танце по сцене. Некоторые выпускали в зрителей огненные шары, которые, как успели убедиться присутствующие, вовсе не были горячими, а являлись простой иллюзией. Зато всё чаще по шатру проходил шёпот о повелителях огня – редчайших из хозяев четырёх стихий – воды, воздуха, земли и пламени. И тут между рядами стали вспыхивать стулья. Те, кто ещё не понял, что огонь – лишь видимость, вскрикивали, некоторые даже принимались его тушить. Детишки смеялись и хлопали в ладоши, взрослые с опаской косились по сторонам, но по их лицам было видно, что настроены к факирам они положительно. В колонках зазвучал барабан, шестёрка в мгновение ока приняла человеческий вид и, поклонившись замершим от неожиданного финала зрителям, перешучиваясь, убежала за кулисы. Только выждав паузу, люди очнулись и захлопали. Мужчины-факиры снова выглянули из-за кулис и послали девушкам огненные поцелуйчики по воздуху.

На сцене показался ведущий с золотыми волосами.

– Надеюсь, факиры вас не очень напугали? – крикнул он в микрофон. В ответ ему закричали протянутое «Нееет». – Отлично! Сейчас перед вами выступит очень одарённая девушка!

Он вошёл за кулисы и, придерживая их полог, вывел за руку молодую девушку с короткими красноватыми волосами. Одета она была в цветной костюм и походила на райскую птичку. За ней вышли парень и девушка в костюмах под цвет одежды первой, только значительно темнее. Эстер подвёл девушку к лестнице наверх к турникам и канатам. Из колонок запел хор этнической композиции. Девушка поднялась по лестнице на самый верх и прошла по небольшой доске, ведущей к тонкому канату. Двое подручных превратились в маленьких колибри и метнулись к ней. Страховки внизу не было. Девушка закрыла глаза и ступила на канат. Осторожно и ни разу не пошатнувшись, она дошла до середины, медленно завела правую ногу назад, неожиданно подпрыгнула и точно попала обратно на качающийся канат. Вдруг девушка резко перевернулась под него, оказавшись висящей на канате вниз головой подобно летучей мыши под потолком пещеры. Под изумлённые возгласы зрителей она сделала несколько шагов и, оторвавшись от каната, совершила сальто, а потом вновь приземлилась сверху на него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.